

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ  
И  
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

**2011 – 12 (234)**

**Научно-информационный бюллетень**

**Издается с 1992 года**

**Москва  
2011**

*Центр гуманитарных  
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

*Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

**Россия и мусульманский мир:** Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 12 (234). – 178 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Зубов.</i> Какая модернизация нужна России? .....	4
<i>Йохан Гальтунг.</i> Десять тенденций, меняющих мир .....	12
<i>Р. Беккин.</i> Институт вакфа в современной России .....	24
<i>Ягфар Гарипов, Роза Нурулина.</i> Мусульманская молодежь Татарстана: Конфессиональная социализация и ценностные ориентации .....	32
<i>Д. Халидов.</i> Северный Кавказ: Системный анализ и парадоксы статистики .....	42
<i>Сабина Гарашова.</i> Геополитические аспекты стратегии США в Каспийском регионе .....	57
<i>Диана Боровик.</i> Нефтяная монархия Каспия .....	66
<i>Елена Ионова.</i> Ситуация в Киргизии и перспективы российско-киргизских отношений .....	71
<i>Халимахон Хушкадамова.</i> Национальные обряды в современном Таджикистане .....	78
<i>Аркадий Дубнов.</i> Власти Туркменистана усилили контроль над ситуацией в республике .....	83
<i>Л. Васильев.</i> Особенности современного терроризма в Центральной Азии .....	84
<i>В. Овчинский.</i> Афганский узел терроризма .....	95
<i>К. Краснов.</i> «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана .....	112
<i>Е. Тихонова.</i> Сунниты и шииты Ирака: От «Ирака британского» к «Ираку американскому» .....	120
<i>М. Володина.</i> Современная политическая система и становление гражданского общества в Марокко .....	134
<i>Е. Деминцева.</i> Мусульмане во Франции (дискурс в трудах французских ученых второй половины XX – начала XXI в.) .....	149
<i>Георгий Мирский.</i> Ислам, исламизм и современность .....	164
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2011 г. ....	171

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**  
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ  
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**Андрей Зубов,**  
доктор исторических наук  
**КАКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НУЖНА РОССИИ?\***

Как нам соотносить себя с миром, как строить нашу внешнюю и оборонную политику, в каком направлении проводить и проводить ли вообще модернизацию жизненного уклада нынешней России? Я – историк, и чтобы найти ответы на эти вопросы, попробую подойти к ним исторически.

Начну с того, что цивилизационно и культурно Россия не какая-то особая евразийская или российская цивилизация, как любят у нас говорить, а периферия, отдаленная провинция западного мира. Этот тезис очень легко доказывается. Строй нашей государственной и культурной жизни выходит из догосударственного и бесписьменного состояния в конце X в. после Рождества Христова. Он формируется Восточной Римской империей. Достаточно посмотреть круг чтения, стиль архитектуры и живописи, правовые установления.

Пришедшие из Константинополя христианство и строй жизни наложились на варварский народ, до того долгое время пребывавший в состоянии полной культурной деградации. Академик Борис Рыбаков при всем своем желании смог найти очень мало памятников дохристианского периода на пространствах Восточно-Европейской равнины. Русь – это не Греция, не Египет, не Римская империя с их богатейшим и многотысячелетним дохристианским культурным прошлым. Россия – это очень молодая культура, всецело индуцированная древней средиземноморской цивилизацией в ее христианизированном обличье. Именно поэтому и во времен-

---

\* Доклад на Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 17 апреля 2010 г.

ном, и в пространственных отношениях Россия – это отдаленная периферия западной цивилизации.

### **Начало истории – оторванность от культурного центра**

Цивилизационные различия Восточного и Западного Средиземноморья в эпоху христианизации Руси были очень невелики и ощущались современниками не более, чем сейчас – различия между Германией и Италией. Второй такой же периферийной зоной западной цивилизации является северо-запад Европы – Скандинавия. Чтобы оценить, как развивается Россия, надо иметь в истории референтную группу. И такой референтной группой может быть очень сходный по историческому генезису с Россией северо-запад Европы.

Когда-то, в далеком прошлом, в IV тысячелетии до Рождества Христова, на том пространстве, где сейчас находятся Россия и Северо-Западная Европа, обозначились два культурных центра доисторического континента. В районе степи и лесостепи между Вислой и Уралом, по мнению большинства ученых, зародился индоевропейский культурный центр, из которого индоевропейцы двинулись в конце III тысячелетия по всем направлениям, кроме, понятно, северного, и постепенно достигли Синьцзяна на востоке, Пенджаба – на юго-востоке, Атлантики – на западе, берегов Средиземного моря – на юго-западе. Не забудем, что и Греция, и Рим, и Армения – это индоевропейские сообщества. Будущие же славяне и балты остались на своих исконных местах обитания – на Восточно-Европейской равнине. А северо-запад Европы (юг Скандинавии, Британские острова, Бретань) – это мегалитическая цивилизация, распространившаяся в III–II тысячелетиях до Рождества Христова до Египта и Сирии.

Но со II тысячелетия до Рождества Христова происходит все большее одичание в обоих древних центрах, а центр культуры утверждается в районе Средиземного моря – Египет, потом Крит, Греция, этрусская Италия. Вспомнить эту глубокую древность нам важно, чтобы не испытывать комплекса неполноценности. Мы, так сказать, дети хороших родителей, без которых нынешний культурный мир был бы немислим, но по ряду причин мы отбились от рук, одичали и пребывали в одичании, в культурно деградировавшем состоянии за пределами цивилизации около двух тысячелетий. За эти два тысячелетия средиземноморский мир проделал ог-

ромный путь культурного развития, а германцы Скандинавии, славяне и балты Восточно-Европейской равнины деградировали, по всей видимости, даже в сравнении со своим древним состоянием времен индоарийской общности. Но вторичная аккультурация в лоне той же цивилизации всегда проходит легче прививки иной цивилизации. Второе, как правило, вообще плохо получается.

И Россия, и Северо-Западная Европа вновь включаются в единое культурное поле Запада только в конце I тысячелетия после Рождества Христова с христианизацией, причем совершенно одновременно. Скандинавия и Русь крещены в конце X в.: в 988 г. князь Владимир крестит Русь, в 993–995 гг. его близкий родственник конунг Олав Триггвесон, погостив у Владимира, – Норвегию.

Скандинавия приняла через Рим западную форму единого тогда православного христианства, а Русь через Константинополь – восточную. Но форма христианства – вопреки тому, что думал Петр Яковлевич Чаадаев – на самом деле ничего не значит для цивилизационного развития этих двух регионов. Да и церковь фактически оставалась единой, как признают практически все историки, даже не до 1054, а до 1204 г., т.е. до разгрома крестоносцами Константинополя. Православная Византия находилась в активном взаимодействии с Европой и даже лидировала в нем и технологически, и интеллектуально до дученто, т.е. до XIII в., а во многих аспектах и до триченто. Вспомним схоластические споры IX–X вв. вокруг Ареопагитик, исихастские споры XI–XIV вв., породившие готику на западе и паламитское богословие на востоке Европы, – они были общими для всего христианского мира. Сама по себе византийская или римская версии православия тогда мало что значили для культурной матрицы. Значимы они были для каких-то отдельных ее аспектов, но не для уровня модернизованности. Константинополь и Фессалоники в XIV в. были не менее «современны», чем Рим или Париж, и прекрасно понимали друг друга на всех уровнях – от богословия до военного искусства, ибо все они были центрами единой средиземноморской цивилизации.

Для периферии же главным является не различие в деталях культуры, а интенсивность общения с культурным центром. Это очень важный тезис. Не тип культуры, а интенсивность общения. Интенсивное общение Скандинавии с западным культурным центром, т.е. со Средиземноморьем и шире – с пространством древней Римской империи, не прекращалось никогда после ее включения в цивилизованное пространство. Вместе с католическим миром происходила христианизация Скандинавии, потом

Скандинавия переходит к лютеранству, как и вся Северная Европа. С запаздыванием в 40–80 лет в Скандинавии утверждаются все те же явления, что и в расположенных южнее западных культурных центрах, – университетское образование, готическое искусство и богословие, городское самоуправление. С Реформации, с XVI в., отставание исчезает вовсе. В Норвегии и Швеции крестьянство сохранило личную свободу и в большой степени – собственную землю. В Норвегии помещичье землевладение было ничтожно, в Швеции, где с середины XVI до середины XVII в. дворянское землевладение увеличилось с 22 до 60% обрабатываемых земель, «редукция» собственности по закону 1655 г. вернула крестьянам и горожанам часть отнятых у них угодий и к 1700 г. за помещиками оставалось не более трети земель. Гражданская же свобода у шведского «четвертого сословия» не отчуждалась никогда, а его обязанности по отношению к государству и помещикам были четко определены королевским законом и не могли превышать.

В России все иначе. Монгольское нашествие, 1237–1240 гг., не нанесло непоправимого удара и не отсекло Русь так, как отсекло Византию турецкое завоевание, завершившееся в 1453 г. Дело в том, что Русь оставалась, во-первых, вассальной, а не полностью завоеванной. Во-вторых, наиболее вестернизированная Северо-Западная Русь (Псков, Новгород) и в меньшей степени вестернизированные, но тоже ориентированные на Запад Полоцкое и Турово-Пинское княжества вообще не были завоеваны. Они платили дань монголам, но не более того. XIV в. стал временем весьма интенсивного общения Руси с культурными центрами Запада, а западная часть Руси была просто отвоевана у татар литовско-русскими силами во второй половине столетия (победа Ольгерда над ордынским войском у Синих Вод в 1363 г.) и ее связь с западным культурным центром через Польшу и Венгрию полностью восстанавливается. Преподобный Сергей Радонежский интеллектуально на равных вел беседу с болгариним митрополитом Киприаном и греком патриархом Филофеем Коккином, а те, в свою очередь, с итальянскими богословами. Творения Григория Паламы почти немедленно переводились на славянский, да и греческим языком русские книжники тогда владели неплохо. Единое культурное поле сохранялось, но, как и раньше, в системе «центр – периферия». Греческий иконописец Феофан учит русского гения – Андрея Рублёва, и в результате появляется живопись своеобразная, но вполне равная по совершенству исполнению лучшим творениям европейского триченто – отставание на 50–80 лет в срав-

нении с главными культурными центрами Европы было тогда и для Руси обычным.

На самом деле драматическое отсечение Московской Руси произошло в 1448 г., это – самопровозглашенная автокефалия, когда Русская церковь отказалась принимать своих митрополитов из Константинополя, и особенно в 1459 г., когда московские епископы по настоянию митрополита Ионы поклялись хранить от всех независимой, как высшую ценность, «Святую Московскую Церковь». С тех пор примерно на 120–150 лет всякое общение со всем миром для Руси прекращается. Греки будут рассматривать Московскую церковь как раскольническую, схизматическую, самопровозглашенную. Католический мир не признает ее тем более. Завоевание Иваном III Новгорода и разгром его внуком Иваном Грозным Новгорода и Пскова полностью запечатали эти ворота в Европу и искоренили европеизированную северорусскую культуру.

Драматическое 150-летие (с середины XV и до конца XVI в.) стало для Руси периодом максимальной стагнации, остановки развития. За этот период Запад делает колоссальный культурный рывок. Ведь это – эпоха Ренессанса, научной революции. Это Уильям Оккам и Майстер Экхарт, Эразм и Лютер, Микел-анджело и Леонардо, Коперник и Кеплер, Галилей и Фрэнсис Бэкон. Запад за XV–XVI вв. осваивает огромный пласт культуры, математики, механики, философии, медицины, а Россия остается почти вне этого процесса, все больше и больше отстает, отрубленная волей своих правителей, и светских, и церковных, от культурных центров. То, что в Париже, Риме, Оксфорде – естественный результат интеллектуального развития, в Москве – чудо-диковинки, вроде как сейчас – нанотехнологии.

В результате, когда в XVI в. в Европе обсуждали проблему свободы воли (помните – дискуссии Лютера и Эразма), в России размышляли, как ходить вокруг аналоя с Евангелием – по солнцу или против солнца, двоять или троить аллилую. В качестве компенсации полной отрубленности от всего мира при Василии III выдвигаются всем известные концепции Москвы – Третьего Рима, «Сказание о Мономаховом венце», «О Белом клобуке» и прочий бред, который был осужден Московским собором 1667– 1668 гг. как измышления, сделанные «от ветра головы своя». К тому времени наша референтная группа, Скандинавия, стала вполне органичной частью западного мира – не лидером, но и не чужаком. Рене Декарт чувствовал себя равно естественно и во Франции, и в



Голландии, и в Швеции в XVII в., несмотря на все исповедные отличия этих стран. Немецкие же гости в Москве чувствовали себя совсем иначе, а несчастному выпускнику Падуанского университета, православному Михаилу Триволису (известному на Руси как Максим Грек) пришлось долгие годы провести в казематах подмосковных монастырей за попытку поднять интеллектуальный дискурс Москвы на приемлемый для ренессансного человека уровень.

Поэтому модернизация XVII в. проходит уже в основном или через Украину, единственную часть Руси, которая осталась открытой Западу, поскольку она была включена в Польшу, или непосредственно через немецкую Лефортову слободу. Но эта модернизация носит отчетливо имитационный характер, потому что русская модернизация – не следствие развития сознания людей, как в старой Европе, а результат простого заимствования некоторых технических новаций, военных, политических и т.д. Царь Петр Алексеевич сбрил своим боярам бороды и одел их как кукол в европейские камзолы, но европейцами от этого они, понятно, не стали, да и стать не могли. Понадобились немцы, и они в изобилии приглашаются в Россию или включаются в нее вместе с Остзейским краем. Одними ряжеными русскими боярами обойтись наши модернизаторы не смогли. Имитационная модернизация, безусловно, негативный момент. Она создает видимость культуры, но не культуру, подобно костюмам от Корнеллиани у нынешних московских чиновников.

Я не буду подробно говорить об альтернативе петровской модернизации, которая наметилась в конце XVII в. Это – план реформ, намеченных царевной Софьей и Василием Голицыным, последовательных медленных реформ, направленных на сущностную модернизацию. Важно то, что Софью победил Петр – царевну заточили, князя Василия сослали в Каргополь. Суть реформ Петра – это не прорубленное окно в Европу. В Европу была прорублена щель, через которую смогла войти лишь дворянская элита, да и то в системе имитационной модернизации. А 95% общества оказались полностью отрезанными от модернизационных процессов. Для подавляющего большинства русских людей был закрыт путь к какому бы то ни было образованию, тем более – к европейскому, к любым гражданским свободам. Они не только оставались в XVI столетии. Фактически им было возбранено становиться иными. Указы Петра 1711 и 1719 гг., по существу, превратили в рабов большую часть населения России, причем без надежды на какую-либо аккультурацию. Это был очень примечательный и значимый

для нас момент, когда модернизация элиты происходила за счет одичания и ограбления основной массы народа. И в итоге, как много раз писал мой старый друг и коллега Юрий Сергеевич Пивоваров, сложились две субкультуры: субкультура вестернизированной и модернизированной, даже по-русски говорить разучившаяся, но тончайшая – не более 2–3% русских людей, и субкультура массовая, все более дичавших в сравнении с европейским простонародьем мужиков, «законсервированных» в эпоху Стоглава.

Западноевропейский абсолютизм в XVIII в. провозгласил: «Править без народа, но для народа». К концу 1700-х годов почти все население Пруссии, Франции, Австрии, Англии, Швеции было грамотным. Повсюду действовало местное самоуправление, крепостное право в среде государствообразующего этноса исчезло или сохранилось в совершенно символических формах (недельной в течение года отработки в пользу сеньора). В России с царствования Елизаветы Петровны крестьян перестали приводить к присяге – гражданами они не считались, собственности у них не было, права на свободный брак – тоже, грамоте их не учили, подавать на своих хозяев в суды они не имели права. Это были единоверные дворянам, единокровные им рабы. Об их модернизации не было и речи. Русский абсолютизм был правлением без народа и не для народа, а для тончайшего слоя элиты за счет народа.

Фактически только после освобождения крепостных, с великих реформ 1860-х годов и открытия России вновь полностью Западу – именно всей страны, а не только тонкого элитного слоя, – начинается новая модернизация. И всем известно, насколько быстрой и мощной она была. За 50–60 лет этой модернизации, особенно за последнее 20-летие царской России, произошел невероятный экономический и культурный рывок. Появился сущностно модернизированный слой общества, к которому относятся и славянофилы и западники, и Пирогов и Менделеев, и Чайковский и Лев Толстой, и Ключевский и Сикорский. Но из-за того, что у этой модернизации были большие во многом корни, эта модернизация в итоге закончилась не современной европейской Россией, как об этом мечтал Петр Столыпин, а большевистским кошмаром. Сущностно модернизированный слой русского народа достиг к Первой мировой войне 10–15% населения, но дикая масса большинства, замученная непонятной для нее войной и взъяренная большевиками, захлестнула и смыла новую Россию в пятилетней Гражданской войне, которая фактически и была войной двух субкультур.

## **Тупики имитационной модернизации – есть ли шанс?**

После короткого открытия времени нэпа с 1929 г. Россия вновь закрывается полностью. При этом уже уничтожен в красном терроре или будет уничтожен в последующие десять лет тонкий слой сущностно модернизированного русского общества, или эти люди были изгнаны из России. Ведь полтора миллиона граждан, которые покинули страну до Второй мировой войны, – в основном лучшая, наиболее модернизированная, самая культурная часть русского общества.

Итак, мы вновь были обречены на все большее отставание. Сталинская модернизация была во многом опять же имитационной в технической и военной сферах. И мнение, что Советская Россия была новой великой цивилизацией и силой, во многом, по моему убеждению, ошибочно. Ошибочно потому, что пока еще существовали старые дореволюционные кадры и их ученики – в основном до конца Второй мировой войны, до ждановщины и лысенковщины, – еще происходили какие-то новые исследования. Но в тех областях, в которых никаких заделов до революции не было, например, в той же генетике, кибернетике, – отставать стали с самого начала. И в итоге СССР в 50–70-е годы приходилось самым грубым образом воровать технические новинки на Западе. Без Пенемюнде, без Бруно Понтекорво возникла бы наша ядерная и ракетная мощь? Так и не осуществив модернизацию сущностную, мы вновь вернулись к модернизации имитационной. Швеция и Норвегия 1980-х годов и СССР эпохи позднего застоя – вот результат тысячелетней модернизационной гонки двух периферийных европейских регионов. Победитель очевиден.

Наконец, открытие России миру в 1990 г., снятие тоталитарного пресса, конечно, вызвали хаос и как результат деградацию общества даже в сравнении с советскими временами. Это понятно. Но этот период проходит. Мы все видим, как сейчас общество стабилизируется, меняется в отношении ценностей. Оно открыто Западу. Интернет, поездки и жизнь на Западе делают свое дело. Особенно меняется молодежь – те, кто завтра станет у руля русской жизни. Россия вновь начинает чувствовать себя частью большой цивилизации. В этой ситуации любые разговоры о создании автаркичной политической модели, об ориентации не на Запад, который является культурной основой России, а, скажем, на страны Дальнего Востока, мусульманский мир как главный источ-

ник культурного общения или на самое себя, – безответственны, неразумны и опасны. Сегодня любая попытка оградить Россию, построить новую стену между нею и Западом, как при Павле или Иване III, означает четвертую стагнацию, которую, скорее всего, страна не перенесет. Нынешнее, исключительно быстрое развитие мировой науки и технологии делает самоизоляцию особенно губительной, а покупка современного знания за нефть, т.е. новый виток имитационной модернизации, лечит наше общество не более чем впрыскивание морфия лечит онкологического больного.

Сущностная модернизация ныне – это трудный, долгий и требующий огромного политического искусства процесс. Он совершенно не обещает, что мы вскоре станем великой державой, тем более – сверхдержавой. Но такая модернизация дает нам шанс вернуться в компанию цивилизационно сродных нам обществ и сообщая с иными народами, которым мы культурно близки испокон веков, встречать общие вызовы и решать общие проблемы.

Я думаю, что после всего того, что мы пережили, у нас есть шанс или стать, пусть не великой, но все же западной страной, с развитым и ответственным гражданским обществом, или, отгородившись от Запада, попытаться в какой уж раз создать на путях имитационной модернизации мощное государство, но со стремительно дичающим народом, поработанным безнравственной элитой, – колосса на глиняных ногах, рано или поздно обреченного обрушению. Из этой альтернативы, на мой взгляд, есть только один выход – открыть себя Западу, примириться с тем, что сейчас мы не можем быть первыми (слишком много лучших жизней унес у нас XX в.), и на тех ролях, какие мы еще можем заслужить, войти в концерт западных держав. Другого пути, достойного нашего многострадального народа, у России как не было, так и нет.

*«Труды по россиеведению»,  
М., 2010 г., с. 177–184.*

**Йохан Гальтунг,**

политический аналитик (Норвегия)

**ДЕСЯТЬ ТЕНДЕНЦИЙ, МЕНЯЮЩИХ МИР**

Мы живем в переломную эпоху, и когда завершится переходный период, начавшийся крушением Советского Союза, мир станет совсем другим. Зловещих предзнаменований хватает, одним из них стала двойная террористическая атака в Норвегии в

июле (на эту тему – ниже). Предсказать, каким будет мир, сейчас невозможно, но тенденции, набирающие силу на наших глазах, позволяют наметить контуры возможных перемен. Выделим десять основных трендов. Пять из них разворачиваются в глобальном пространстве между государствами и регионами, еще пять – в социальном пространстве между группами людей.

### **1. Глобальные тенденции:**

- закат и падение империи США;
- закат Запада;
- ослабление государств и усиление регионов;
- подъем «остальных»;
- рост Китая.

### **2. Социальные тенденции:**

- укрепление наций;
- укрепление гражданского общества;
- рост активности молодежи;
- повышение роли женщин;
- усугубление неравенства и мятежи.

В результате мы становимся свидетелями масштабных перемен, сопоставимых с переходом от греко-римской античности к Средневековью, а затем к раннему Ренессансу и современной эпохе (1789) на Западе. Эти перемены происходили в условиях глобализации христианства, тогда как нынешние преобразования осуществляются в условиях глобализации капитализма и глобального потепления.

Пять глобальных тенденций могут восприниматься как подтверждение теории сообщающихся сосудов: когда один опорожняется, другой наполняется. Запад «мелеет» – «остальные» поднимаются, Соединенные Штаты ослабевают – Китай усиливается. Все эти тенденции взаимосвязаны, но в то же время они проявляются не менее отчетливо или даже нагляднее как пять независимых явлений, каждое из которых развивается в соответствии с собственной социальной логикой.

Так, упадок американской империи имеет свои причины и следствия, вполне сопоставимые с тем, что мы знаем из истории об упадке других империй. Закат Запада в целом связан с этим явлением, но имеет свою мотивацию, когда США по другим причинам, прежде всего социально-экономическим, выступают в качестве той части Запада, которая не может позволить себе устойчивое развитие. Как ни парадоксально это прозвучит, в качестве слабо-

развитой страны, в которой американская мечта превращается в американский кошмар.

Закат и окончательное падение империи – это разные процессы, связанные с неизбежной логикой развития империй как организмов, начиная с их рождения, роста и достижения зрелости вплоть до старения и смерти. При грамотной организации и щедро вознаграждаемых за сотрудничество элитах на периферии центр способен добиться от окраин существенной экономической зависимости, поселить в них страх перед возможным применением силы, создать стремление идентифицировать себя с центром и добиться подчинения. Но лишь до поры до времени: империя становится жертвой собственного успеха, переоценивая свои возможности и / или недооценивая возможности державы, выступающей в качестве противовеса. Период экспансии заканчивается, и ему на смену приходит длительный период статус-кво, когда консервируется крайняя несправедливость во всех четырех аспектах силы.

Империя является архетипом несправедливой силы, поскольку добивается зависимости и притворного послушания, сея страх и насаждая коллаборационистские элиты. Иногда периферия сливается с центром. Когда речь идет о соседних географических регионах, этот процесс нередко обозначается термином «строительство нации». Именно так это происходило в Испании, Франции, Великобритании, Германии, России и Китае.

Урок, преподнесенный Британской, Французской, другими западноевропейскими и советской империями, должен сподвигнуть Соединенные Штаты начать производить товары, а не жить за счет неравноправной торговли и тиражирования «мировой валюты». Гибель доллара в этом качестве неминуема, как и приход на смену ему валютной корзины. Нужно сосредоточиться на внутренней обороне, оставив бесчисленные военные базы и прекратив войны по всему миру, начать диалог с другими культурами и договариваться о политических компромиссах вместо того, чтобы стремиться диктовать всем свою волю.

Но, несмотря на растущее число проигранных войн, привлекательность других культур (исламские страны, Япония, Китай) и растущее неподчинение, экономическая эксплуатация может какое-то время не ослабевать, будучи встроена в неравноправные международные торговые структуры, где ресурсы и человеческий труд стоят ничтожно мало. Конечно, будет иметь место известная доля распределительной справедливости в виде помощи в разви-

тии, призванная скрыть трансферты в противоположном направлении, извлекаемые благодаря эксплуатации, бегству капитала, коррупции. Более того, за чисто экономическими способами поощрения скрывается куда более важный социологический эффект западной помощи в развитии. Стипендии выдаются перспективным молодым людям, которые затем пополняют ряды постколониальной элиты. Другие трансферты также призваны поставить эту группу в выгодное положение. Кваме Нкрума (основатель современной Ганы, представитель африканского антиколониального движения) точно охарактеризовал подобную политику как неоколониализм.

Неустойчивое равновесие было достижимо до тех пор, пока Запад пользовался монополией на обрабатывающие отрасли. Япония стала первой неевропейской страной, бросившей вызов такому положению. За ней последовали четыре малых «дракона», а потом четыре огромные страны БРИК. Прежнее равновесие нарушилось, и это стало одним из факторов заката Запада. За этими первыми ласточками вскоре последуют «остальные», которые также начнут производство если не на экспорт, то по крайней мере для обеспечения своих элит.

Растущее во всем мире предложение могло бы соответствовать такому же быстрорастущему спросу, если бы не обострение неравенства на Западе, при котором у 30–50–70%, представляющих собой население «дна», не хватает покупательной способности, чтобы приобретать товары с высокой долей добавленной стоимости. Прибавьте к этому существование – в силу неравенства – такой аномалии, как перетекание ликвидности к высшим классам, не оставляющее им другого выбора, кроме спекуляции. В их распоряжении масса новых финансовых инструментов вроде деривативов для быстрой купли-продажи – своего рода азартная игра. В результате: бум финансовой экономики + замороженный реальный сектор = крах. Тем более что этому содействуют экономисты, неспособные или нежелающие предсказывать или предвидеть. Если «остальные» и Китай, подобно Индии, попадутся в эту ловушку, их усилению придет конец, как это случилось с той же Японией.

Рецепт исцеления Запада столь же прост, сколь неосуществим: не накачивать ликвидностью банки, неспособные выжить, жестко регулировать финансовый сектор, а затем стимулировать людей, начиная с нуждающихся слоев населения. Поощрять небольшие компании, сельскохозяйственные кооперативы, поликли-

ники с лекарствами-дженериками для лечения обычных болезней простых людей, школы для обоих полов и всех возрастных групп. Но правящие классы на Западе скорее готовы защищать банкиров, чем обычных людей. Китайская формула «капитализм-коммунизм», поднимающая людей со «дна», облегчающая их лишения и включающая их в реальную экономику, могла бы совершить чудо на Западе. Однако камнем преткновения стали бы ярко выраженные классовые различия, и не только в США. Отсюда последний из социальных трендов – усугубление неравенства и мятежи.

Если главный ключ к развитию и прогрессу – повышение покупательной способности населения, влачащего существование «на дне» общества, все больше стран, включая Индию, будут подражать Китаю. Это негативно отразится на самоуважении и чувстве собственного достоинства жителей Запада и приведет к росту душевных болезней. Не исключено повторение эпидемии суицидов, с которой начался закат империи Габсбургов.

Главная причина неотвратимости тенденции к закату государства и усилению регионов на удивление проста. Маркс писал о средствах производства, но не о средствах связи и транспорта. Благодаря SMS и скоростному перемещению все процессы в мире протекают в режиме реального времени и размеры большинства стран значительно сокращаются. Выживут только сильнейшие – БРИК, США и некоторые другие; остальные будут все больше втягиваться в орбиту регионов, которые отличаются географической близостью и культурным родством.

В результате получаем:

- светско-христианский Европейский союз;
- смешанный Африканский союз;
- индуистско-мусульманскую Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК);
- смешанную Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН);
- светско-католическую Латинскую Америку;
- мусульманскую Организацию Исламская конференция (ОИК), простирающуюся от Марокко до Филиппин;
- буддистско-конфуцианскую Восточную Азию;
- светско-православную Российскую Федерацию, где Чечня имеет такую же автономию, как Нидерланды в Евросоюзе.

А на смену Организации Объединенных Наций (ООН), скорее всего, придет Организация Объединенных Регионов (ООР).



Государство – это территория, власть на которой сконцентрирована в одноименной организации – «государстве». Что же касается наций, речь идет о культурных группах, характеризующихся четырьмя признаками: общий язык, религия-идеология, время – общие представления об истории, прошлом, настоящем и будущем – и пространство, т.е. общая территория и география. В мире 2000 наций и около 200 государств, но только 20 из них представляют собой национальные государства, в которых преобладает одна нация. Только в четырех из 180 многонациональных государств нет преобладающей нации (в Европе это Швейцария, в которой несколько наций сосуществуют на равных, а также Бельгия, раздираемая проблемами межнациональных отношений, а в Азии – лингвистически федеральная Индия и Малайзия). Что касается остальных стран, то самый верный прогноз в их отношении – это борьба, часто насильственная. Нации, находящиеся в тени, будут бороться за место под солнцем – либо за полную независимость, автономию в рамках федерации, за другие виды суверенитета.

Процесс становления наций уходит корнями в историю, и зародившееся когда-то во Франции определение нации как «граждан одного и того же государства» убеждает теперь немногих. Линия водораздела, за которой мобилизуется готовность убивать и быть убитым, сегодня редко совпадает с границами государства – она проходит между нациями, религиями, языками и территориями. Характер войны меняется, но формула «от межгосударственных конфликтов к внутригосударственным междоусобицам» слишком поверхностна и не выдерживает критики. Нации иногда занимают территории разных стран, равно как и многие страны являются общим домом для многих наций. Это приводит к образованию многочисленных и разнообразных конфедераций. Однако регионы могут служить своего рода адаптационными «зонтиками», по мере того как увеличивающийся поток людей, пересекающих государственные границы, все больше сближает их.

Государства размываются могущественными силами сверху – такими как регионализм и глобализирующийся капитализм транснациональных корпораций и банков. И снизу – национализм и негосударственное, некапиталистическое гражданское общество, которое вдохновляет людей на солидарность и порождает новое самоопределение и идентичность: расширенные семьи, кланы, племена, профсоюзы, города и села, религиозные группы, пов-

станции. Государства сжимаются, но какое-то время они еще существуют.

Сегодня в мире помимо обычных государств существует столько территорий, что наши политические карты, окрашенные в четыре основных цвета, используемые для обозначения разных стран, оказываются плохим путеводителем по современной действительности. Тем не менее США находятся под гипнозом этого путеводителя и нерационально придерживаются той реальности, которая исчезает на глазах.

Возникает все больше новых реалий. Возможно, пролетариат в марксистском понимании утратил запал после появления социал-демократии и краха социализма советского и восточно-европейского образца. Но у общества есть другие линии разлома кроме противостояния между покупателями рабочей силы и продавцами – возраст, пол, раса и национальность в широком культурологическом аспекте, включающем язык и религию. Если исходить из возраста, то нам стоит помнить о четырех основных категориях: детство, отрочество, нуждающееся в образовании, взрослый период, когда нужно работать, и время пенсии. Молодежно-студенческий мятеж начался в Латинской Америке в 1963 г. В 1968 г. он перекинулся на Европу и чуть позже – на США и Японию. Затем он пришел в страны Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), а также в Испанию в виде Движения М15 (движение социального протеста против мер, предпринимаемых для преодоления экономического кризиса). Оно будет находить себе благодатную почву везде, где существует безработица, где получение высшего образования не обеспечивается рабочими местами, где господствуют автократия и клептократия (включая, конечно, и коррупцию).

Поскольку стареющее (и, следовательно, менее плодovitое население) рассматривается как проблема, а не источник опыта и даже мудрости, нас ждет не только увеличение числа молодежных мятежей, но и мятеж пенсионеров. Одни будут требовать вернуть им пенсионные фонды, потерянные в результате спекуляций, другие будут настаивать на своем праве на общественно полезную трудовую деятельность, не подчиняясь диктатуре людей среднего возраста, говорящих пожилым: «Убирайтесь!»

Страны в чем-то похожи на людей; они также претерпевают процесс, аналогичный человеческому развитию. 1960-е годы породили ряд стран-детей, ищущих собственную идентичность. Они находятся в окружении стран-подростков с негативным самоопре-

делением, которые протестуют и оспаривают статус-кво. Существуют также страны-взрослые, реализующие множество разных проектов – в качестве примера можно привести страны БРИК. И наконец, есть страны-пенсионеры, главная задача которых – сохранение статус-кво и выживание. Китай – бывшая страна-пенсионер, которая в настоящее время проходит путь от детства к отрочеству и взрослому состоянию.

Добавьте к этому восстание женщин – революционную, эпохальную тенденцию – американскую революцию 1970–1980-х годов с последующей реакцией на нее. Женщины обладают огромным ресурсом в области культуры и образования, легко превосходя ленивых мужчин благодаря своему усердию и старательности. Мятеж распространяется на все страны, нанося удар по патриархальной семье (только пятая часть всех американских домохозяйств – это супружеские пары с детьми), и сегодня женщины претендуют на занятие половины всех должностей.

Это влечет за собой последнюю тенденцию – усугубление неравенства и мятежи. Несправедливость ведет к неравенству, а неравенство порождает мятежи. Другой вопрос – перерастают ли эти мятежи в революции, переворачивающие общества с ног на голову? Колоссальное неравенство – вроде того, что 1% населения Соединенных Штатов контролирует 40% богатства, – резко снижает относительную мобильность поколений и ощущается как внутри стран, так и между ними. Несколько лет тому назад рост валового мирового продукта (ВМП) составлял около 2,8%, а неравенство – соотношение покупательной способности между самыми богатыми и самыми бедными 20% населения – достигало 3,2%. Рост ВМП не смягчил участи пятой части беднейшего населения. А «дно» этого «дна» сегодня умирает со скоростью примерно 125 тыс. человек в день – 25 тыс. от голода и 100 тыс. от болезней, которые поддаются профилактике и лечению при наличии денег. Миллиарды людей уверены, что мы живем в злом и несправедливом мире.

Существует ли аналогичная пропасть в военной, культурной и политической сферах? Если говорить о силовом неравенстве, разве нет единственной сверхдержавы, объявленной самой могущественной, которая значительно превосходит по своей мощи всех остальных?

Если это так, то почему же тогда США терпят неудачу в одной войне за другой? Сначала во Вьетнаме, потом в Ираке и Афганистане, а ныне в Сомали, Йемене и Ливии – не потому ли, что

они не в состоянии справиться с такими уравнивающими их преимуществами силами, как партизаны, терроризм и ненасильственные методы борьбы? Напасть на мировую сверхдержаву, такую как Соединенные Штаты, или на региональную империалистическую державу, такую как Израиль с мощным собственным вооружением, было бы глупо. Особенно если уповать на танки, как Саддам Хусейн в 1991 г. во время операции «Буря в пустыне», или на ракеты ближнего радиуса действия, которые ХАМАС использовал против Израиля. Баланс сил установить легче, чем баланс богатства. Хотя Юго-Восточная Азия указала путь к последнему, но легче и быстрее добиться баланса силы.

Что касается культурного неравенства, той пропасти между светом для народов и черными дырами во Вселенной, которые в лучшем случае поглощают свет, но не излучают его, то бывшие звезды постепенно угасают. Четыре страны «Большой восьмерки» – США, Великобритания, Италия и Япония, проповедующие свои культурные евангелия миру, – находятся в процессе разложения и инволюции. Более того, у этих «черных дыр» может быть внутренняя жизнь, черпающая энергию из богатых культурных ресурсов, включая их знание Запада, – во благо и во вред себе. В действительности, они могли излучать свет тысячелетиями, но вся беда в том, что он передавался на такой длине волны, которая была неразличима для глаза западных обывателей. Однако в начале прошлого века японская модель развития внезапно открывается Западу, хотя сама же Япония сделала все для того, чтобы ее сверхновая звезда погасла так же быстро, как и образовалась. На смену японской модели приходит китайская. Китай – слишком большая страна, чтобы ее можно было победить, и она также способна завладеть умами миллионов.

Когда мы говорим о политическом неравенстве, на авансцену выходит демократия, сталкивая общенародное большинство с элитными меньшинствами, если только последним не удастся изменить правила игры – например, заменить принцип «один человек/один голос» на принцип «тысяча долларов/один голос». Соединенные Штаты, Великобритания и другие страны НАТО из последних сил держатся за власть в ООН, сопротивляясь таким демократическим установлениям ООН, как Объединение за мир, или противодействуя признанию Палестины, которое давно назрело. Словом, у ООН сегодня есть только один выбор: демократия или смерть.

В условиях саботажа демократии люди или страны находят выход с помощью новых осей взаимодействия, подобных кооперации Юг–Юг, сотрудничества по гуманитарной линии и т.д. Они будут сокращать экономическую зависимость, создавать собственные альянсы, наподобие Шанхайской организации сотрудничества, вдохновлять друг друга, не отвергая при этом лучшие идеи Запада, и принимать собственные решения. Другими словами, они будут опираться на собственные силы и возможности, отмежевываясь от антидемократических элементов или стран, многие из которых находятся на стадии «пенсионной немощи и выживания». Они идут путем Ганди, стремясь к самодостаточности, находятся в поисках собственной самобытности, безбоязненно экспериментируют и уповают на «сварадж» или самоуправление.

Какие последствия следует ждать из всего этого в ближайшие годы?

Мы не отдаем приоритет ни глобальным, ни социальным тенденциям – они дополняют и усиливают друг друга. Так, «арабская весна» в странах – это явный мятеж против вопиющего политического и экономического неравенства, инспирированный преимущественно молодежью и женщинами, которые тем самым заявили о своем оформлении в ведущие социальные силы. Однако мятеж направлен также против имперской пары США / Израиль, которые мнят себя Божьими избранниками и видят свою миссию в том, чтобы создавать местные элиты по всему миру и управлять своими империями через продажных, коррумпированных диктаторов. «Арабская весна» ослабляет эти элиты и империи, уже длительное время размываемые различными процессами, вынуждая их применять непропорциональное насилие, которое, в свою очередь, вызывает ответные мятежи.

Американская и израильская империи, возможно, падут до 2020 г., но Соединенные Штаты и Израиль останутся на плаву, если будут вести себя мудро и пойдут на компромисс. В рамках границ 1967 г. Израиль мог бы быть принят в сообщество ближневосточных наций вместе с пятью своими арабскими соседями, как это сделала Германия в рамках Римского договора, начиная с 1957 г. А США, прекратив войны и интервенции, закрыв военные базы за пределами собственной территории и отказавшись от политики диктата, могут стать полноправным членом Североамериканского сообщества вместе с Канадой и Мексикой. Нынешние американские президенты навлекут еще больше позора и бесчестия на свою страну, если будут прибегать к силе, вести себя неум-

но и из последних сил держаться за умирающие империи. То же касается и преемников нынешних лидеров в Израиле и Соединенных Штатах (Авигдор Либерман, Сара Пэйлин?). Но преемники преемников, возможно, начнут проводить более реалистичную политику.

Отказавшись от безнадежной и бесплодной внешней политики, Запад фактически мог бы начать социально-экономическое восстановление. Однако, пока суд да дело, усиление Китая и «остальных» может зайти слишком далеко, и вряд ли воспрянувшие западные страны смогут тогда рассчитывать на то пространство, к которому привыкли.

На гигантских просторах Российской Федерации наступит процветание, которому, возможно, окажет содействие «российская весна», не слишком отличающаяся от арабской. Молодежь и женщины будут играть главную роль и, может быть, даже изобретут лучший коммунизм в 2017 г.

Вероятность подобных событий не исключена и для Китая, но многое уже сделано внутри самой Коммунистической партии Китая. Динамика страны кажется устойчивой – как в смысле роста (в среднем 26% в год в течение последних 30 лет в экономических зонах, где Дэн Сяопин начал свои эпохальные реформы в 1980 г.), породившего колоссальное неравенство по уровню богатства, власти и доступа к природным ресурсам, так и в смысле «открытости». Примерно 30 млн. китайцев ежегодно выезжают за рубеж и возвращаются на родину, где свобода личности становится все более реальной.

Гораздо больше проблем в Индии, половина жителей которой по-прежнему живет в провинции, где все еще сильны кастовые предрассудки, которые тяжелым бременем ложатся на жизнь всего полуострова. Наксалиты, возможно, – лишь предвестники таких форм борьбы, как партизанская война, терроризм и ненасильственные формы сопротивления. Быть может, однажды Китай с его национальными проблемами научится у Индии лингвистическому федерализму, а Индия с ее кастово-классовыми проблемами сможет перенять у Китая своеобразный вид «капитализма-коммунизма»? Быть может, две самые густонаселенные страны мира помогут друг другу освободиться?

Африку с населением свыше миллиарда человек, возможно, потрясут сокрушительные мятежи против выращенных на Западе элит. Ливия расположена на пресноводном «море» (так называемая Великая искусственная река – крупнейшая в мире трубопро-

водная система общей протяженностью 4 тыс. км, которая доставляет пресную воду из резервуаров под Сахарой, скрытых на глубине 600–800 м), которое могло бы орошать большую часть Сахары. А к югу от Сахары имеется достаточно богатств, включая плодородные земли, чтобы она прекрасно кормила себя при условии, что за распределение благ будут отвечать женщины. Латинская Америка экспериментирует с экономикой, ориентированной на фундаментальные потребности – например, экспортирует мясо и импортирует энергоносители, а энергоносители обменивает на услуги в области здравоохранения.

Мятежи придут и на Запад. Движение M15 в Испании вызывает большой интерес. Главное, чтобы его лидеры не требовали перемен у правящих классов, стоящих на страже статус-кво, – это было бы большой ошибкой. Они могли бы создавать «низовые» компании, т.е. развивать малый бизнес, о котором выше уже было сказано. Кооперативные сберегательные банки могли бы инвестировать в реальную экономику, вместо того чтобы спекулировать в финансовом секторе, учитывая высокий уровень образования и здравоохранения, а также обилие пенсионеров, которые могли бы внести свой вклад опыта и мудрости в ходе надвигающегося мятежа пожилых и пенсионеров (к 2015 году?).

\* \* \*

Бывают события, в которых сразу сходится много нитей. Катастрофу, случившуюся в Норвегии 22 июля 2011 г., хочется списать на маньяка Брейвика. Это было бы проще всего. Но нельзя поддаваться соблазну узкой интерпретации.

Расширим горизонт. С одного края – исламофоб-одиночка, связанный с какими-то группами, олицетворение европейского неофашизма. Если бы его удалось просто объявить сумасшедшим, исчез бы политический оттенок. Он превратился бы в *causa sui*, причину самого себя. В таком случае Норвегии было бы чему поучиться у Америки после 11 сентября – как произносить речи об «абсолютном и немотивированном зле». С другого края – Ansar al-Jihad al-Alami, группировка, вначале якобы взявшая на себя ответственность за теракты в Норвегии, которая стала бы для обанкротившегося Вашингтона отличным поводом потребовать новые ассигнования на «войну с террором». А в середине – реальный Брейвик, порождение своего времени, тот, для кого ливийская ситуация в какой-то момент стала прикрытием, а в то же время сам

он оказался чуть ли не оружием возмездия. Сотрудничество по умолчанию?

Брейвик сознательно убивал участников молодежного лагеря социал-демократов, заявляя, что он искореняет марксизм, левые идеи... Но почему выбор пал именно на этих жертв, ведь Рабочая партия Норвегии имеет к левым идеям и марксизму не больше отношения, чем Партия прогресса, в которой когда-то состоял убийца, к идеям правым. Обе партии голосовали за бомбардировки Ливии, обе поддержали покупку по немыслимым ценам американских F35. Идеология не причем.

Премьер-министр повел себя правильно, заявив: ничто не отвратит Норвегию от демократии. Но демократия – это не просто совокупность индивидов, запертых каждый в своей идеологической ячейке. Демократия – это диалог, вызов, столкновение с другими, а не пересчет обитателей ячеек на выборах раз в четыре года. Брейвику надо было общаться с большим количеством людей, нам всем это не помешало бы. Парламенту и гражданам следует открыто обсуждать любые проблемы.

*«Россия в глобальной политике»,  
М., 2011 г., Т. 9, № 4, июль-август, с. 8–18.*

**Р. Беккин,**  
востоковед (ИВ РАН)  
**ИНСТИТУТ ВАКФА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Вакф представляет собой имущество, отчуждаемое в благотворительных целях. После передачи определенного имущества в вакф (или, по мнению некоторых мусульманских правоведов, после объявления решения об этом) оно перестает быть собственностью учредителя вакфа (вакифа), не становясь вместе с тем собственностью того, кто получает вакф и управляет им в интересах обозначенных вакфом выгодоприобретателей. Имущество, переданное в вакф, запрещено использовать не по назначению, установленному учредителем вакфа.

Однако в России мусульмане и мусульманские духовные лидеры не всегда ясно понимают назначение вакфа, забывая о том, что вакуфное имущество не передается в собственность религиозных организаций и лишь доход от него может быть использован в их интересах.



В Поволжье вакфы иногда смешиваются с другими исламскими институтами: гышаром (правильнее – ‘ушром, т.е. десятиной – как правило, десятой частью урожая), закятом, а также доходами, полученными от проведения таких религиозных обрядов, как хатемлар (собрания с молитвами за усопших), джаназы (похоронный обряд) и др. Нередко вакф воспринимается как фонд для финансирования различного рода текущих расходов мечети и мусульманского духовенства. Очевидно, что очень сложно вести конструктивный диалог, когда инициаторы развития вакуфной системы не знают, что же она собой на самом деле представляет.

Любопытно, что проблемы с правильным пониманием вакфа существовали в России и до революции<sup>1</sup>.

Особо следует отметить, что широкое распространение в царской России (прежде всего в Поволжье) получил неправильно понимаемый наличный вакф, суть которого состояла в том, что учредитель вакфа выделял на благотворительные цели определенную сумму денег и размещал ее под проценты, предназначавшиеся выгодоприобретателям (мечетям, мусульманскому духовенству, ученикам (шакирдам) религиозных учебных заведений и др.). Таким образом, практически повсеместно соблюдалось одно положение мусульманского права и нарушалось другое, более важное, неоднократно и недвусмысленно сформулированное в Коране, – запрет ростовщичества. После Октябрьской революции вакфы в различных регионах России были ликвидированы, но не сразу. Дольше всего вакуфные учреждения просуществовали на Северо-Восточном Кавказе. Лишь спустя десять лет после революции, 23 января 1927 г., было издано постановление ЦИК и СНК Дагестанской АССР «О национализации вакфных имуществ».

В новейшей истории Татарстана вопрос о вакфах неоднократно обсуждался на самом высоком уровне. Одна из первых встреч подобного рода состоялась в 1993 г. Представители мусульманского духовенства Татарстана обсуждали с президентом республики М.Ш. Шаймиевым вопросы создания системы вакфов, необходимой для строительства и содержания мечетей, медресе, издания богословской литературы. По итогам встречи президент отдал распоряжение сформировать специальную комиссию по

---

<sup>1</sup> После уничтожения войсками Ивана Грозного Казанского ханства большинство вакфов в Поволжье было ликвидировано. Возрождение вакфов в Поволжье фактически с чистого листа началось только с середины XIX в.

изучению вопросов организации вакфов. Для обмена опытом были направлены специалисты в Турцию.

На объединительном съезде мусульман Республики Татарстан в 1998 г. были учреждены должность Председателя вакуфов (в ранге первого заместителя муфтия) и отдел вакуфов при Духовном управлении мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ). Само же понятие «вакф» было впервые введено в современное российское законодательство в Законе Республики Татарстан «О свободе совести и религиозных объединениях» 1999 г. Содержащееся в Законе положение о вакуфном имуществе и его неотчуждаемости было лишь декларацией о намерениях, а не правовой нормой, в которой зафиксирован сложившийся порядок вещей. Однако и оно спустя некоторое время вызвало вопросы на предмет его соответствия федеральному законодательству. В республиканский Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» был внесен ряд поправок, но положение о вакуфном имуществе тем не менее было сохранено.

Понимая, что без необходимых изменений в федеральных законах все усилия по правовому обеспечению функционирования пока еще не существующих вакфов бессмысленны, депутаты Госсовета Татарстана выступили в июне 2008 г. с инициативой включить в российское законодательство понятие «вакуфное имущество». Ранее, в марте того же года, с аналогичным предложением выступил председатель ДУМ РТ Гусман Исхаков. Реакции со стороны федеральных властей не последовало.

Постановка вопроса о необходимости введения в федеральное законодательство понятия «вакф» имеет значение и в контексте проблемы возвращения мусульманам изъятой после Октябрьской революции вакуфной собственности. К примеру, в Крыму ссылка на существовавшие во времена Российской империи вакфы является одним из аргументов, предъявляемых крымскими татарами при возвращении им их земель, утраченных в годы советской власти. Как было сказано выше, работа по выявлению существовавших до революции в Поволжье вакфов ведется правоведами и историками в Татарстане. Однако даже если предположить, что понятие «вакф» будет введено в федеральное законодательство, это не дает гарантии возвращения мусульманам изъятой после революции вакуфной собственности – большинство документов об учреждении вакфов не сохранилось.

Вместе с тем при отсутствии в федеральном законодательстве понятия вакуфного имущества у желающих учредить вакф есть

много других легальных способов сделать это. В связи с попытками татарстанских сторонников вакфа непременно ввести данное понятие в федеральное законодательство уместно будет вспомнить один курьезный случай, рассказанный мне коллегой. В свое время над памятником советскому солдату-освободителю в Пловдиве (знаменитым «Алешей») нависла угроза демонтажа. Тогда одна престарелая жительница города составила завещание, в котором душеприказчикам было предписано сдавать после ее смерти принадлежащую ей квартиру, а получаемый доход направлять на содержание памятника. Благородная старушка наверняка бы очень удивилась, если бы узнала, что учредила вакф. Например, для основания так называемого наличного вакфа вообще не требуется формирование какой-либо институциональной структуры.

Что касается недвижимого имущества, то после того, как 24 сентября 2004 г. Государственная дума в третьем чтении приняла поправки к Земельному кодексу, религиозные организации, являющиеся собственниками зданий и сооружений религиозного и благотворительного назначения, получили земельные участки в собственность безвозмездно. В случае если религиозные организации не являются собственниками тех зданий, которые они занимают, земельные участки могут быть предоставлены им в безвозмездное пользование на все время использования зданий. Очевидно, что указанные поправки были сделаны прежде всего в интересах Русской православной церкви (РПЦ), однако ощутимую пользу от нового закона получили и другие конфессии.

Таким образом, с правовой точки зрения проблемы с учреждением вакфов в современной России нет. Как, впрочем, не было ее и при прежнем, более расплывчатом в отношении вопросов вакуфной собственности законодательстве. Важно лишь найти наиболее адекватный институт в российском законодательстве.

На первый взгляд, близким вакфу по своей сути является договор доверительного управления (гл. 53 ГК РФ). Однако те, кто предлагает использовать в качестве основы для учреждения вакфа данный договор, забывают, что он в отличие от договора вакфа не является бессрочным и заключается на срок, не превышающий пять лет (ст. 1016, п. 2 ГК РФ). Кроме того, в действующем законодательстве не прописан механизм управления доверительной собственностью, если в качестве доверительного управляющего выступает гражданин, не являющийся предпринимателем, или некоммерческая организация (ст. 1015, п. 1 ГК РФ). На наш взгляд, для реализации вакфа в условиях России больше подходит ст. 582

ГК РФ «Пожертвования», предусматривающая ситуацию, когда жертвователь обуславливает использование жертвуемого имущества по определенному назначению. Среди получателей пожертвования названы религиозные организации. Закон охраняет волю потенциального учредителя вакфа: «Использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменение этого назначения с нарушением правил, предусмотренных пунктом 4 настоящей статьи, дает право жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику требовать отмены пожертвования» (ст. 582, п. 5). Иными словами, один из главных признаков вакфа – неотчуждаемость – предусмотрен в ГК. Кто-то может возразить, что в условиях, когда жестко не определен статус всех сторон договора вакфа, сложно гарантировать, что вакф будет служить тем целям, ради которых был учрежден, а права и обязанности сторон не будут выходить за рамки дозволенного в шариате. Однако права и обязанности сторон могут быть четко прописаны в договоре.

Подлинным, а не мнимым препятствием на пути развития вакфов является утрата мусульманско-правовой культуры не только в Поволжье, но и в других мусульманских регионах России.

Так, в 1990-е годы ряд сельских администраций в Северном и Центральном Дагестане в обход российского законодательства передали часть приписанных к ним до коллективизации вакуфных владений вновь открывшимся мечетям. Иногда такая передача оформлялась как долгосрочная аренда. В свою очередь, мечети стали раздавать такие земли в субаренду членам своих общин. В Верховном Совете Дагестана в первой половине 1990-х годов активно обсуждался вопрос о включении положения о вакфах в Конституцию. Однако результаты первого общедагестанского референдума, состоявшегося 28 июня 1992 г., показали, что 83,7% голосовавших выступили против раздела колхозных земель на частные владения, что фактически поставило крест на широко-масштабном возрождении вакуфной системы в республике.

Примечательно, что нормы, регулирующие вопросы, связанные с вакуфным имуществом, возродились в колхозной деревне Дагестана в 50–80-х годах XX в., постепенно адаптируясь к новым условиям жизни. Собранные отечественным востоковедом В.О. Бобровниковым и дагестанскими этнографами материалы подтверждают, что в ряде районов Среднего и Северного Дагестана горцы продолжали собирать натуральные и денежные поступления от бывших вакфов. Речь, конечно же, не идет о появлении

новых вакфов. Но небольшая часть вакуфных имуществ, после коллективизации слившаяся с личной собственностью колхозников, при молчаливом одобрении колхозного начальства тайно использовалась на религиозные и благотворительные нужды общин колхозов. С 1960-х годов имела место нелегальная сдача в аренду бывших вакуфных полей и пастбищ.

Анализируя современный опыт возрождения вакуфной собственности в Дагестане, где в начале 1990-х годов в отдельных районах Нагорного Дагестана стали появляться немногочисленные вакфы, В.О. Бобровников пришел к выводу, что в этой самой исламизированной республике России нет особых предпосылок для развития вакуфной системы. Примерно то же самое можно сказать и о Татарстане, где культура вакфов была утрачена еще раньше, чем в Дагестане.

Означает ли все вышесказанное, что у вакфа в современной России нет никаких перспектив? Отнюдь. На наш взгляд, тот факт, что в России утрачена культура вакфов, существовавшая до революции, следует расценивать скорее позитивно, чем негативно. В наши дни татарские историки часто апеллируют к опыту функционирования вакфов в середине XIX в. в Поволжье. Однако при этом забывается, что значительная их часть функционировала с нарушением фундаментального исламского положения о запрете ссудного процента. Большая доля доходов от вакфов в Поволжье представляла собой результат ростовщических операций! Это означает, что у российских мусульман есть возможность начать с нуля процесс не возрождения сомнительных с точки зрения шариата вакфов, а создания новых, отвечающих вызовам XXI столетия, одним из которых является потребность в финансировании малого и среднего бизнеса, принадлежащего мусульманам.

Похоже, что первый серьезный шаг в этом направлении сделан. В феврале 2010 г., спустя более чем десять лет после появления положений о вакфе в Законе Республики Татарстан «О свободе совести и религиозных объединениях» 1999 г., в Казани было официально объявлено об учреждении мусульманской религиозной организации «Вакф». Фактически данная организация выступает в качестве управляющего предоставленными руководством Татарстана в вакф земельными участками.

Первым вакфом, поступившим в управление МРО «Вакф», стал земельный участок площадью 10 280 м<sup>2</sup> в Казани, где размещен комплекс по забою жертвенных животных в дни празднования 'Ид ал-адха (Курбан-Байрам). В состав комплекса входят по-

мещения, предусмотренные для забоя, хранения и раздачи мяса населению. Очевидно, что в дальнейшем государство будет выступать де-факто в качестве учредителя многих вакфов – по крайней мере тех, в основе которых лежит недвижимое имущество.

Процесс придания институту вакфа в наши дни новых свойств неизбежен. В отличие от ситуации с закятом, по вопросам вакфа существует возможность более широкой интерпретации соответствующих положений Корана и Сунны, касающихся благотворительности. Ввиду того что зачастую вопрос о вакфах поднимается мусульманским духовенством и близкими к нему лицами, в современной России под вакфом понимается как правило не благотворительный, а религиозный вакф.

Как нам представляется, в современной России практически игнорируются прямые вакфы, в то время как они являются примером неадресной помощи неимущим и бедным. Даже если речь идет о вакфе в виде публичной библиотеки, последняя может в условиях высоких цен на книги служить едва ли не единственной возможностью для неимущих повысить свой социальный статус за счет приобретения новых знаний. Известно, что доход от вакфов, а также средства от закята и садаки могут безвозмездно передаваться тем, кто не в состоянии себя обеспечить (дети, инвалиды и т.п.), а также тем, кто лишь временно испытывает нужду в ресурсах, в том числе и для реализации конкретных проектов.

Однако, несмотря на то что основной задачей, стоящей перед уммой России, является развитие благотворительных вакфов, не следует забывать и о тех филантропических учреждениях, целью которых является предоставление различного рода услуг, а не извлечение дохода. Сложно отрицать важность вакфа в виде публичной библиотеки, где помимо книг посетителям будет обеспечен бесплатный доступ в Интернет, включая доступ к научным и научно-популярным материалам. При этом, как уже было сказано выше, выгодоприобретателями в договоре об учреждении вакфа могут выступать не только мусульмане.

Институт вакфа может доказать свою эффективность в такой сфере, как помощь в адаптации в России мигрантов из мусульманских стран. Как известно, в России работает значительное число выходцев из среднеазиатских республик бывшего СССР. Например, по некоторым данным от 500 000 до 1 млн. граждан Таджикистана временно проживают и работают в России. Большинство из них плохо владеет русским языком, не знают основ российской государственности, базовых законов и т.п. Именно мигранты из

бывших советских республик активно вовлечены в малый и средний бизнес. Повышение их образовательного уровня, безусловно, будет способствовать увеличению эффективности их бизнеса, что непосредственным образом скажется на поступлении доходов в госбюджет России.

Для того чтобы помочь мусульманам из других стран адаптироваться к российским условиям, необходимо создать неправительственный центр, в котором мигранты смогли бы изучать русский язык, российское законодательство, возможно, даже получить новую профессию. Из средств подобного квазивакфа также возможна выплата стипендии необеспеченным студентам-мусульманам. Учредить такой центр могут как одно юридическое лицо, так и множество физических лиц. Очевидно, что такой центр должен работать в тесном контакте с Федеральной миграционной службой.

Реальную поддержку малому и среднему бизнесу, принадлежащему мусульманам, в Москве и регионах России оказывают их единоверцы. Так, учитывая высокие арендные ставки в сфере коммерческой недвижимости, некоторые собственники или арендаторы зданий предоставляют их в безвозмездное пользование малым и средним предпринимателям. В частности, известны случаи, когда издательствам, специализирующимся на выпуске исламской литературы, бесплатно предоставлялось помещение для осуществления торговли книгами и другой печатной продукцией. Причем такое помещение может быть использовано в течение длительного периода времени. Добыть статистику по данной деятельности практически невозможно, поскольку предприниматели стараются не афишировать ее.

Иными словами, помощь малому и среднему бизнесу не обязательно должна выражаться в предоставлении «живых» денег, она может заключаться и в существенном сокращении расходов малых и средних предпринимателей. Бесценными в этом плане могут оказаться также информационные и консультативные услуги, финансируемые за счет вакфа или квазивакфа.

Что касается Духовных управлений и мечетей, то пока не вакф, а садака является наиболее эффективным источником финансирования мусульманских религиозных организаций в России.

*«Исламская экономическая модель и современность», М., 2010 г., с. 292–299.*

**Ягфар Гарипов,**

кандидат философских наук (Татарстан)

**Роза Нурулина,**

кандидат социологических наук (Татарстан)

## **МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ТАТАРСТАНА: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ**

Процесс религиозного возрождения, ставший в последние десятилетия весьма значимым явлением российской действительности, актуализировал проблему конфессиональной социализации молодежи. Конфессиональная социализация – это процесс освоения индивидом догматов, норм, правил, ценностей конкретной религиозной общности, формирование на этой основе собственной духовной культуры и способности реализовать себя в качестве члена религиозной общины.

Целью, критерием и результатом успешной социализации выступает личность, способная стать субъектом поликультурного российского общества, необходимой характеристикой которой выступает межконфессиональная толерантность. Под межконфессиональной (религиозной) толерантностью понимается терпимое отношение к догматам различных конфессий, характеру религиозности, особенностям литургии и т.д., а также к инакомыслящим (в том числе и неверующим).

Ввиду определенных проявлений в общественном сознании религиозного экстремизма, для российского и международного сообщества несомненный интерес представляют особенности социализации мусульманской молодежи в Республике Татарстан (далее РТ), зарекомендовавшей себя как регион с устойчиво стабильными в исторической перспективе толерантными межконфессиональными отношениями. Весьма важна в этом контексте позиция учащихся религиозных учебных заведений, так как данные образовательные учреждения проводят подготовку специалистов в области богословских исследований, профессионального мусульманского духовенства, преподавателей исламских учебных заведений и учреждений непрофессионального образования. Именно от них будут во многом зависеть этноконфессиональные отношения в регионе в ближайшие годы.

Исходя из этих положений, отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук РТ был проведен массовый опрос шакирдов – учащихся мусульман-



ских учебных заведений РТ. Цель исследования – изучение процесса конфессиональной социализации и ценностных ориентаций шакирдов в контексте проблемы формирования толерантных отношений.

С позиций социологии значительный интерес представляет процесс становления личности учащегося мусульманского учебного заведения. Формирование религиозно-нормативной обусловленности его субкультуры и образа жизни, своеобразной направленности ценностных ориентаций, по всей видимости, детерминировано особыми условиями и влиянием специфических факторов социализации.

Определяющая часть (70%) будущих шакирдов воспитывались в полных семьях, родными родителями, причем почти половина из них – выходцы из многодетных семей (три и более детей – 46,5%). Имущественное положение у большинства семей среднее: к «обеспеченным» относятся 40% опрошенных, к «зажиточным» – 23,5, к «богатым» – лишь 6%, «нищие» и «бедные» семьи представлены незначительно (2 и 4,5% соответственно). Что касается профессий родителей, то среди отцов в равной степени представлены городские рабочие (29,5%), жители села (29%), а также группа, в которую были включены представители интеллигенции, руководители (в основном низшего уровня) и предприниматели (27%). Среди матерей примерно равные доли домохозяйек (17%), городских рабочих (20%), жительниц села (23,5%) и представительниц группы «интеллигенция, начальники, бизнесмены» (21,5%). Большинство родителей имеет среднее (в том числе и среднее специальное) образование (около 70%), высшее – только 20%, и только 5% получили религиозное образование. По мнению экспертов, «контингент в основном из деревень и рабочих семей».

Несмотря на то что предыдущее поколение (родители) формировалось в условиях атеистической идеологии, большинство респондентов считает своих родителей верующими мусульманами (60% указали, что все члены семьи являются верующими, хотя религиозные предписания выполняют в полной мере лишь 31,5%, остальные выполняют частично или не выполняют совсем). Это соответствует данным социологических исследований религиозности молодежи десятилетней давности, согласно которым в Татарстане к верующим относили себя более 70% опрошенных, причем среди них 28% старались соблюдать религиозные обычаи и обряды, а 43% их не соблюдали.

Приведенные выводы, однако, не согласуются с распространенной точкой зрения, что современная российская семья не является для детей авторитетом в вопросах веры: «В российских семьях вплоть до самого последнего времени религиозные впечатления остаются... “решением”, принимаемым нередко на фоне активного межпоколенного конфликта – мировоззренческого, поведенческого, социального, конфессионального, психологического и т.д.». В качестве альтернативы во многих источниках описана религиозная преемственность между поколениями бабушек и их внуками, осуществляемая через голову родителей.

Однако половина шакирдов (52%) воспитывались в семьях без бабушек и дедушек, тем не менее процесс конфессиональной социализации был достаточно успешным. По-видимому, 20 лет религиозного возрождения привели к качественным изменениям ситуации: более 80% респондентов находятся в возрасте от 14 до 23 лет, это молодые люди, сформировавшиеся после 1988 г. в условиях религиозного либерализма, это уже, по сути, второе поколение верующих. Их родители пришли в ислам в 1990-е годы, они являются мусульманами, хотя некоторые выполняют религиозные предписания частично. В настоящее время можно, по всей вероятности, констатировать, что разрыв межпоколенной связи постепенно преодолевается: «Родители отличались от других, держали уразу... были религиозными людьми. Но когда они смогли делать это открыто, у них уже почва была готова... миссионеры давали уроки, они (родители) активно в этом участвовали. Мой отец даже немного знал арабский, его отец и тесть научили. В районе они в деревнях давали уроки. С одной стороны, это, а с другой – в 1990-е годы татарское национальное движение очень сильное было, это было параллельно»; «Да, наверное, родители только и повлияли. Их влияние было решающим»; «Родители всегда твердили, чтобы я читала намаз, и много говорили о рае» (из анкет).

Друзья в жизни шакирдов играют такую же большую роль, как и в жизни всех молодых людей. Общение с друзьями – самый популярный вид досуга. В вопросах: «Где получали информацию об исламе и религиозной жизни до медресе?», «При каких обстоятельствах приняли решение поступить в религиозное учебное заведение?», «Кто или что в настоящее время оказывает наибольшее влияние на ваше мировоззрение?» – во всех случаях друзья занимают четвертую–пятую позицию после религиозных институтов, родителей и родственников.

Религиозные организации, служители религии и исламская литература становятся значимыми факторами социализации в подростковом возрасте или еще позже. Возможно, в том числе и потому, что все эти институты не были в то время (10–15 лет назад) достаточно развиты. Сейчас открываются детские сады для мусульманских детей, организуются воскресные школы при мечетях, летние лагеря, издаются детские книги, развивается детский спорт и т.д.

Приоритетным направлением деятельности учебных заведений, подведомственных Духовному управлению мусульман РТ, является подготовка религиозных кадров, воспитание духовенства, готового служить российской умме с учетом вековых традиций российского ислама. Согласно данным из официального сайта Духовного управления, несмотря на наличие достаточно большого количества исламских учебных заведений, на сегодня лишь 15% сельских имамов имеют высшее духовное образование, часть имамов не имеют никакого религиозного образования, мечети нуждаются в высококвалифицированных кадрах священнослужителей. Однако исследование показало, что стать имамом в мечети после окончания учебы намереваются лишь 8,5% респондентов. Кроме того, не все студенты высших и средних мусульманских учебных заведений планируют в дальнейшем связать свою профессиональную деятельность с религиозной сферой: преподавать религиозные дисциплины собирается 21%, продолжать обучение в религиозном учебном заведении собираются 28%.

Сложившаяся ситуация обусловлена, по мнению экспертов, рядом объективных причин: «Раньше был институт махалля. Студент, заканчивающий медресе, возвращался или приглашался в поселок, и эта махалля (община) полностью смотрела за ним, обеспечивала его, содержала его самого и семью. Сегодня этот институт полностью разрушен, духовные лица не имеют авторитета в обществе. Эта проблема существует, я знаю шакирдов, которые возвращались к себе на родину и в течение года–двух понимали, что их материальные потребности не удовлетворяются. Я знаю шакирдов, которые на стройке работают, некоторые уходят в коммерческие структуры»; «Слабая финансовая сторона... многие не находят (материальной) поддержки... удовлетворительных условий для себя, чтобы жить, содержать семью, развиваться... поэтому уходят». Но не все эксперты придерживаются одинаковой точки зрения в данном вопросе: «Ну, если сказать, что это не связано с материальной стороной, то это, наверное, возможность заинтере-

совать многих лиц в своей деятельности. Все зависит от человека, от характера».

В среде мусульманского духовенства финансовые проблемы решаются различными способами, к примеру, широко распространена практика совмещения духовной и светской работы. Более половины опрошенных преподавателей имеют помимо религиозного образования светскую специальность, либо иной дополнительный источник доходов. Своих студентов руководители и преподаватели мусульманских учебных заведений также призывают получать дополнительное светское образование: «Практика показывает, что только религиозного образования не хватает»; «Они (выпускники) рады бы работать (только) в религиозной сфере, но параллельно им приходится работать и в других (местах)». Около половины опрошенных нами шакирдов к моменту исследования уже имели другую (светскую) профессию. Более 30% одновременно с медресе посещают занятия в различных светских учебных заведениях, начиная с вечерней школы (12%) и заканчивая вузами (14%), в том числе и весьма престижными, такими, как Казанский государственный университет.

Для определенной части респондентов именно светское образование является основным, учеба же в медресе не имеет профессиональной направленности. Мусульманскими руководителями признается, что задачи, стоящие перед религиозными учебными заведениями, не сводятся только к подготовке специалистов, способных удовлетворить духовные потребности прихожан. Верховный муфтий РТ Г. Исхаков (в начале 2011 г. он покинул этот пост по собственному желанию) неоднократно обращал внимание на то, что на религиозное образование необходимо взглянуть шире, в контексте решения нравственных проблем всего общества: «Наша цель – подготовка нового поколения татарской интеллигенции, способной активно участвовать в возрождении и оздоровлении татарского общества, деформированного советской властью. Это очень важная проблема не только для религиозных деятелей, но и для всего общества».

На данный момент в Татарстане подобная прослойка общества (мусульманская интеллигенция) скорее отсутствует. Ректор РИУ Р.М. Мухаметшин, выступая на II фестивале мусульманской молодежи ПФО, сказал: «Наша интеллигенция на 99,9% светская».

Религиозное образование и воспитание означают не только и не столько передачу знаний, сколько формирование конфессиональных чувств, становление личности с соответствующим миро-

воззрением, ценностными ориентациями. Анализ ценностных ориентаций учащихся мусульманских учебных заведений не выявил заметных расхождений с определяющими жизненными ценностями российской молодежи в целом. Для мусульман наиболее значимы в жизни: возможность жить по законам ислама (53%); здоровье (43%); счастливая семейная жизнь (41,5%); знания (26%). Для сравнения приведем обобщенные В.Е. Семёновым данные ряда исследований по России 2002–2006 гг. Среди жизненных ценностей лидируют: семья (от 70 до 89%); друзья (49–82%); здоровье (48–78%); интересная работа (29–55%).

В наименьшей степени молодых мусульман привлекают ценности, мало совместимые с требованиями их религии: карьера (4%); полезные знакомства (6%); самореализация (6,5%); личная свобода, а также труд и работа по призванию (обе позиции набрали по 7%). Непопулярность первых можно объяснить приоритетом у религиозной молодежи духовных ценностей, отсутствием у них выраженной мотивации к социальным достижениям и престижу. Личная свобода и самореализация характеризуют в основном систему ценностей современного либерально-демократического общества, ислам же ориентирует своих приверженцев преимущественно на традиционные коллективистские ценности.

Приволжский федеральный округ является регионом тесного взаимодействия тюрко-мусульманской и славяно-христианской культур. Он является одним из самых густонаселенных; в то же время здесь самая низкая доля русских по сравнению с другими округами, и здесь же проживает наибольшая часть татар РФ: почти три четверти (73,2%). В совокупности русские и татары – это 82% населения ПФО, составляя соответственно 69 и 13%. В Татарстане по переписи 2002 г. татары составляли 52,9, русские – 39,5% населения республики.

Ряд авторов рассматривают конфессиональную социализацию в тесной взаимосвязи с этнической (Сафин, Ходжаева, Шумилова). Ориентация на сохранение религиозных традиций татар-мусульман, по мнению исследователей, зачастую сочетается со стремлением членов родительской семьи сохранить этнические традиции и язык, что приводит к тому, что более исламизированная татарская молодежь чаще, чем другие, общается дома на татарском языке. Опросы среди молодежи республики показали: почти 50% практикующих мусульман говорят дома только на татарском, более одной трети – общаются в кругу семьи на русском и на татарском языках в равной степени. Ориентация на сохране-

ние языка в семьях традиционных мусульман проявляется еще и в том, что они чаще отдают своих детей в школы с татарским языком обучения (39%) (Ходжаева, Шумилова).

Более 80% наших респондентов идентифицируют себя с татарским этносом. При этом исключительно свой родной язык используется в домашнем общении у 44% шакирдов-татар, преимущественно татарский – еще у 23, в одинаковой степени татарский и русский – у 16%. Язык обучения в медресе также призван способствовать развитию чувства национального самосознания молодых мусульман. Половина респондентов указали, что имеет место обучение на татарском языке в той или иной степени. Тех, кто активно использует татарский язык в общении вне занятий, еще больше – 64%. Выбор языка преподавания в том или ином учебном заведении, по мнению экспертов, обусловлен потребностями контингента.

Для национальных (этнических) общностей качество образования, в том числе и религиозного, определяется и этнической составляющей, той ролью, которую эта система выполняет в процессах этнической социализации. Возможности применения татарского языка в мусульманских медресе большей частью обусловлены домашним языковым воспитанием, а также языком обучения в школе. В контексте этносоциологии в мусульманском сообществе региона в настоящее время выделяются две основные группы. В первую входят национально ориентированные индивиды, для которых религиозные и национальные традиции неразрывно связаны, а религия во многом является фактором сохранения национальной идентичности. Во вторую – религиозно ориентированные, для них ислам – это, прежде всего, мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанная, то скорее с арабской, чем с татарской. Существование второй группы обусловлено особенностями исламского возрождения в России начала 1990-х годов, когда в условиях утраты большей части собственных религиозных традиций важную роль сыграла деятельность иностранных миссионеров.

Сложившаяся ситуация во многом определяет противоречивость позиции мусульманской молодежи по национальному вопросу: около 70% опрошенных молодых мусульман считают, что ислам не акцентирует внимание на этнических различиях и должен быть единым для всех народов, 76% согласны с тем, что, общаясь с людьми, надо ориентироваться на их личные качества, а не на национальность. Но при этом более половины опрошенных

отмечают, что всегда помнят о своей этнической принадлежности (т.е. национальная идентичность для них является значимой), около половины хотели бы воспитывать детей в традициях татарской культуры либо преимущественно татарской с использованием элементов русской и других культур. Аналогичная ситуация возникла при попытке выяснить отношение шакирдов к проблеме так называемого «русского» (т.е. русскоязычного) ислама.

Ведение богослужения и проповеди на русском языке в некоторых мечетях республики, по мнению ряда представителей творческой татарской интеллигенции, может препятствовать процессу языкового и культурного возрождения татар и способствовать их дальнейшей ассимиляции. Часть мусульманского духовенства поддерживает данную точку зрения, другие (из числа «религиозно ориентированных») считают, что ислам прежде всего должен быть понятен и доступен, а третьи признают обоснованность и той и другой позиции.

Столь же неоднозначны и взгляды представителей учащейся молодежи: 57% считают, что в мечетях, которые посещают верующие разных национальностей, удобнее пользоваться русским языком в качестве языка межнационального общения, 42% находят использование татарского языка в мечетях Татарстана важным, так как мусульманская религия выступает культуuroобразующим фактором для татарской нации.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что этническая составляющая в процессе социализации мусульманской молодежи, несомненно, детерминирует формирование и развитие религиозности, конфессионального самосознания и способствует повышению уровня конфессиональной идентичности индивида. Особую роль в этом процессе играет этноязыковая ориентированность семейной социализации. Но данная корреляция не является двусторонней, т.е. высокий уровень религиозности мусульманина сам по себе не является определяющим в развитии этнического самосознания и этнокультурной направленности личности.

Особенности этноконфессионального развития региона, а также определенной укорененности в общественном сознании проблемы религиозного экстремизма актуализировали изучение взглядов учащейся мусульманской молодежи на межнациональные и межрелигиозные отношения. Для того чтобы выяснить отношение к русским (православным) как к доминирующей этноконфессиональной группе, была предпринята попытка применения в исследовании шкалы Богардуса (шкалы социальной дистанции).

В качестве материала для сравнения использовались данные молодежного проекта, осуществленного в 2001 г. в РТ под руководством Р.Н. Мусиной. Согласно этим данным, более 82% татарской и русской молодежи готовы видеть представителей контактируемого этноса в качестве коллеги, 75–80 – в соседском или дружеском общении, около 75% татар и русских вполне приемлют отношение дружбы с православными и мусульманами. Наш опрос показал, что близких друзей среди православных (русских) готовы иметь лишь половина респондентов (48,5%), 74,5% – работать с христианами в одном коллективе, 86% – общаться с ними как с соседями и т.д. Можно констатировать, что уровень толерантности молодых мусульман в целом сопоставим с общим уровнем толерантности в регионе.

Религиозная толерантность в настоящее время расширилась до терпимого отношения вообще к инакомыслящим, в том числе и неверующим или непрaktикующим верующим. Нас интересовало отношение представителей мусульманской молодежи не только к другим конфессиям, но и к представителям секулярной части общества. В итоге, к ним доброжелательно и скорее доброжелательно относятся 46,5% учащихся, спокойно (безразлично) – 17,5, скорее отрицательно и отрицательно – 24%. Испытывают по отношению к неверующим сочувствие 31,5% опрошенных, жалость – 31, равнодушие – 10,5, горечь – 15, опасения и настороженность – 11%. Последнее, возможно, связано с тем, что пятая часть шакирдов в течение своей жизни сталкивались с несправедливым отношением по отношению к себе, связанным с их религиозными убеждениями.

При исследовании степени толерантности учащихся мусульманских учебных заведений нами была сделана попытка затронуть правовые аспекты данной проблемы. На вопрос: «Соблюдаются ли в России права христиан?», большинство респондентов ответили положительно, а на вопрос: «Соблюдаются ли в России права мусульман?», самым распространенным стал ответ: «В чем-то соблюдаются, а в чем-то нет». Само по себе такое распределение ответов вполне предсказуемо и, в общем, представляет собой субъективную оценку ситуации. Тем не менее эти данные в определенной степени позволяют оценить уровень социального самочувствия молодых мусульман в России, которое выступает одним из факторов, влияющих на формирование толерантных / интолерантных установок сознания.



Тем респондентам, которые выразили сомнение по поводу правового статуса мусульман в РФ, был предложен следующий вопрос: «В чем, по вашему мнению, в России нарушаются права мусульман?» Несмотря на четкую формулировку, вопрос был понят достаточно широко и стал поводом для размышлений о проблемах российских мусульман в целом. Решение некоторых из них возможно усилиями самого мусульманского сообщества и не требует вмешательства государства, другие могут быть урегулированы при участии местных, региональных либо центральных органов власти. Наконец, есть проблемы, решение которых в рамках светского государства представляется труднодостижимым.

На первом месте – отсутствие возможности последовательно выполнять предписания ислама, «поддержания религии в том виде, в котором она ниспослана» (из анкет). Молодых людей беспокоит армия, так как там не созданы условия для мусульман (нет халяльной пищи, нет возможности совершать намаз и т.д.), девушки сетуют на то, что нельзя фотографироваться в платках, что дресс-код на многих предприятиях противоречит хиджабу. На работе мусульмане зачастую не имеют возможности совершать в положенное время намаз, как и в общественных местах (вокзалы). На втором месте недостаточно уважительное, предвзятое отношение к мусульманам, непонимание, чрезмерная подозрительность со стороны общества в целом.

Часть вопросов в анкете обусловлены стремлением исследовать конфликтный национальный и религиозный потенциал молодых мусульман. Как показали результаты, около 40% респондентов считают, что в любых межнациональных спорах человек должен защищать интересы своей нации, половина опрошенных не согласны с тем, что национальная принадлежность всегда будет разъединять людей. На вопрос: «Каковы будут ваши действия, если в том месте, где вы живете, произойдут столкновения на религиозной почве?», 47% респондентов ответили: «Я сделаю все возможное, чтобы уговорить людей прекратить это», а еще 21% вообще не представляет себе подобной ситуации на месте своего проживания. Для сравнения приведем данные по Ставропольскому краю 2004 г. (опрашивались секулярное население и представители религиозных общин различных конфессий): «Сделал бы все от меня зависящее, чтобы уговорить людей прекратить это» – 29%; «Вообще не представляю себе такой ситуации на месте своего проживания» – 20%. При этом, несмотря на сравнительно низкие (по сравнению с Татарстаном) показатели, авторы исследования

трактовали ситуацию как достаточно благоприятную для конфликтного региона.

Таким образом, сопоставление результатов исследований среди населения различных субъектов РФ позволяет утверждать, что учащиеся мусульманских учебных заведений демонстрируют уровень толерантности, в целом соответствующий общему уровню межнациональных и межрелигиозных отношений в Республике Татарстан, зарекомендовавшей себя как один из наиболее устойчивых и гармоничных регионов нашей страны.

*«СоцИс: Социологические исследования»,  
М., 2011 г., № 8, с. 123–131.*

**Д. Халидов,**  
доктор педагогических наук (Махачкала)  
**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ  
И ПАРАДОКСЫ СТАТИСТИКИ**

Создание нового Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) означало, что Москва наконец-то признала ограниченность недифференцированного методологического и концептуального подхода к решению проблем в регионе. Тем не менее дискурс свелся к социально-экономическим мерам и дополнительным инвестициям, подкрепленным более жестким контролем. Нет никаких упоминаний об изменении методов проведения контртеррористических операций (КТО) или об учете специфики (социально-политической и культурной) ситуации в регионе. Как известно, правильная постановка проблемы – почти полдела. Постараемся выявить главные, на наш взгляд, факторы и условия, провоцирующие нестабильность в регионе, и предложить некоторые меры по выходу из ситуации.

О неадекватности всех теоретических реконструкций ситуации в регионе свидетельствует тот факт, что тема Северного Кавказа (СК) не сходит с повестки дня России на протяжении вот уже почти 20 лет. Специфические трудности управления регионом связаны со своеобразием социальной структуры и культуры местных обществ (нормы поведения, моральные ценности и обычаи), с особенностями формирования местной элиты и противоречиями между федеральными законами и легитимными (привычными для местных сообществ и воспринимающимися как обязательные) нормами поведения. Социальная структура, за исключением Став-

ропольского края и Республики Северная Осетия-Алания (РСО-Алания), качественно отличается от общероссийской по многим признакам: территориальным, демографическим, профессионально-образовательным, этническим и конфессиональным. Концентрация таких различий приводит к кумулятивному эффекту отчуждения региона от России и восприятия его как «внутреннего зарубежья». За последние 20 лет в регионе наблюдается слабо выраженный процесс деурбанизации и даже некоторого роста доли сельского населения. На сегодняшний день в сельской местности проживают от 50 до 60% жителей трех республик (общероссийский показатель – 25–28%).

Соответственно, воспроизводится и сельский образ жизни, характеризующийся традиционалистским уклоном, наличием приусадебных участков, своеобразием занятости и миграционной активности. За период 1990–1999 гг. промышленное производство в регионе сократилось в 4–5 раз – эта цифра вдвое превосходит аналогичный показатель по России. В совокупном объеме валового регионального продукта (ВРП) республик СК промышленный сектор меньше сельскохозяйственного в 2,2 раза (для сравнения: в РФ промышленный сектор в 5 раз больше сельскохозяйственного). Более или менее современный (модернизированный) облик имеют социально-профессиональные структуры Ставропольского края, РСО-Алания и, с некоторыми оговорками, Кабардино-Балкарской Республики (КБР).

Что касается демографической ситуации, то, по данным на 2007 г., лишь в нескольких субъектах РФ, включая три республики Северо-Восточного Кавказа (СВК), наблюдается положительная динамика естественного прироста населения. Прирост населения в республиках региона за период 1989–2002 гг. (между двумя переписями) составил в Дагестане – около 35%, в Чечне и Ингушетии – более 50, в КБР – 12%; доля населения моложе трудоспособного возраста (до 16 лет) в Дагестане составляет 27%, Ингушетии – 31, Чечне – 33% (в РФ в целом – всего 16%). В трех этих республиках ежегодный (естественный) прирост населения составляет около 50–55 тыс. человек. Несколько иная демографическая ситуация сложилась в других республиках: в КБР, РСО-Алания и Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) темпы естественного прироста населения замедлились. Этническая ситуация характеризуется сложной мозаикой этнического состава (в особенности – в РД и КЧР, в меньшей степени – в КБР), явной или скрытой конкуренцией за доступ к ресурсам и государственным должностям между

местными олигархами, которые претендуют на представительство тех или иных этносов, либо всего многоэтнического сообщества. Ситуация усугубляется старыми обидами, связанными со сталинскими репрессиями и депортациями населения (1940-е годы), перекройкой административных границ в советский период и взаимными территориальными претензиями различных этнических групп, миграционной активностью и переселением дагестанских горцев на равнину. Еще одной из характерных особенностей региона является процесс реисламизации, усилившийся здесь за последние 20 лет. В трех республиках СВК количество соблюдающих обряды мусульман составляет 60–85% населения, а в КБР и КЧР – 30–45%. Существует несколько влиятельных течений традиционного ислама, представленных суфизмом и имеющих поддержку в структурах власти и местной олигархии. Кроме того, имеются сторонники так называемого «чистого» ислама («салафиты» и «ваххабиты»). Оба этих течения находятся в состоянии жесткого конфликта по богословским вопросам. Имеется значительный и неструктурированный слой умеренного мусульманского сообщества (оно состоит из хорошо образованных и социально продвинутых людей), который не идентифицирует себя ни с одной религиозной «партией» и сочетает религиозную традицию и современность. Он выступает против искусственного нагнетания внутриконфессионального конфликта и потенциально является третьей силой; включение его в социально-технологические проекты помогло бы нейтрализовать идеологию экстремизма.

Особенность социальной структуры местных обществ заключается в сочетании патронажно-клиентельных («вертикальных») связей с развитой сетью общинных (гражданских) структур на уровне местного самоуправления. Первый тип социальных связей, как правило, способствует формированию коррупционной, меркантилистской системы, разрывающей общество на множество фрагментов. Второй тип социальных связей формирует мини-гражданское общество на местном уровне. При этом общины (джамааты) существенно различаются в социальном и политическом отношении по степени выраженности патронажно-клиентельного или гражданского начал в своей жизни. К первому, наиболее широко распространенному типу (например, в Дагестане и КЧР) относятся общины с древними гражданскими традициями. Они отличаются тем, что клиентельное (коррупционное) начало выражено слабо, зато во внутренней жизни наблюдается большая демократичность; для них характерен индивидуализм, воплощенный

в духе «узденчества» (уздень – свободный человек). У них выше способность к самоорганизации, когда дело касается реализации какого-либо общего социально значимого проекта. Возникновение в таких общинах структур мафиозного и коррупционного типа почти невозможно. Бизнес выходцев из таких общин («патронов»), как правило, носит «цивильный» и сравнительно интернациональный характер. «Патроны» здесь – это всего лишь первые среди равных, которые «сделали сами себя». Семейственность как отражение общинной или родственной солидарности выражается лишь в благотворительности или в участии в социально значимых процедурах и обрядах (свадьбы, похороны и т.п.). Ко второму типу джамаатов относятся носители более выраженных «сословных» моделей поведения. Они отличаются более выраженной «культурной экономией», когда дело касается решения важных для определенной группы политических и экономических вопросов, и правовым нигилизмом, т.е. склонностью к коррупции и криминальному бизнесу. В данном случае ярко выраженная «семейственность» опирается на силу и ресурсы «патрона», что является гарантией процветания группы, которая постепенно трансформируется в полукриминальное / криминальное сообщество. Такая ситуация блокирует формирование подлинно гражданского общества в отдельно взятом регионе. Коррупция – явление вполне легитимное, оправданное в рамках «семейной» системы ценностей. Такая модель поведения транслируется на нижние социальные ступени, расшатывая остатки гражданственности общины. Представители второго типа общин (с «сословными», семейственными началами) составляют меньшинство в аппарате органов государственной власти, тем не менее они добиваются больших успехов в политике, занимая преимущественно «рентные» должности. «Патроны» – выходцы из второго типа общин, быстро формируют свою «пирамиду» клиентельной базы, конвертируя административный ресурс в ликвидный финансовый и формируя мощный сегмент теневой экономики. Можно выделить еще и третий тип общин (существующий, например, в Дагестане), где в рамках небольшой географической зоны сосуществуют носители гражданского и «сословного» (семейственного) начал. Они отличаются большей консолидированностью в своем политическом поведении.

Именно носители «семейственности» (или «сословности») еще со времен государственного социализма представляли собой достаточно сплоченное сообщество в коридорах власти Дагестана. Участвуя в выборах в Верховный Совет РСФСР (1990), автор с

удивлением обнаружил существование четкой «вертикали» словного типа с коррупционными свойствами, пронизывающей от шести до десяти районов республики. В ее клиентельную базу входили высокопоставленные члены райкомов партии и райисполкомов, а «патроном» являлся один из членов бюро обкома КПСС. Всех этих представителей власти объединяло социальное происхождение: они воспринимались в массах как представители некогда (еще в XIX в.) зависимого и даже ущемленного в правах сословия. Их отличали высокие мобилизационные способности и умение добиваться консолидированного голосования массы горцев на нижних ступенях клиентельной базы. Социальные структуры Дагестана и КЧР (и, в некоторой степени, КБР) отличаются от тех, которые существуют в Чечне и Ингушетии. Общину РСО-Алания, в силу высокой урбанизации и более современного типа социальной структуры, нельзя отнести ни к одной из этих групп. Общины, существующие в Дагестане, КБР и КЧР, – это территориальные общины (первого типа), являющиеся своеобразными муниципалитетами со своей историей и демократической традицией; влияние родовых связей в них почти отсутствует. В Дагестане достаточно представлены и общины третьего типа, сочетающие в себе гражданскую и пословную модели поведения. Общины Чечни и Ингушетии – это территориальные социальные ячейки, сочетающие гражданское и, в меньшей степени, родовое (тейповое) начала. Представители одного тейпа могут проживать в разных территориальных общинах, и это обстоятельство нейтрализует родовое чувство. В Чечне начиная со времен Кавказской войны XIX в. родовое начало постепенно вытеснялось на периферию социальной и политической жизни даже на локальном уровне. Попытки возродить родовую солидарность и традиционный институт мехк-халк (выборный орган, формируемый на ежегодном собрании тейпов) с целью усилить политическую самоорганизацию чеченского общества в период правления Дудаева окончились неудачей. Слишком сильные трансформации в социальной структуре, с одной стороны, и очевидная неадекватность чеченских старейшин вызовам времени – с другой, похоронили идею возрождения древних традиций в социально-политической жизни. Тем не менее при формировании «команд» управленцев в Чечне явное предпочтение отдается выходцам из своей общины (тейповой и территориальной). В Ингушетии, в силу ее поздней исламизации и лояльности Российской империи в период Кавказской войны, родовая солидарность и соответствующие модели поведения оказались более живучими.

Однако роль родового фактора в политической жизни республики не стоит преувеличивать. События 2006–2009 гг., когда активность гражданского общества Ингушетии вынудила Кремль сменить главу республики, показали, что очаги гражданского общества достаточно зрелы для актуализации общереспубликанских проблем.

В целом, гражданское общество на СК гораздо более организовано, чем во многих регионах страны. Наглядным свидетельством является частота массовых протестных акций на локальном уровне. Причем актуализируемые проблемы (правила землепользования и коррупция в сельских районах, бессудные расправы над невинными жертвами, массовые фальсификации на выборах) качественно отличаются от тех требований, которые, как правило, выдвигаются на митингах и забастовках в «русских» субъектах РФ. В этой связи можно упомянуть массовые выступления жителей Табасаранского, Докузпаринского, Кумторкалинского и других районов Дагестана против коррупции местных властей (2006–2009), а также октябрьские события в Дербенте (2009), связанные с массовыми нарушениями в ходе выборов мэра города. Так же активно проявляет себя на локальном уровне гражданское общество в КБР и КЧР. В КБР не утихают споры о землеотводе. Исключение составляет Чечня, где жесткий авторитарный режим блокирует какие-либо проявления гражданской активности. Однако следует отметить, что авторитаризм в той или иной мере проявляется и в КБР и КЧР. Здесь, в отличие от Дагестана и РСО-Алания, заметно меньше независимых СМИ, а автократия манипулирует гражданским сектором. Другая особенность региона – слабая консолидированность гражданского общества на общереспубликанском уровне, особенно в тех случаях, когда речь идет о решении социально-экономических проблем. Живучесть патронажно-клиентельных связей блокирует формирование настоящего (граждански ответственного) общества на уровне региона в целом. Складыванию современного общества препятствует наличие множества локальных общин. Отсюда – системный характер коррупции и меркантилизм, выраженный более ярко, чем в России. Здесь действует негласный закон, легитимирующий, с одной стороны, лояльность и верность «патрону», а с другой – личную ответственность за свою семью, свой экономический и социальный статус. Унифицированная политико-правовая система, транслируемая «сверху», не отражает реальной социально-политической и политико-экономической структуры региона. Не получая своего законного отражения в

представительных органах и органах исполнительной власти, многообразие интересов и противоречий вытесняется, легитимируя теневое право и обычай. Такое право в отдельных группах воспринимается как вполне легитимное, и в результате создается видимость всеобщей легитимности. Дагестан и в какой-то мере КБР и КЧР уникальны тем, что в них существуют все виды конфликтов: этнополитические, внутриконфессиональные и территориальные, и при существующей системе многие из них так и остаются неурегулированными. Существует также проблема, связанная с обоснованием коррекции системы посредством прав, предоставляемых федеративным статусом, причем без ущерба для целостности РФ. К примеру, экспертному сообществу очевидно, что в республиках региона необходимы институционализированные форумы представителей территориальных общин. Подобные форумы и соответствующие органы – это своеобразные каналы легитимации и коррекции общественных договоров между властями, обществом и бизнесом, ибо конституции и законы (РФ и республик) как формы общественных договоров если и работают, то весьма избирательно. Однако для решения проблемы конфликта официальной и теневой правовых систем этого недостаточно. Особенно страдают от такой деформации судебная и правоохранительная сферы. Подвергаясь когда «мягкому», теневому давлению, а когда и террору со стороны местных олигархов, Система теряет легитимность, в то время как коррупция все более усиливается.

Отчуждение между официальной судебно-правоохранительной системой и массами «провоцирует» изменение настроений в пользу традиционной или мусульманской системы права в определенных сферах жизни. В частности, в трех республиках СВК подобная система действует при решении спорных вопросов в таких сферах, как семейно-брачные отношения, вопросы землепользования, а иногда и при рассмотрении гражданских и уголовных дел. Например, в Чечне официально, а в Дагестане и Ингушетии неофициально и в меньших масштабах действуют шариатские суды. Процессы, происходящие в политической и экономической сферах региона на протяжении последних 15–20 лет, можно охарактеризовать следующими терминами: «деиндустриализация», «демодернизация», «криминализация». Таким образом, идет «возвращение к корням»; общинная солидарность перекрывает гражданскую ответственность, коррупция легитимируется, чтобы ее субъектам не «потерять лицо», а статус (символ) становится выше сути и содержания (труда). Такое общество не консолидировано и



настолько мозаично, что гражданская составляющая (профсоюзы, партии, движения и т.п.) просто тонет в сообществе общинных или олигархических структур. Последние, как правило, построены на общности «почвы» и крови, а их мобилизационные возможности заметно перебивают деятельность гражданских структур.

Наличие положительного потенциала развития региона объясняется высоким качеством «человеческого материала» и социальной сферы. Здесь выше уровень ориентации на предпринимательство и достижение жизненного успеха, а также психологическая готовность к экономическому риску. Это подтверждается данными статистики и социологическими исследованиями. По уровню общественной безопасности, определяемому данными статистики уголовных дел (убийства, грабежи, разбои, изнасилования и пр.), республики СК обладают наилучшими показателями среди других субъектов РФ, хотя зачастую возбуждаются уголовные дела об убийствах, связанных с диверсиями, террором и контртеррористическими операциями (КТО). Видимо, дело в том, что в регионе социальный контроль и соответствующий порядок базируются на сравнительно прочных социокультурных традициях и религиозных убеждениях. Как следствие, здесь меньше алкоголизма и наркомании, а значит, невелико количество преступлений, связанных с этими социальными пороками. С другими регионами РФ сопоставимы лишь данные по экономическим преступлениям.

По показателям индексов «качество населения» и «качество социальной сферы» (2000) республики региона вошли в число 10–15 лучших субъектов РФ. К примеру, показатель продолжительности жизни в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии и сейчас находится на уровне средне- и высокоразвитых стран Европы и превышает общероссийский на 7–11 лет. Такая картина явно диссонирует с данными об уровне благосостояния, безработицы и состояния экономики – по этим показателям регион находится на нижних строчках рангового списка субъектов РФ. В регионе существует проблема, связанная с эрозией ценностей образования в сознании молодежи. Статусная ориентация «перебивает» ценность профессии и подлинных знаний. Это снижает уровень профессиональной этики и мотивации к труду. По социально-экономическим и некоторым социокультурным индикаторам (рождаемость и семейные традиции, коррупция и развитие сектора теневой экономики) регион схож с Африкой, а по уровню предпринимательской активности, гражданственности (на локальном уровне), стремлению к социальному успеху, образованию и

средней продолжительности жизни – со среднеразвитыми странами Европы или Дальнего Востока. Как и в регионе СК, императив «сохранения лица» в этих обществах является социальной нормой и содержит целый комплекс критериев «достойного мужа». Особое значение придается обеспечению семье жизни на уровне минимального социального стандарта, что подразумевает наличие собственного дома, а сумма средств, необходимых для выполнения нравственных предписаний, значительно превышает установленный государством прожиточный минимум. Таким образом, главная задача заключается в синтезе традиций и социокультурного «капитала» с требованиями современной рыночной экономики и политической демократии. Она успешно решена и решается в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (ЮВА), где накоплен богатый опыт сочетания в экономике модерна и традиций, норм «доброй старины» и современных технологий. И именно там, где традиция не разрушается, а модернизация не направлена на строительство имитационной модели капитализма, достигается наибольший успех в социально-экономическом развитии. Опыт этих стран тем и ценен, что экономическая политика в отношении семейных предприятий и сельских общин строилась таким образом, чтобы сохранить традиционные формы жизни на селе, не разрушая семью и общину.

Статистические данные по занятости, денежным доходам на душу населения и средней зарплате свидетельствуют о том, что республики СК относятся к числу самых неблагополучных субъектов РФ. Но по данным о потреблении и оборотах розничной торговли республики СК поднимаются во вторую и / или третью четверть в ранговой иерархии субъектов РФ. Эти данные адекватно отражают ситуацию в большинстве горных районов региона: официальные данные не фиксируют (или неточно фиксируют) доходы в сфере теневой экономики, а также от личных и фермерских хозяйств. С другой стороны, проблема социальной дифференциации в регионе стоит острее, чем в России в целом: богатство очень узкого слоя (высшего чиновничества, местных олигархов и крупного бизнеса) резко контрастирует с бедностью значительной части населения. Подобные общества отличаются более высоким уровнем коррупции, теневой экономики и безработицы, слабостью государственного аппарата и низкими поступлениями от налогов и неналоговых сборов. Высокий уровень коррупции тесно связан с теневой экономикой. Соответственно, растут социальная поляризация и несправедливость, уменьшаются поступления от налогов.

В итоге бюджет не справляется со своими социальными функциями, зреет недовольство населения, и система дестабилизируется. Федеральные дотации и субсидии частично снимают напряжение и одновременно провоцируют конкуренцию между влиятельными олигархическими структурами за доступ к ресурсам. Ситуацию несколько разряжает ряд факторов этнопсихологического и культурного свойства. Еще в советские времена выходцы с СК демонстрировали высокую социальную и территориальную мобильность. В целом для местных обществ характерна более высокая мотивированность в сфере предпринимательства: доля занятых в частном бизнесе, включая и индивидуальных предпринимателей, здесь в 2,5–3 раза выше, чем в целом по России.

В регионе СКФО теневое право стало важным фактором и влияет на жизнь в гораздо большей мере, чем по стране в целом. Оно деформирует официальное право, а также экономические и политические отношения, что приводит к значительному росту теневого сектора экономики. Масштабы теневой экономики в различных регионах России (по данным середины 1990-х годов) были сопоставимы с аналогичными показателями государств Восточной Европы и Латинской Америки (относящихся к странам второго мира), а также среднеразвитых стран Азии и Африки. В иерархии субъектов РФ по развитию «серой» теневой экономики в 1995–1998 гг. первые строчки занимают республики СК. Косвенным индикатором является один из самых низких показателей поступлений от налогов и неналоговых сборов по России. За последние четыре–пять лет ситуация в этой сфере несколько изменилась к лучшему (в РД, РСО-Алания и КБР). Соответственно, уменьшилась и дотационная зависимость. Тем не менее недоиспользованный налоговый потенциал все еще остается огромным.

Негативная роль федерального центра в воспроизводстве коррупции, nepотизма очевидна. Отдельные влиятельные акторы местной политической арены имеют покровителей на уровне федеральных властей. Мотивами существования подобных вертикальных связей являются меркантилизм и общий бизнес за счет административного ресурса. Исходя из экспертных оценок и результатов исследований, можно составить представление о степени негативного влияния Москвы. Это влияние играет немалую роль в воспроизводстве в регионе коррупции и архаичных моделей в кадровой политике. В начале 2000-х годов мы стали свидетелями определенной консолидации власти и более целеустремленной политики Центра на СК. Некоторые аспекты деятельности СМИ

и силовой составляющей можно интерпретировать как провоцирующие отчуждение (к власти и России в целом) и усиливающие в обществе межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Сложность ситуации внутриконфессионального конфликта, при всей его драматической напряженности, до сих пор недооценивается. Реальностью сегодняшнего дня является вялотекущая гражданская война с отчетливыми религиозными мотивами. Салафиты и суфийские «партии» по-разному подходят к рассмотрению ряда богословских вопросов, что привело к росту отчуждения между ними. Реальная практика функционирования наиболее радикальной ветви салафитов в лице так называемых «ваххабитов» в 1990-х годах дала основание подозревать их в политических амбициях, выходящих далеко за пределы чисто религиозной жизни. Как следствие, все салафиты – умеренные (законопослушные) и потенциальные радикалы – попали в разряд потенциальных экстремистов и подозрительных элементов. Государство в лице правоохранительных и силовых структур в целях профилактики взяло на вооружение метод «превентивной ликвидации (нейтрализации)» подозрительных элементов без проведения соответствующей оперативно-следственной работы. В итоге число жертв КТО стало пополняться сотнями невинных молодых людей. Недифференцированный подход к верующим, априорное маркирование их как потенциальных террористов усугубили проблему. Необоснованные аресты и издевательства над заключенными приводили к увеличению числа уходящих в подполье. В результате внесистемная оппозиция численно выросла, а экстремистское подполье получило видимость легитимности. Внесистемная оппозиция, преимущественно состоящая из сочувствующих салафизму, а также суфийских течений, не включенных в систему духовных управлений, насчитывает по несколько десятков тысяч человек в каждой из республик СВК. Можно предположить, что наметилась тенденция к некоторому снижению численности подобной оппозиции в Ингушетии и увеличению в Дагестане и Чечне.

Пропаганда экстремистских сайтов, личное общение с представителями внесистемной оппозиции и посещение различных «просветительских кружков» способны изменить мировоззрение определенных слоев молодежи и побудить их к уходу в экстремистское подполье. Провоцирующую роль играет и чрезмерное внимание со стороны правоохранительных структур. В последние годы немаловажную роль в пополнении «казны» террористов играет

новая разновидность рэкета. Местные крупные бизнесмены и богатые чиновники уже облагаются так называемыми «налогами в пользу повстанцев». Свой вклад в нестабильность вносят местные олигархические группы. В одном случае это борьба за власть и доступ к ресурсам в республиканском масштабе. Обычно такой вызов власти связан с деятельностью мэров столиц республик, а иногда и крупных городов (районных центров). В другом случае это борьба за должность главы администрации власти на уровне местного самоуправления (МСУ). Следует отметить, что ситуация, связанная с конфликтом интересов и борьбой за власть, приобретает асимметричный вид. Главы республик опираются на официальную систему власти и права, тогда как взоры амбициозных местных олигархов обращены, как правило, на теневые власть и право, а также на неформальные ресурсы, в том числе и психологические. Возникающие на почве борьбы за власть союзы и коалиции, как правило, никак не связаны с программными принципами и распадаются столь же быстро, как и возникают. В подобных условиях главы республик и лидеры региональных отделений власти вынуждены подкреплять свой официальный статус неформальными коалициями. Существует также конфликт на уровне МСУ местных общин и власти. Подобные конфликты периодически происходят в республиках с развитыми институтами традиционной демократии (РД, КБР и КЧР) и связаны со злоупотреблениями властью со стороны местных глав районов. В последние годы ожесточенные конфликты возникают и в процессе выборов, когда сталкиваются интересы влиятельных кланов или интересы республиканской власти и оппозиции. Институты традиционной демократии (джамааты) в хороших руках являются ресурсом в борьбе за справедливое социальное устройство, исключая коррупционные и другие негативные явления. Нам представляется чрезвычайно важным окончательное внедрение Федерального закона «Об основных принципах местного самоуправления» именно в республиках СК, ибо он позволит нейтрализовать влияние местных олигархов.

На СК существует девять конфликтных очагов по поводу земли, властных ресурсов и этнонационального равноправия. В Дагестане таких очагов три (в основном, в Хасавюртовской зоне). Лезгины и кумыки выражают явное недовольство порядком распределения власти на республиканском уровне и / или в ключевых прикаспийских районах. Формальное соблюдение принципа пропорционального представительства этнических сообществ в

органах власти еще не гарантирует стабильности режима (о чем свидетельствуют события в Дербенте в октябре 2009 г.). Фактическое распределение власти и ресурсов нарушает этнополитическое равновесие. Актуализировался также вопрос о границах между Чечней и Ингушетией. С повестки дня не снят вопрос о Пригородном районе в РСО-Алания. В КБР муниципальные реформы обострили земельный вопрос между кабардинскими и балкарскими «общинами». В КЧР существует неявный конфликт между карачаевцами и черкесами. В Ставропольском крае в перспективе могут возникнуть серьезные конфликты между «общинами» казаков, армян, ногайцев и дагестанцев. Некоторые из проблем требуют пристального внимания государства, активного взаимодействия общественных организаций и традиционных структур народной дипломатии и миротворчества. Другие требуют периодического мониторинга и поиска путей согласия. В регионе накоплен огромный опыт согласительных процедур, и задача государства – максимально использовать его.

Ситуация, сложившаяся в СКФО, уникальна тем, что нигде не существует такого множества проблем. Однако определенные элементы зарубежного и отечественного опыта могут оказаться полезными. Авторитарный подход может быть эффективен лишь на короткий период: конфликты загоняются вглубь, напряжение копится и при малейшем ослаблении государственной власти дает о себе знать. Появляются также экстремистские движения. Поэтому в полиэтнических государствах и регионах за основу берется принцип не гражданской («один человек – один голос»), а коалиционной (многосоставной) демократии, когда этнические (или этноконфессиональные) сегменты, имеющие представительство в органах власти, обладают правом на особое мнение, и с этим мнением в той или иной форме считаются. Степень централизации в таких демократиях варьируется в зависимости от уровня политической культуры. Конфликты (этнополитические, этнотерриториальные и пр.) никогда не могут быть разрешены полностью. Разрешение конфликтов – это процесс, в котором наряду с государством должны постоянно участвовать гражданские и традиционные структуры. Если такое соучастие профанируется, то легитимируется радикальный подход к решению проблем. Этнические или этноконфессиональные сегменты общества должны иметь относительно пропорциональное представительство во всех органах власти. Для нейтрализации влияния этнического (или этноконфессионального) фактора на принятие государственных решений це-

лесообразно повысить роль муниципалитетов. Общины более прагматичны в вопросах землепользования и рационального использования доходов и больше ориентированы на поощрение бизнеса, который, будучи, интернациональным, сглаживает межэтнические проблемы.

Для тех республик региона, в которых существуют сложные полиэтнические общества, при построении политической структуры власти оптимальна централизованная модель коалиционной (многосоставной) демократии. На практике такая форма власти функционирует в форме политического обычая, когда основные этнические «сегменты» относительно пропорционально представлены в органах власти (Дагестан, КБР и КЧР). Однако механизм согласований отработан недостаточно. При этом для нейтрализации негативного эффекта, вызванного ростом роли этнического фактора, республиканские власти должны повысить роль местных органов самоуправления, вплоть до институционализации республиканских съездов общин. Представляется, что определенные аспекты этого опыта могут быть учтены при организации деятельности полпредства СКФО. Было бы целесообразно провести ряд следующих мероприятий: сформировать при нем рабочие группы по отдельным направлениям: а) научно-проектная работа; б) внутриконфессиональная ситуация и проблемы интеграции; в) межэтнические проблемы и народная дипломатия; г) местное самоуправление и земельные вопросы; д) анализ реального права и политические институты, законы и судебно-правоохранительные институты; е) федеральные структуры и кадры; ж) финансово-экономические проблемы развития региона. Следует опираться на более гибкий подход в случаях, когда очевидна назревшая потребность в принятии мер и оперативных решений. Если эти решения противоречат тому или иному федеральному закону, принятому в рамках «совместного ведения и полномочий субъекта РФ и федерального Центра», то целесообразно наделить полпреда в СКФО большими правами. Необходимо организовать мониторинг и анализ теневого права в критических сферах общественной жизни, чтобы выяснить, как оно соотносится с формальным законом и каким образом влияет на социальные, экономические и политические отношения. Подобный анализ должен послужить основой для последующего принятия решений и инициатив по коррекции законодательства на уровне полпредства СКФО как полигона для испытания антикоррупционного законодательства. Законы, введение которых блокируется на уровне Федерального Собрания, можно

было бы апробировать на отдельных субъектах СКФО. При разработке системы антикоррупционных мер целесообразно учесть зарубежный опыт.

Можно предложить модель измерения качества политического менеджмента региональных властей в субъектах СКФО – этот показатель тесно связан с социально-политической и социально-экономической безопасностью. Уровень безопасности (и, соответственно, качество управления) региона может оцениваться на основе модели статистических связей и динамики ключевых социально-экономических и политических показателей за определенный период (к примеру, за четыре–шесть лет). Анализ связей позволяет построить график корреляций, с помощью которого можно выявить наиболее информативные эмпирические индикаторы. Авторская гипотеза состоит в следующем: минимальный набор ключевых показателей, соотношенных с прожиточным минимумом в регионе (исходных индикаторов для конструирования интегрального индекса безопасности и определения качества управления в субъектах РФ на СК), мог бы включать в себя следующие индикаторы: доля поступлений от налогов и неналоговых сборов в ВРП; размер ВРП на душу населения; уровень обеспеченности собственными средствами в консолидированном бюджете; величина децильного коэффициента (уровень социального расслоения); отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму; доля населения региона, живущего ниже черты бедности; доля реально безработных в экономически активном населении; степень коррумпированности власти или степень экономической «свободы»; уровень «верхушечного» террора и корыстных преступлений, связанных с распределением бюджетных средств и коррупцией; уровень стабильности политического режима. Динамика роста доли поступлений от налогов и неналоговых сборов по отношению к ВРП в регионах СКФО послужит значимым индикатором уровня «честности и эффективности аппарата власти». Объем бюджета развития субъекта СКФО напрямую связан с уровнем собираемости налогов: чем больше доля налогов в ВРП, тем больше бюджет развития того или иного субъекта СКФО.

Унифицированная в масштабах страны политическая партийная система не соответствует реально существующей социальной структуре местных обществ и не отражает разнообразия интересов различных социальных и этнических групп. Сложность ситуации в регионе требует более гибкого подхода; он должен полностью соответствовать федеративным принципам и концеп-



ции национальной политики России. Законодательное закрепление статуса «съезда общин (или народов)» серьезно улучшило бы ситуацию в сфере межэтнических отношений, борьбы с коррупцией и терроризмом в СКФО. На такие форумы можно было бы выносить наиболее актуальные проблемы, имеющие огромное значение для местных парламентов, исполнительной власти, органов местного самоуправления и бизнеса. В начале 1990-х годов в ряде республик СКФО наблюдалось бурное возрождение традиционных гражданских институтов. Дагестан и КБР имеют определенный опыт в преодолении конфликтных ситуаций (события 1992–1993 гг.), опирающийся на традиционные и современные демократические институты. Такой институт мог бы стать мощным фактором стабилизации и консолидации общества и придать позитивный импульс процессу развития гражданского общества в регионе. Таким образом, можно выстроить цельную систему проектов, которая позволит решить важные государственные задачи. Ключ к решению проблем региона в указанном контексте надо искать главным образом во внеэкономической плоскости, не требующей масштабных затрат. Вышеперечисленные подходы требуют минимального финансирования, и они укладываются в методы бесструктурного управления процессами в регионе. На СК необходимо совершить прорыв, осуществление которого требует нового методологического подхода, учитывающего все многообразие факторов и условий, провоцирующих нестабильность в регионе.

*«Центральная Азия и Кавказ»,  
Лулео, Т. 13, вып. 2, 2010 г., с. 130–156.*

**Сабина Гарашова,**

кандидат политических наук,

(Бакинский государственный университет)

## **ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ США В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Каспийский регион в течение всего постсоветского периода привлекал внимание ведущих мировых и региональных держав. Это обусловлено не только сосредоточенными здесь запасами углеводородов, но и геополитической спецификой региона. Его расположение в Евразии, политическая структура, а также элементы связи с окружающими державами не могут не влиять на его геостратегическую значимость в эпоху после окончания «холодной

войны». Отмеченные факторы легли в основу многовекторного геополитического соперничества, развернувшегося вокруг Каспия с концом биполярности и продолжающегося по сей день. Соединенные Штаты в их статусе единственной сверхдержавы не могли остаться в стороне от геополитической борьбы в одном из важнейших регионов постбиполярной Евразии. В чем специфика их заинтересованности и соответствующей активности, какие механизмы активнее всего используются на этом направлении – на эти и ряд других вопросов мы попытаемся ответить.

Наступившее столетие характеризуется усилившимся вниманием мировых и региональных держав к акватории Каспийского моря и прикаспийским территориям. Одним из наиболее явных глобальных трендов, способствующих этому, было истощение мировых запасов нефти и газа. В этих условиях их интернационализация в только недавно освободившемся от советского контроля Каспийском регионе превратилась в приоритетную цель стратегии энергозависимых стран Запада на постсоветском пространстве. Наряду с этим заинтересованность в доминировании в регионе не скрывает и РФ, для которой контроль над регионом рассматривается скорее как возможность монополизировать все потоки углеводородов, идущие в Европу из постсоветского пространства. Региональная политика других держав – Турции, Ирана и КНР – также достаточно мотивирована интересами доступа к нефтегазовым богатствам Каспия.

Каспийский нефтегазоносный регион – это Каспийское море и прилегающие к нему территории Азербайджана, России, Казахстана, Туркменистана и Ирана. По мнению некоторых российских аналитиков, на долю Каспийского моря приходится 15–20 млрд. т, т.е. почти 10% мировых запасов нефти. В настоящее время нефтяные ресурсы наиболее активно разрабатывают в регионе Казахстан (лидер и по объему добычи, и по доказанным запасам) и Азербайджан, тогда как в разработке газовых месторождений лидирует Туркменистан.

Анализируя «нефтегазовую геополитику» в регионе после окончания «холодной войны», можно выделить наиболее активные государства и те специфические интересы, которые преимущественно определяли их активность в отношении региональных углеводородных ресурсов. Главной целью Азербайджана, Казахстана и Туркменистана было решение их экономических проблем за счет экспорта залегающих в их секторах моря углеводородов, а для Европейского союза и КНР – расширение круга внешних источников

энергоснабжения за счет импорта каспийской нефти и газа. Для России и США этот вопрос изначально был значительно более политизирован.

Москва и Вашингтон смотрели на Каспий скорее как на возможность решить свои геополитические проблемы в Евразии. Что касается Москвы, то для нее с начала 2000-х годов монополизация нефтегазового потенциала региона заняла прочное место в арсенале средств повышения своего геополитического статуса. Вашингтон же рассматривал диверсификацию системы трубопроводов на постсоветском пространстве как средство создания более широких и стабильных внешних источников энергоснабжения для своих союзников в Европе, а также предотвращения возможности реставрации здесь имперской системы, в перспективе, выражаясь словами Зб. Бжезинского, «способной бросить вызов ведущей роли Америки».

Имея в Каспийском регионе как экономические, так и геополитические интересы, Россия на протяжении всего постсоветского периода оставалась здесь ключевым игроком, и в ее региональной активности явно читалось стремление как можно сильнее ограничить доступ нерегиональных держав к Каспию. В начале и в середине 1990-х годов ввиду слабости центральной власти и отсутствия четкой стратегической линии в отношении Каспия действия России здесь в основном либо были ответом на инициативы прикаспийских соседей по СНГ, либо подчинялись интересам национальных нефтедобывающих компаний («ЛУКойл», «ЮКОС» и др.), далеко не всегда совпадавшим с государственными. Приход к власти В. Путина существенно изменил ситуацию. С 2000-х годов активность Кремля концентрировалась преимущественно на стремлении контролировать как можно больший объем экспортируемых прикаспийскими государствами углеводородов. В частности, предполагалось сделать «Газпром» монополистом в транспортировке газа из Центральной Азии как в западном, так и в восточном направлениях, а также как можно более расширить участие российских корпораций в проектах добычи каспийской нефти и газа, главным образом в казахстанском секторе Каспия.

Интерес Турции к развитию трубопроводной системы, связывающей Каспийский регион с пространством ЕС через ее территорию (проекты Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), Баку–Тбилиси–Эрзерум, «Набукко»), был мотивирован не только доходами, которые она получала бы от транзита этих ресурсов, но и политическими дивидендами от ее превращения в важнейший распределитель

тельный энергетический узел в Евразии, что, наряду с прочим, могло использоваться Анкарой в решении затянувшегося вопроса о членстве Турции в ЕС.

Иран, пожалуй, менее всех был заинтересован в освоении западными компаниями углеводородных ресурсов Каспия. Во-первых, в условиях незатихающей напряженности в ирано-американских отношениях Тегеран должен был опасаться, что вслед за западными корпорациями у его северных границ могут появиться элементы военно-политического влияния США и их союзников по НАТО. Во-вторых, с точки зрения нефтегазовых доходов главной для Тегерана является зона Персидского залива, ибо именно здесь расположены его наиболее крупные и разрабатываемые месторождения нефти и газа.

Соответственно, региональная политика Ирана в постсоветский период ориентировалась на создание благоприятных условий для обеспечения безопасности своих северных границ посредством развития отношений с кавказскими и центральноазиатскими государствами, а также со своими историческими конкурентами в регионе – Россией и Турцией. Напряженность в отношениях с США заставляла Тегеран искать пути сближения прежде всего с Россией, как наиболее перспективным противовесом расширению американского влияния в Евразии. Более того, иранские власти смотрели на РФ как на основного поставщика военной техники и технологий. Помимо этого для реализации своих «нефтегазовых» интересов Иран стремится максимально использовать свое выгодное с геополитической точки зрения положение и развить свой транзитный потенциал. Речь в первую очередь идет о возможностях транзита каспийских углеводородов к Персидскому заливу, а также в Южную Азию.

Казахстан обладает наиболее ощутимыми запасами нефти среди прикаспийских новых независимых государств (ННГ). Главный маршрут транспортировки этой нефти проходит по российской территории (нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума и нефтепровод Атырау–Самара). Отметим также, что Россия и Казахстан стали первыми прикаспийскими государствами, которые полностью урегулировали вопросы разделения морского дна, что, несомненно, способствовало региональной стабильности и инвестиционной привлекательности каспийских нефтяных проектов. Вместе с тем данная ситуация ограничивала самостоятельность Казахстана, так как Россия в зависимости от своих интересов может в одностороннем порядке регулировать

объемы перекачиваемой по своей территории нефти. В условиях, когда Казахстан является конкурентом России на мировых энергетических рынках, указанный рычаг давления может активно применяться. Понимая это, Астана с конца 1990-х годов стремилась диверсифицировать маршруты нефтеэкспорта как в западном (через морской порт Актау: нефтепровод БТД), так и в восточном (нефтепровод Атасу–Алашанькоу) и южном направлениях (рассматривается возможность транспортировки казахстанской нефти из Актау в иранский порт Нека). Такая диверсификация уменьшает зависимость Казахстана от российских нефтепроводов и предоставляет Астане большие возможности для политического маневра. При этом Казахстан обосновывает выбор маршрутов транспортировки своей нефти долгосрочными экономическими и политическими интересами с учетом текущей обстановки в других прикаспийских странах.

Туркменистан, занимая третье среди прикаспийских стран место по запасам жидких и газообразных углеводородов и не имея свободного доступа к мировому рынку, крайне заинтересован в развитии широкой сети экспортных маршрутов. Главный маршрут транспортировки туркменского газа проходит по российской территории, и, как и в случае с соседним Казахстаном, Ашхабад стремится по возможности диверсифицировать маршруты газэкспорта. В 2009 г. был открыт газопровод для поставок туркменского газа в Китай (Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–КНР). Кроме того, Туркменистан проявлял заинтересованность в транспортировке энергосырья по территории Ирана. Диверсификация в западном направлении для Ашхабада затрудняется отсутствием транскаспийского газопровода и напряженностью в отношениях с Азербайджаном по поводу спорных месторождений на Каспии.

Азербайджан, проводя активную внешнюю политику, широко использует нефтяной фактор для поддержания тесных отношений с ведущими государствами Запада. Страна также использует свои возможности для транспортировки каспийской нефти в обход России. После обретения в конце 1991 г. независимости Азербайджан оказался в центре так называемого «геополитического треугольника» пересекающихся и порой сталкивающихся интересов России, Ирана и Турции. В начале 1990-х годов высшее руководство страны находилось перед выбором внешнеполитической ориентации: необходимо было выбрать какой-либо один из этих соперничающих центров силы. В конечном счете была выбрана прозапад-

ная стратегия с упором на тесное взаимодействие с Турцией и ведущими державами Запада.

В последнее время Азербайджан столкнулся с новыми тенденциями развития геополитической ситуации в регионе Каспийского моря: заметным сближением позиций своего главного союзника – США с недавним соперником – Россией. Это привело Баку к необходимости искать новые пути налаживания взаимовыгодного экономического сотрудничества с Москвой, в том числе и в нефтегазовой сфере. В то же время, как отмечает в своей книге «Каспийская нефть Азербайджана» президент И. Алиев, «можно даже предположить, что в перспективе Азербайджан сможет играть роль посредника во взаимоотношениях между крупными державами. Расположение республики на стыке нескольких крупнейших геополитических и геоэкономических структур позволяет “дружить со всеми и примирять всех со всеми”, выступить инициатором сближения Запада с Востоком».

Список акторов, заинтересованных в развитии энергетических и транспортно-коммуникационных проектов в Каспийском регионе, можно расширить за счет государств, ориентированных преимущественно на извлечение дивидендов из транспортировки каспийских энергоресурсов по своей территории. Речь здесь идет о Грузии, Украине, а также о ряде стран Центральной и Восточной Европы – Румынии, Болгарии (с 2007 г. члены ЕС), Греции. Наличие нефтегазовых ресурсов – не единственное, что определяет важность Каспийского региона. Очень важно и его расположение на границе между Европой и Азией – на перекрестке перспективных межконтинентальных транспортных коммуникаций. Контроль над этим пространством предоставлял соответствующей державе важные преимущества в геополитической конкуренции, начавшейся в Евразии с крахом СССР. Для США связанные с этим факторы сыграли не менее важную роль, чем, собственно, возможность доступа к каспийским углеводородам.

В создавшихся после распада СССР и образования ННГ геополитических условиях активное присутствие в регионе «подразумевало бы, что Соединенные Штаты должны вступить в соперничество с другими игроками, надеющимися набрать очки в регионе, прежде всего с Турцией, Ираном и Саудовской Аравией. Не говоря уже о Европейском союзе и Китае, которые пытались проводить в этом регионе свою политику». Начиная с середины 1990-х годов США пытаются установить контроль над основными транспортными и энергетическими объектами в Каспийском регионе (проект

ТРАСЕКА, нефтепровод БТД, а в перспективе и газопровод «Набукко»), выстроить геополитическую линию Балканы–Кавказ–Центральная Азия. Лейтмотивом внешней политики США на евразийском пространстве становится идея Бжезинского о «Евразийских Балканах», в основе которой лежат два императива: поддерживать существующий там «геополитический плюрализм» и не допустить доминирования России во всем Каспийском регионе. Не ускользают от пристального внимания Вашингтона и сохраняющиеся на Кавказе очаги конфликтов – в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, на Северном Кавказе, а также активизация Турции и Ирана в регионе.

Как известно, с 1997 г. Каспийский регион объявлен зоной американских национальных интересов. Планы США по освоению Каспия вписываются в американскую национальную энергетическую стратегию, которая предусматривает установление контроля над основными районами нефтедобычи в мире, официально именуемого «контролем над глобальным энергетическим равновесием». Геополитические интересы в Прикаспии при этом также существенны для США, чему способствует и географическое положение региона, в частности его сопредельность с главными геополитическими конкурентами США в Евразии – РФ, КНР и ИРИ.

Основными составляющими политики США в Каспийском регионе являются: укрепление государственности и независимости стран региона, идущих по пути развития рыночной демократии, и ослабление их связей с Россией; расширение коммерческих возможностей для США; разрешение региональных конфликтов, в том числе путем укрепления политических, экономических и военных связей между новыми странами регион; формирование спецподразделений и сил охраны энергетических транспортных коммуникаций, протянувшихся от Каспия в западном направлении; укрепление энергетической независимости США за счет каспийских энергоносителей, а также снижение зависимости государств региона от России за счет обеспечения гарантированного свободного потока каспийской нефти и природного газа на мировые рынки. Особое внимание уделяется наращиванию военно-политического и военно-технического сотрудничества США и НАТО с государствами региона. В контексте известных событий в Южной Осетии в августе 2008 г. особенно интенсивный характер такое сотрудничество приобрело с Грузией.

В плане нефтегазовых ресурсов Каспийский регион рассматривается Соединенными Штатами скорее как резервный бассейн углеводородов стратегического значения. Вашингтон заинтересован не столько в добыче, сколько в установлении своего контроля над нефтяными богатствами региона. В своей региональной политике США используют широкий спектр путей и методов. С 1996 г. Вашингтон провел большую работу по вовлечению в орбиту своего влияния Азербайджана, Грузии, Казахстана и Туркменистана, а также Армении, вокруг которой с 2008 г. усилилось американо-российское соперничество.

Значимость региона за последние два десятка лет для США настолько выросла, что проблемы Каспия оказались выделены американской администрацией в отдельное направление внешней политики. В 1999 г., еще при администрации Б. Клинтона, в Анкаре был открыт Каспийский финансовый центр (КФЦ) для оказания помощи в финансировании нефтяных и газовых проектов в Турции, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также для максимального увеличения американского коммерческого участия в разрабатываемых проектах. Центр стал для Вашингтона удобным механизмом проникновения в регион, влияния на отдельные его страны и создания плацдарма на будущее.

Важнейшее место в стратегии США в Каспийском регионе занимает создание разветвленной архитектуры трубопроводов. Причем новые маршруты не должны были проходить по российской и иранской территориям. В качестве моста для выхода каспийской нефти на западные рынки мыслилась именно Турция. В этой связи основная ставка была сделана на нефтепровод БТД. Формируя систему трубопроводов по вектору «Каспийский регион–Турция–Европа», США рассчитывали добиться определенных геополитических преимуществ, среди которых – переориентация кавказских и центральноазиатских ННГ на Запад, усиление консолидации европейских союзников по НАТО и Турции, ужесточение изоляции Ирана, а также возможность ограничить доступ КНР к региону, в частности к его углеводородным ресурсам. Вашингтон заинтересован также в как можно большей интернационализации транспортно-коммуникационных проектов в Каспийском регионе: участие широкого круга стран, в основном западных, не только целесообразно экономически, но и позволяет придать вопросу международную актуальность.

В реализации данной стратегии США помимо своих традиционных союзников (Турция, Израиль, страны ЕС) полагались и



на некоторые региональные ННГ. В частности, в различное время ставка делалась на Грузию, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан. На сегодня достаточно убедительным представляется предположение, что усилия Вашингтона по созданию и развитию консолидационного вектора ГУ(У)АМ были связаны прежде всего именно с американскими геополитическими интересами в Каспийском регионе. Наряду с этим США не оставляют попыток оторвать от Кремля его наиболее близкого военно-политического союзника в регионе – Армению. И процесс армяно-турецкой нормализации, активизировавшийся с 2008 г., должен был послужить этому.

Ввиду сохраняющейся напряженности в отношениях США с Ираном Вашингтон не поддерживал энерготранспортные проекты с участием Тегерана, включая маршрут транспортировки углеводородов к Персидскому заливу через иранскую территорию. А ведь этот маршрут считается одним из наиболее выгодных с экономической точки зрения, и ряд американских нефтяных корпораций настаивают именно на данном векторе диверсификации энергокоммуникаций в Каспийском регионе. По всей видимости, в глазах Вашингтона экономическая целесообразность в этом вопросе еще долго будет отступать перед соображениями американской геополитики, ибо говорить о нормализации американо-иранских отношений пока не приходится, и ставка на изоляцию Тегерана, в том числе от трансрегиональных нефтегазовых проектов, останется в инструментарии стратегии Вашингтона в Каспийском регионе.

\* \* \*

Каспийский регион как место сосредоточения значительных углеводородных ресурсов и как пространство, важное с точки зрения геополитического противоборства в Евразии, развернувшегося с окончанием биполярности, – оба этих фактора должны учитываться в оценке текущего значения региона для внешних акторов. Анализируя политику США по отношению к Каспийскому региону в постсоветский период, можно выявить ее очевидную связь с обоими упомянутыми факторами. При этом геополитический фактор остается преобладающим, вопросы доступа к региональным углеводородам продолжают рассматриваться Вашингтоном преимущественно сквозь призму геополитических процессов в Евразии. Российско-грузинский конфликт 2008 г., «перезагрузка» в американо-российских отношениях с приходом в Белый дом ад-

министрации Б. Обамы, рост исламских тенденций в Турции и возможность ее отдаления от геополитики Запада, нерешенность вопросов энергетической безопасности американских союзников в Европе, а также очередной виток напряженности в отношениях США с Ираном, по всей видимости, означают, что в обозримом будущем активность США в Каспийском регионе будет расти. При этом с учетом динамичности геополитических и геоэкономических процессов в регионе и вокруг него можно ожидать и определенных тактических корректировок американской стратегии в отношении региона.

*«Кавказ и глобализация»,  
Баку, 2010 г., Т. 4, вып. 3–4, с. 33–40.*

**Диана Боровик,**  
журналист (Украина)  
**НЕФТЯНАЯ МОНАРХИЯ КАСПИЯ**

Клан Алиевых называют не иначе как «нефтяная монархия Каспия». Гейдар Алиев, бывший председатель КГБ Азербайджанской ССР, а затем бессменный президент суверенного Азербайджана на протяжении многих лет после развала СССР. Его сын, Ильхам Алиев – любитель посорить деньгами в московских казино, стал в 2003 г. настоящим престолонаследником своего отца.

Гейдар Алиев являлся человеком-эпохой, уникальным олицетворением всего того, что XX в. успел сосредоточить в созданном им же демографическом понятии – «азербайджанец». Профессиональный чекист, Гейдар Алиев всегда отличался особым умением вовремя подстраховаться, благодаря чему ему и удавалось каждый раз выходить сухим из всепоглощающего водоворота революционных перемен. Более того, именно он и стал «отцом азербайджанской нации».

Гейдар Алиев родился 10 мая 1923 г. в семье железнодорожного рабочего в Нахичевани. В дальнейшем с этим автономным регионом Азербайджана, отделенным от остальной части страны территорией Армении, будет связано возвращение Алиева в большую постсоветскую политику. Но вначале он сделал головокружительную карьеру от рядового оперуполномоченного НКВД до председателя КГБ Азербайджанской ССР, в 1969 г. став первым секретарем ЦК КП Азербайджана. Алиев побывал на самом веру советской номенклатуры. С его именем связывают экономический

рост Азербайджана в 1970–1980-е годы, улучшение жизни многих горожан, появление национальной интеллигенции, получившей образование в Москве и других академических центрах СССР. Ему прочили роль генсека страны, и, наверное, поэтому Алиев попал в опалу при Михаиле Горбачёве, заявив тогда: «Не могут быть все республики суверенными в составе одного суверенного государства».

При первой же возможности он улетел в Нахичевань, где его немедленно избрали председателем Верховного меджлиса. По закону Азербайджана он одновременно был заместителем председателя парламента Азербайджана. Но в Баку Гейдар пока не появлялся – там правил другой его соперник, тоже нахичеванец – президент Эльчибей, лидер Народного фронта. Начинались новые времена...

В январе 1990 г., когда в Баку были введены войска и погибли десятки мирных жителей, почетный пенсионер союзного значения одним из первых заявил громкий протест – даже тогда для этого нужно было немалое мужество.

Алиев вернулся к руководству Азербайджаном в 1993 г. и управлял страной с жесткостью, изощренностью и целеустремленностью генерала КГБ. Мастер закулисных игр, он смог переиграть не только националистическую оппозицию в лице Народного фронта и просто авантюристов в лице Сурета Гусейнова, мятежника, ставшего министром. Алиев искусно лавировал между влиянием США и России в регионе, играл на интересах западных корпораций, боровшихся за каспийскую нефть. Его политической победой стала стабилизация положения Азербайджана: как внутреннего – при помощи беспощадного подавления любых соперников, охочих до власти, так и внешнего – путем подписания соглашения о прекращении огня с Арменией в конфликте вокруг Нагорного Карабаха и нефтяного «контракта века».

Очень быстро вокруг Гейдара Алиева стал создаваться миф – сродни турецкому Ататюрку. Похоже, он и сам был не прочь придать своему имиджу оттенок «отца нации». Он совершил хадж, его портреты заполнили школьные учебники. Но в Азербайджане это превратилось в культ личности, который переплюнули лишь некоторые среднеазиатские лидеры. Гейдар Алиев оставил после себя некоторую стабильность, но ростки демократии так и остались слабыми, неухоженными, Азербайджан продолжает оставаться объектом резкой критики по вопросам прав человека, свободы слова, демократичности выборов.

Методы правления Гейдара Алиева были неоднозначными. Он любил «ходить в народ». Обычно после его визитов появлялись новостройки даже в самых глухих селениях (школы, детские садики, жилые дома). С простыми людьми Гейдар держался дружелюбно. С чиновниками, наоборот, бывал суров: в середине 70-х по его личному указанию отдали под суд сразу семерых секретарей райкомов партии за приписки к урожаю хлопка. Это был скандал, но сам Алиев оказался в стороне от неприятных разбирательств.

Воздействовал Алиев и на подсознание обычных граждан. Интересно был организован досуг пассажиров азербайджанской авиакомпании «АЗАЛ». Например, полет Баку – Нахиджеван длится всего 55 мин., перед каждым пассажиром – встроенный телевизор, мультиков и фильмов там, конечно, нет, вместо них крутится пятнадцатиминутная речь Гейдара Алиева. Ну и что, скажете вы, речь так речь, пусть болтает, а кто не хочет слушать, может выключить телевизор или убрать звук. Но не все так просто в Азербайджане: в телевизорах компании «АЗАЛ» кнопка, чтобы выключить или заглушить голос лидера нации, попросту не было, так что каждый летящий в Баку пассажир вынужден был выслушать одну и ту же речь «общенационального вождя» Азербайджана четыре раза.

Гейдар Алиев умер 12 декабря 2003 г. за тысячи километров от Баку в окружении американских врачей. В знаменитой Кливлендской клинике в штате Огайо в 1999 г. ему была сделана сложная операция на сердце. В серьезности болезни Алиева-старшего никто не сомневался. И все же сообщение о смерти экс-президента Азербайджана у него на родине прозвучало как гром среди ясного неба. За последние десять лет нахождения у власти этот сильный, волевой лидер смог заставить соотечественников поверить в его бессмертие.

Однако смекалку бывшего генерала КГБ и члена Политбюро ЦК КПСС явно недооценили. Алиев давно готовил к посту руководителя Азербайджана сына Ильхама. В результате президентских выборов 15 октября, при поддержке государственного аппарата и при помощи азербайджанского бизнеса, а также судя по оценкам западных наблюдателей, не без проблем с подсчетом голосов Ильхам Алиев стал президентом Азербайджана. Сегодня его политическое кредо – продолжение дела отца.

До сих пор на родине одни называют Гейдара Алиева могучим диктатором, другие – умелым царедворцем. Но большинство

земляков считают его человеком, который спас Азербайджан. Его выгнали из политической жизни в конце 80-х. После страшного инфаркта тогда же могла закончиться его человеческая жизнь, но он сумел выжить, во второй раз подняться на вершину власти и уйти победителем.

## **Откуда миллионы?**

Алиев-младший с самого детства грелся в лучах славы отца. После окончания школы он решил поступать в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Однако после «соры» Гейдара Алиева с Горбачёвым Ильхам автоматически стал врагом страны: его выгнали после аспирантуры, он нигде не мог найти работу, ему даже присвоили статус «невыездной», что означало крах карьеры. Такая ситуация вынудила Ильхама заняться собственным бизнесом сначала в Москве, а потом и в Стамбуле. Но как только Алиев-старший вновь взошел на политический Олимп, сын вернулся к отцу и по его настоянию начал свою политическую карьеру.

В ходе своей инаугурационной речи Ильхам Алиев заявил: «Я верю в счастливое будущее Азербайджана. Уверен, что наша страна и впредь будет развиваться и укрепляться. Демократия в Азербайджане получит дальнейшее развитие, будут обеспечены политический плюрализм, свобода слова. Наша страна станет современным государством. Для того, чтобы добиться всего этого, в Азербайджане многое необходимо сделать. Но для осуществления всего этого и превращения Азербайджана в могущественное государство, прежде всего, необходимо продолжить в стране политику Гейдара Алиева».

Ильхам Алиев и его жена Мехрибан Пашаева вместе уже 28 лет. От брака родились трое детей: дочери Арзу и Лейла и сын Гейдар. 1 декабря 2008 г. Ильхам стал дедушкой, дочь президента Лейла Алиева стала матерью двух мальчиков. Однажды в интервью журналу «Баку» на вопрос о семье и супруге Алиев ответил: «Мы познакомились много лет назад на концерте в Баку. Буквально через несколько месяцев после этого мы поженились. С тех пор живем вместе. У нас прекрасные дети, которыми мы гордимся, и очень дружная семья. Я считаю, что близкие отношения в семье – это самая большая ценность для любого человека. Семья – это главное, семья – основа общества. Воспитание, которое дети получают в семье, не могут заменить ни школа, ни институт. Когда де-

ти видят отношения между родителями, когда они видят любовь, взаимопонимание и теплые чувства, они растут добрыми. Я в семейном плане очень счастливый человек, я живу с любимой женой 28 лет, а ощущение – будто мы поженились совсем недавно».

2010 г. стал тяжелым для младшего Алиева. Дело в том, что многие зарубежные СМИ «открыли охоту за имуществом правящей династии Азербайджана. Так, публикация «The Washington Post» статьи о собственности правящей семьи обернулась настоящей драмой для пользователей социальных сетей в стране. По всей видимости, доступ в интернет-ресурсы был ограничен ввиду того, что пользователи социальных сетей активно обсуждали опубликованные в статье детали собственности президентских детей и источника этого состояния. Согласно статье, некий азербайджанский школьник Гейдар Алиев купил девять особняков на берегу моря в Дубае за 44 млн. долл. Неподалеку будут жить девочки Лейла и Арзу. Именно так зовут дочерей президента Азербайджана Ильхама Алиева. В целом азербайджанцы, чьи имена совпадают с именами детей президента, владеют в Дубае недвижимостью на общую сумму около 75 млн. долл.

Статья, в принципе, не рассказала ничего особенного азербайджанскому читателю, ибо народ не так наивен, как про это думают правящие, и у него (народа) сумма 75 млн. долл. вызывает насмешку, тогда как казнокрадство и грабежи в Азербайджане исчисляются в миллиардах. Так что имущество в 75 млн. долл., возможно, является чьим-то подарком по какому-то поводу. Важной стороной статьи явилось то, что было разрушено табу на статьи о личности Ильхама Алиева и членов его семьи.

Бизнес-империя президента Азербайджана растет как на дрожжах. Его младшая дочь загадочным образом стала совладелицей компании по обслуживанию авиалиний и одного из крупнейших банков.

Политическая элита продолжает использовать своих близких друзей и членов семьи для сохранения позиций в наиболее ценных активах страны. И все это происходит несмотря на азербайджанские законы, согласно которым кумовство среди государственных чиновников считается преступлением, преследуемым по закону, – наказывается сроком до 12 лет тюрьмы. Ильхаму Алиеву нравится держать все в семье. Жена Ильхама Алиева, Мехрибан, является членом парламента и видной политической фигурой.

Будучи президентом, Ильхам Алиев, получает официальную зарплату около 230 тыс. долл. в год. Однако Ильхам Алиев, кото-

рый чуть ранее занимал пост президента Государственной нефтяной компании Азербайджана, до сих пор сохраняет жесткий контроль над ресурсами своей богатой нефтью страны.

Состояние Ильхама Алиева оценивается в десятки миллионов долларов. Ни он, ни его жена не декларировали свой собственный капитал, что противоречит законам Азербайджана. Закон страны запрещает чиновникам иметь бизнес. Однако членов семьи Ильхама Алиева такие ограничения не касаются.

*«Семья», Мариуполь, 2011 г., № 34, с. 7.*

**Елена Ионова,**

кандидат исторических наук  
(ИМЭМО РАН)

## **СИТУАЦИЯ В КИРГИЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИРГИЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Больше года прошло с момента последнего политического кризиса в Киргизии, и в настоящее время можно подвести некоторые итоги деятельности нового руководства республики. В конце 2011 г. истекает срок полномочий президента Р. Отунбаевой, и она, по ее собственному выражению, намерена «продемонстрировать мирную и законную передачу власти в результате открытых, честных выборов». Между тем нестабильность и во многом непредсказуемость развития событий в Киргизии накладывают отпечаток на весь ход политических процессов в Центральной Азии, что обуславливает повышенное внимание экспертов к ситуации в республике, тем более что в текущем году, по прогнозам многих наблюдателей, ожидается рост политической напряженности на всем пространстве ЦА.

В марте 2011 г. в Астане состоялся I Евразийский конгресс политологов, в работе которого анализ ситуации в Киргизии занял важное место. Многие из выступавших на нем представителей экспертного сообщества пришли к выводу, что в республике имеются все предпосылки для новой революции. В апреле 2010 г. к власти здесь пришла та часть политической элиты, которая в значительной степени была ориентирована на Запад, прежде всего США.

Смена власти сопровождалась попыткой построения в республике парламентской демократии, для чего в Конституцию были внесены соответствующие изменения. Однако, по мнению киргиз-

ского политолога Н. Омарова, реального перехода к парламентской республике не произошло, и эксперимент по «обкатке» модели парламентаризма оказался несостоятельным. «По крайней мере, в ближайшие 10–20 лет такого проекта в регионе ЦА не будет. Неутешительно, но факт, что третья революция, безусловно, состоится, и теперь, с учетом резкого разочарования населения в тех самых демократических ценностях, к власти придут либо силовики, либо религиозные экстремисты», – утверждает Омаров.

Такая точка зрения представляется обоснованной. В стране по-прежнему нестабильна экономическая ситуация, у нее нет собственных средств на восстановление экономики, которая держится за счет иностранной финансовой помощи. Как и Бакиев, Р. Отунбаева пришла к власти с обещанием покончить с коррупцией. Однако за прошедший период сменились лишь имена в коррупционных схемах, по-прежнему процветающих в республике.

В январе 2011 г. лидер парламентской оппозиции Ф. Кулов представил общественности отчет по ситуации в этой сфере. В этом документе, подготовленном группой экспертов возглавляемой им партии «Ар-Намыс» («Достоинство»), приведены около полутора десятков наиболее типичных и доказанных схем незаконного оборота наличных и безналичных денег, способы дачи взяток и «откатов» госчиновникам и «лицам, принимающим решения», злоупотребления при проведении государственных тендеров и закупок и многое другое. По оценке, данной в отчете, по коррупционным схемам из наиболее важных сфер жизнедеятельности Киргизии ежегодно выводится более 20 млрд. сомов, или 300 млн. долл., что эквивалентно пятой части госбюджета страны.

Сейчас в республике, по сути дела, происходит очередной передел собственности в пользу новой правящей элиты – началась национализация наиболее значимых объектов, в результате которой национализированные предприятия нередко перепродаются новым владельцам. Национализация затронула даже предприятия с участием иностранного капитала, что снизило и без этого невысокий инвестиционный рейтинг киргизской экономики. В частности, большой резонанс в республике и за ее пределами получил коррупционный скандал, связанный с крупнейшим сотовым оператором Киргизии «Альфа-Телеком», работающим под брендом российской компании «Мегаком».

Не находит разрешения в Киргизии и другая острейшая проблема – межэтнические противоречия. Как считают эксперты, она лишь перешла из острой стадии в латентную. Политолог Омаров



связывает это с тем, что не решен вопрос взаимоотношений так называемой «титულიной нации» и узбеков. Этой же точки зрения придерживается нынешний председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Литвы А. Ажубалис, побывавший в начале марта 2011 г. в Бишкеке и Оше. Он заявил, что его «особенно беспокоят дискриминация, гонения, насилие и грубое нарушение прав человека» в Киргизии. Министр также считает, что «власти не устранили базовую причину, кроющуюся в стремлении титульного этноса доминировать в политической и экономической сферах республики, что вызывает ответную реакцию некиргизского населения страны, в первую очередь узбеков». Глеющий конфликт делает положение в стране особенно взрывоопасным в преддверии президентских выборов, поскольку он может быть использован различными политическими силами, в том числе экстремистскими.

В течение весенних месяцев 2011 г. шло нарастание напряженности на Юге республики, усиливалась угроза возобновления межэтнических столкновений по образцу прошлогодних волнений в Оше. По свидетельству самой Р. Отунбаевой, «очень беспокоит ситуация в Узгене, Кара-Суу». Следует отметить, что тревожная ситуация обсуждалась также на совещании командующих погранвойсками Центральной Азии и России, состоявшемся во второй половине марта.

Расчет на экономическую и политическую поддержку извне можно считать краеугольным камнем политики Отунбаевой. При этом руководству республики приходится постоянно лавировать между Москвой и Вашингтоном, имеющими здесь конкурирующие интересы. В первую очередь это относится к военной сфере и, в частности, – вопросу о пребывании на территории республики военных баз США и РФ (на сегодняшний день обе страны имеют здесь по военной базе). Оценку деятельности президента Киргизии в этой связи дал российский эксперт из Института востоковедения РАН А. Князев. По его мнению, «Отунбаева, действительно, возглавила страну в сложный период, и вопрос сегодня не в том, что она не смогла удержать ситуацию под контролем, а в том, что этой цели вообще не было. У США была цель – поставить во главе Киргизии “своего человека”, и у них это получилось».

США стремятся к сохранению и расширению базы в аэропорту «Манас» (Бакиев переименовал ее в Центр транзитных перевозок, что, однако, не изменило ее суть), а также созданию здесь новых точек своего военного присутствия. В июле прошлого года Отунбаева, возглавлявшая тогда Временное правительство, своим

декретом без участия парламента продлила договор об аренде этой базы в аэропорту Бишкека еще на один год, что принесло киргизской казне 60 млн. долл. Большинство экспертов сходятся во мнении, что, несмотря на недовольство Москвы, американцы останутся в «Манасе» надолго.

В марте 2011 г. Отунбаева по возвращении из поездки по странам Европы и США, где она была удостоена международной премии «За женское мужество», которую ей вручила госсекретарь США Х. Клинтон, озвучила план создания нового военного американского центра в Баткенской области. Здесь, по просьбе Отунбаевой, должна появиться тренировочная база для американского спецназа. Кроме того, она заявила о необходимости усилить сотрудничество с НАТО в целях укрепления безопасности страны. «Во имя повышения потенциала республики мы должны действовать и делать это всеми доступными для нас путями», – заявила президент Киргизии.

Находясь в Вашингтоне, Отунбаева обратилась также к руководству США с просьбой о помощи в обустройстве границы для предотвращения вторжения террористов. «Мы тесно работаем с Россией по этому вопросу. Но я также ищу помощи здесь, в Вашингтоне. Пограничные войска нуждаются в большой финансовой поддержке», – цитирует президента КР «Независимая газета». В свете тех инициатив, с которыми выступила руководитель республики в Вашингтоне, есть основания согласиться с мнением Князева, который считает, что награды Отунбаевой от Госдепа США «носят характер гонорара за оказанные услуги». Примечательно, что параллельно официальный Бишкек ведет переговоры с Москвой по вопросу создания еще одной базы ОДКБ на Юге Киргизии.

Однако главное, на что рассчитывает Бишкек в отношениях с Москвой, – это предоставление экономической помощи, чего не приходится ждать от Вашингтона, который предпочитает продвигать свои интересы политическими методами. Следует отметить, что сегодня серьезными донорами Киргизии выступают Турция и Китай. В общей сложности, Анкара готова инвестировать в киргизскую экономику до 450 млн. долл., из которых 150 млн. пойдет на расширение деятельности Киргизско-турецкого университета «Манас». Кроме того, оказать прямую финансовую помощь в размере 24 млн. долл. – об этом заявил в ходе своего визита в Бишкек премьер Турции Р. Эрдоган. Он подтвердил также готовность отменить до конца года визовый режим с Киргизией и повысить кво-

ту для киргизских студентов, обучающихся в Турции (кроме того, Анкара намерена продолжить помощь в вооружении киргизской армии). Взамен Турция хочет получить обещанные ранее России акции военного завода «Дастан», производящего скоростные подводные торпеды. Кроме того, по данным СМИ, турецкий премьер проявил интерес к компании «Киргизнефтегаз». Прямую финансовую помощь и льготные кредиты предоставляет Бишкеку и Пекин.

Со своей стороны, Москва, стремящаяся сохранить стабильность в Центральной Азии, готова оказывать экономическую поддержку Киргизии. Как известно, еще при Бакиеве РФ списала киргизский долг в размере 180 млн. долл., однако взамен не получила обещанных уступок. Сейчас наблюдается новый виток в сближении Москвы и Бишкека. По словам премьер-министра КР А. Атамбаева, выступившего на состоявшемся 23 марта 2011 г. в Бишкеке форуме «Расширение межрегионального сотрудничества Киргизии и России как фактор обеспечения устойчивого развития экономики», без помощи северного соседа республике из кризиса не выбраться. Он признал вину киргизских властей в слабом развитии двустороннего сотрудничества: «Нельзя испытывать терпение России. Мы не должны обманывать кого-то, надо понимать, что это рука друга, брата. До сих пор нас пытаются как-то столкнуть, расколоть».

Незадолго до этого киргизский премьер, который является одним из возможных кандидатов на пост президента республики, побывал в Москве, где по итогам переговоров с В. Путиным получил обещание нового кредита в размере 30 млн. долл. (после погашения им предыдущего – в 14 млн. долл.), а также еще одного кредита в 106 млн. по линии ЕврАзЭС. Они должны быть предоставлены Бишкеку до конца года, т.е. до президентских выборов в республике. Кроме того, премьеры договорились о выделении Москвой кредита в размере 3 млрд. долл. на строительство Камбаратинской ГЭС, который должен поступить в Киргизию в следующем году.

Идея строительства этой ГЭС, самого затратного совместного российско-киргизского проекта, обсуждается уже более десяти лет, не переходя в стадию реализации. Это объясняется такими факторами, как длительная окупаемость проекта, его высокая стоимость (первоначально предполагалось, что Россия вложит 1,7 млрд. долл., теперь же объем инвестиций увеличивается практически вдвое), а также негативным отношением к проекту Узбекистана, опасющегося в случае его воплощения существенного

ущерба своей гидроэнергетике. Кроме того, совместное освоение гидроэнергетических ресурсов Киргизии, согласно решениям межправительственной российско-киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству от февраля текущего года, в дальнейшем должно включить строительство еще четырех крупных ГЭС в верхнем течении реки Нарын.

Планируется также расширить в республике сферу деятельности «Газпрома», который на протяжении нескольких лет на беспощинной основе поставлял сюда бензин и дизельное топливо. Как отмечают эксперты, это позволяло населению в совокупности экономить около 400 млн. долл. в год и было весомой помощью жителям страны, особенно в период посевных кампаний. Однако в апреле 2010 г. «Газпром» вскрыл факты перепродажи поставляемого им топлива подставными компаниями по завышенным ценам американской базе «Манас» вместо обеспечения нужд населения и ввел экспортные пошлины. В феврале текущего года на заседании двусторонней межправительственной комиссии премьеру Атамбаеву удалось добиться от РФ отмены этих пошлин при условии прямых поставок «Газпромом» авиакеросина на американскую базу «Манас». Для этого было создано совместное киргизско-российское предприятие «Газпромнефть-АэроКиргизстан», в котором российской стороне принадлежит 51% акций и три из пяти мест в составе совета директоров.

Предполагается более активное привлечение российских компаний к геологоразведке газо- и нефтеносных площадей в республике. Кроме того, совместно с Роскосмосом планируется создать предприятие по производству кремния для изготовления фотоэлементов.

Бишкек также рассчитывает на помощь Москвы в обеспечении льготных условий для экспорта киргизских товаров. В связи с этим официальный Бишкек заявил о намерении вступить в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. На долю этих трех стран приходится 44,9% всего товарооборота Киргизии (Россия – 26,9%, Казахстан – 16,8, Белоруссия – 1,2%). 15 апреля текущего года на заседании Интеграционного комитета ЕврАзЭС и Экономического совета СНГ была принята заявка Киргизии на вступление в ТС; предполагается, что уже к сентябрю парламент Киргизии ратифицирует соглашение о присоединении к союзу. Эксперты межправительственной российско-киргизской комиссии признают, что издержки при вступлении республики будут с обеих

сторон, особенно в связи с обустройством внешнего контура киргизской границы. Однако важность присоединения к ТС Киргизии обусловлена, по их мнению, в первую очередь ее геополитическим расположением.

При этом ожидается, что Бишкек выполнит взятые на себя ранее обязательства, в том числе – передать России в счет списанного долга 49% акций военного завода «Дастан», снять спорные вопросы по поводу права собственности оператора сотовой связи «МегаКом», продать «Газпрому» 75% «Киргизгаза». Многие эксперты считают, что Киргизия не станет торопиться с выполнением этих условий, как это было и раньше. Однако Москва, по мнению экспертов, не готова пока применять столь радикальную меру, как отмена безвизового режима с Киргизией, поскольку заработки киргизских граждан в России, переведенные в республику, остаются важнейшей «подпиткой» киргизской экономики. В 2010 г. они составили 1 млрд. 250 млн. долл., что сопоставимо с бюджетом республики.

Определенные сомнения вызывает также возможность заключения соглашения о создании в ближайшее время на юге Киргизии военной базы ОДКБ, информация о котором прошла в ряде российских СМИ. Официально Бишкек заявляет о поддержке создания второго российского военного центра (правда, одновременно планируя в несколько раз – с 4,5 млн. до 20 млн. долл. – увеличить плату за те объекты, которые в настоящее время обеспечивают интересы России в республике). Однако расширению военного присутствия России в Киргизии препятствует местная проамериканская политическая элита, которая сохраняет важные позиции в системе государственной власти.

Одним из направлений, по которому идет активизация сотрудничества Москвы и Бишкека, является совместная борьба с наркотрафиком из Афганистана. 30% всех афганских наркотиков поступает в Россию и Европу через территорию Киргизии, в основном через ее южные области – Ошскую, Баткенскую и Джалал-Абадскую. При этом положение резко ухудшилось после того, как Бакиев практически ликвидировал антинаркотические службы республики (как стало впоследствии известно, потоки наркотиков контролировались бывшим руководством МВД КР). В марте текущего года глава ФСКН России подписал в Бишкеке Протокол об оказании технической и финансовой помощи госслужбе Киргизии по контролю за наркотиками, который предусматривает создание практически заново с помощью российских специалистов киргиз-

ской наркополиции. Кроме того, под контролем ОДКБ планируется создать в Киргизии центр по борьбе с наркотрафиком.

В целом, можно констатировать, что Россия предпринимает реальные шаги по оказанию помощи Киргизии и сохранению стабильности в республике, которой может грозить раскол в случае обострения внутривластной ситуации. Последнее чревато драматическими последствиями как для всего Центрально-Азиатского региона, так и для национальных интересов РФ, поскольку, по мнению некоторых экспертов, здесь нельзя полностью исключать косовский вариант, т.е. попытку разрешения внутренних межэтнических конфликтов с участием войск США и других стран НАТО.

*«Россия в новом государстве Евразии»,  
М., 2011 г., № 2, с. 89–95.*

**Халимахон Хушкадамова,**  
кандидат социологических наук  
(Московское бюро НИА Таджикистана «Ховар»)

## **НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ**

Общественные преобразования, происходившие в Республике Таджикистан (РТ) в 1990-е годы, повлияли на традиции, обычаи и обрядовые практики в стране, которые сказываются, в частности, на воспроизводстве традиционных ролей мужчин и женщин. Парадокс ситуации состоял в том, что, с одной стороны, расширились возможности свободного осуществления различных элементов этнокультурного наследия, с другой – возросший масштаб обрядовых мероприятий требовал все больших финансовых средств. В Таджикистане необходимость соблюдения традиционной обрядности как формы проявления национальной идентификации объясняется не только приверженностью личности к культурным традициям, но и низкой самооценкой и давлением мнения общины. Страдающей стороной оставалась и остается женщина. Именно благодаря общине и деятельности традиционных институтов («машварат» – совещание старейшин, группы уважаемых людей, не занимающих государственных должностей, но оказывающих влияние на жизнь общин, «джамомад» – мужские собрания, или застолья, которые связывают мужчин родственными или соседскими отношениями, «авлод» (род) – кровнородственная груп-

па «махалля» (община)) сохраняются условия для устойчивости обычаев, обрядовых форм быта населения.

Социологические исследования показывают, что масштабы традиционной обрядности не сокращаются, особенно среди сельского населения. В РТ, как следует из литературы, публикаций прессы, личных наблюдений автора, в постсоветский период заметно увеличилось число как мужчин, так и женщин, которые следуют исламским правилам и традициям: соблюдают пост, совершают дневные молитвы, посещают мечети и т.д. В некоторых сельских местностях даже начинают открыто ходить в хиджабах. Год от года увеличивается количество полигамных и ранних браков, случаев получения выкупа в разных формах, обмена дарами. Вместе с тем наблюдается и искоренение из быта населения некоторых обрядов, например: сватовство с колыбели, или «колыбельный сговор», известный в народе как «гахворабахш» – обычай просватывания новорожденных; прощание невесты с подругами – «зиёфати духтар»; обряд кройки одежды невесты – «чомабурон»; «калым» и др.

В странах Центральной Азии, как и в целом на Востоке, важное место в жизни каждого индивида занимает семья. Поэтому из многообразия обрядов, обычаев, традиций в РТ уделим особое внимание тем из них, которые связаны с заключением брака, его освящением, проведением свадьбы. Множество культурных практик, традиционных и религиозных обычаев входят в сложившуюся систему семейно-бытового обряда, которая поддерживает устойчивость основных параметров жизни сообщества, регламентирует область социальных отношений, подтверждает правомерность существующей стратификации общества – по полу, возрасту, социальному статусу и т.д. Г. Махкамовой обстоятельно изучены предсвадебные, свадебные и послесвадебные обряды в ряде районов РТ. По ее сведениям, респонденты затруднялись в разделении обрядов на религиозные, традиционные или светские. Связано это, видимо, с тем, что в Таджикистане, как и в других странах, исповедующих ислам, социализация личности, идеология, мораль традиционного общества в немалой степени опираются на религию. «Никох» – религиозное освящение брака. Это подтверждают интервью с отин (женщиной в религиозном сани) и муллой (мужчиной-священником). По их словам, обряд «никох» описан в Коране, имеет четкие предписания-условия совершения и относится к разряду обязательных. Свадьбу можно отнести и к религиозным, и к традиционным обрядам – все зависит от того, как ее проводят.

Согласно исламской традиции, если человек имеет возможность, он, оповещая самых близких о семейном союзе, угощает их. В отличие от современных торжеств, угощения традиционно проводились скромно, без алкогольных напитков. Женщины и мужчины сидят отдельно, не должно быть танцев и шумной музыки. Предсвадебные ритуалы включают: смотрины (жених может приходиться один на встречу, а девушка-невеста должна прийти в сопровождении); согласие (девушки и ее родителей); «фотехатуй» – помолвку; «чокбурон» – разрешение для невесты пошива платьев; «ноншиканон» – разламывание хлеба; «маслихат оши» – плов (при этом решаются «оргвопросы»); «туйбийёрон» – приношение свадебных даров; подачу заявления в ЗАГС; «зиёфати духтар» – прощание невесты со своими подругами. Каждый из этих ритуалов имеет собственный сценарий проведения.

Уникальность Таджикистана в том, что в каждом регионе из-за разности географического расположения, социально-экономического развития, религиозно-культурного уровня изменения обрядов проходили по-разному. Но и на севере, и на юге страны свадебный обряд включает в себя одинаковые основные этапы – сватовство, помолвку, свадьбу и некоторые послесвадебные мероприятия – смотрины невесты и приглашение зятя в родительский дом невесты. Эти обряды, однако, отличаются по форме проведения и количеству участников в том или ином регионе. Так, в Горно-Бадахшанской автономной области смотрины невесты осуществляются в ходе свадьбы, когда невесту приводят в дом жениха и кто-то из его близких друзей открывает лицо невесты. Родственники жениха, в основном женщины, подходят к невесте и дарят ей символические подарки – косметику, постельные принадлежности, недорогие украшения. То есть все проходит в один день и не устраивается отдельное мероприятие с дорогими подарками и относительно большим количеством людей, как это делается на севере страны.

Следует отметить, что проведение свадьбы – выдача дочери замуж или женитьба сына – считается обязанностью родителей и, следовательно, согласно традициям, они отвечают за экономическое обеспечение мероприятия. Правда, в нынешних тяжелых экономических условиях Таджикистана потенциальные женихи сами зарабатывают средства на проведение свадьбы, в основном, находясь на положении мигранта за пределами страны. Как представляется, именно из-за развития внешней трудовой миграции и роста коррупции в постсоветском Таджикистане обрядовых мероприя-



тий разного характера стали проводить много и с большими финансовыми затратами.

По данным исследования Г. Махкамовой, респонденты отмечали нецелесообразность некоторых из множества обрядов; большое количество приглашенных-участников; высокую стоимость организации и проведения этих мероприятий (аренда помещений, угощение, музыкальное сопровождение, транспортные расходы и т.д.); дороговизну выполнения традиции дарообмена, приготовления приданого. По мнению и мужчин, и женщин, эти проблемы усугубляют расслоение общества.

Не все могут провести обряды с привлечением широкого круга участников и большими расходами на угощение и дарообмен. Для большей части населения это стало причиной внутреннего конфликта: люди стремятся, с одной стороны, не отстать от других – «быть не хуже других», с другой – возможности сильно ограничены. Как видно из упоминавшегося исследования, опрошенные предлагали следующие усовершенствования традиционных практик обрядов: взять в долг и провести все согласно установленным традициям; сократить количество приглашенных участников, но проводить все мероприятия; совместить некоторые обряды и сузить круг участников; уменьшить составляющие дарообмена и приданого и их количество. В основном такие стратегии используются в средне- и малообеспеченных семьях, которые предпочитают выполнение всех обрядов. Надо учесть, что, кроме свадьбы и свадебных ритуалов, в Таджикистане проводятся многие другие обряды, требующие немалых затрат. И люди порой в силу своей ментальности, не имея возможностей, вынуждены делать большие расходы на эти мероприятия, занимая в долг необходимые средства.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов в таджикском обществе все чаще стали говорить о необходимости наведения порядка в осуществлении национальных обычаев и обрядов. Вопрос был поднят на уровень высших органов власти страны. В СМИ стали призывать население уменьшить помпезность при проведении различных торжеств, свадеб и религиозных мероприятий, потом появилась законодательная инициатива. 8 июня 2007 г. принят Закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан». В СМИ иностранных государств появились публикации, авторы которых трактовали упорядочение обрядов как нарушение прав человека. Спустя год в Закон были внесены изменения. В частности, это касается ограничения количества гостей (до 156), времени проведения торжества (не более двух дней,

в выходные дни с 8 до 23 часов), уменьшения количества подарков. Свадебный кортеж должен состоять не более чем из четырех автомобилей, а расходы на свадьбу предписывается нести обеим сторонам молодоженов в равной степени.

Согласно Закону, была создана Комиссия по упорядочению традиций и обрядов, которая контролирует соблюдение гражданами принятых норм. В Уголовный и Административный кодексы Таджикистана введены поправки. За девять месяцев после принятия Закона судами Таджикистана было рассмотрено 24 факта его нарушения. По всем делам вынесены решения и наложены штрафы. Согласно дополнениям в Административный кодекс РТ, за нарушение закона налагаются штрафы в размере: на физических лиц – 100 минимальных заработных плат, на госслужащих – 250, на юридических лиц – 500. За тот же срок при проведении четырех основных обрядов было забито на 35 тыс. голов крупного рогатого скота меньше, чем за девять месяцев, предшествовавших принятию Закона. Различных обрядов было проведено на 12 тыс. больше за счет снижения расходов. Население сэкономило более 1 млрд. сомони. Реализация Закона способствовала защите интересов населения в условиях роста цен на продовольствие и осуществлению стратегии снижения бедности – с 83 до 56% населения.

На наш взгляд, для Таджикистана, большая часть населения которого находится за чертой бедности, это прогрессивный документ. Как показывают анализ публикаций прессы страны и личные наблюдения автора, Закон находит поддержку среди населения и продолжает совершенствоваться с учетом особенностей регионов. Так, в Горно-Бадахшанской автономной области не вошло в быт горцев предсвадебное утреннее угощение пловом – «оши нахор». В связи с этим в интересах населения области были внесены поправки, согласно которым разрешено на 50 человек увеличивать число гостей на свадьбе. Этим подтверждается, что Закон учитывает местную, национальную и региональную специфику.

В заключение отметим, что в материале рассмотрены только некоторые обряды, обычаи и ритуалы, связанные со свадьбой и регулируемые Законом. По мнению автора, Закон облегчает участь населения, особенно женщин, освобождает их не только от ненужных расходов, но и от физической и психической перегрузки. Данный документ можно расценивать как пример успешной модернизации национальных обрядов.

*«СоцИс: Социологические исследования»,  
М., 2011 г., № 5, с. 78–81.*

**Аркадий Дубнов,**  
политический обозреватель  
**ВЛАСТИ ТУРКМЕНИСТАНА УСИЛИЛИ  
КОНТРОЛЬ НАД СИТУАЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ**

Образ туркменского режима и его руководителя в мировой прессе как нельзя точнее соответствует распространенному штампу тиранического правления. Лидер, узурпировавший власть и поделивший ее между представителями своего клана, угнетенный народ, массовая пропаганда культа личности, низкий уровень жизни, полное отсутствие демократических свобод и независимых СМИ, высокий уровень насаждаемой в обществе ксенофобии. Но Гурбангулы Бердымухамедов остается для мирового сообщества вполне «рукопожатной» персоной. Впрочем, как показывает опыт арабских потрясений, это ни в коей мере не гарантирует ни стабильность в пустынной, но чрезвычайно богатой углеводородами стране, ни лояльность Запада в случае кризиса,

53-летний туркменский президент – самый молодой среди центральноазиатских автократов и по возрасту, и по сроку службы. Меры, предпринятые им по профилактике нежелательных потрясений, впечатляют. После первых известий о беспорядках в Северной Африке Бердымухамедов уже в феврале стал регулярно и «неожиданно» объезжать дальние аулы, распекать местное начальство за то, что «на селе нет самого необходимого», и требовать от чиновников «срочно навести порядок». Забота о нуждах народа постоянно транслируется по туркменскому телевидению.

Резко ужесточился контроль над всеми приезжающими из-за границы, в особенности из Турции и Объединенных Арабских Эмиратов. Очевидно, власти старались «отловить» тех, кто во время волнений уехал из Египта и вообще с Ближнего Востока. По согласованию с властями Турции оттуда были депортированы граждане Туркмении с просроченной визой. Усилен режим содержания во всех мужских колониях, особенно там, где содержатся осужденные за групповые преступления, т.е. лица, способные к организации в сообщества.

Предприняты меры по расширению контроля над религиозными исламскими общинами, обособленно живущими на западе страны. Особое внимание уделяется семьям и кланам, связанным с туркменской общиной в Иране. Эта община в последнее время значительно радикализовалась и активизировалась на противо-

стоянии с иранскими шиитами и в попытках осуществлять экспансию «чистого ислама» на территорию Туркмении,

Ну и, наконец, президент Бердымухамедов предпринял экстраординарные меры по повышению уровня личной безопасности. При проезде президентского кортежа перекрываются не только улицы, по которым он следует, но и все перекрестки вокруг, две параллельные улицы и все перпендикулярные. Жителям домов на «протокольных трассах» предписано занавешивать окна, запрещено приглашать гостей в часы проезда кортежа, в этих целях составлены специальные графики с широкими временными окнами.

Очевидно, что серьезные угрозы режим усматривает и во внешних факторах. У Ашхабада в разной степени натянутые отношения с Баку, Москвой, Тегераном, Ташкентом. Все это заставляет туркменское руководство искать поддержки на Западе, уступая ему шаг за шагом позиции в переговорах по условиям продажи туркменского газа в Европу.

*«Россия в глобальной политике»,  
М., 2011 г., № 2, март-апрель, с. 138–139.*

**Л. Васильев,**

политолог (ИДВ РАН)

## **ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Экстремистские и сепаратистские движения в Центральной Азии все чаще используют террор в качестве одного из основных способов ведения политической борьбы. Этому способствует целый ряд внутривнутриполитических причин в центральноазиатских государствах, которые можно разделить на две основные группы – социально-экономические и идеологические, которые создают в обществе социальную среду, осуществляющую постоянную подпитку деятельности террористических организаций. Рассмотрим каждую из групп более подробно.

К социально-экономическим причинам можно отнести: экономический и социальный кризис, безработицу и обнищание значительной части населения; обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у большинства населения; падение авторитета власти вследствие неэффективности экономических реформ; существенный рост социального расслоения общества; деиндустриализацию экономики и связанные с ней безрабо-

тицу и маргинализацию значительной части населения, которые в условиях высокой рождаемости сказались прежде всего на молодежи; проблемы с выплатой пенсий и пособий, с поддержанием систем образования и здравоохранения.

К идеологическим причинам можно отнести следующие: отчуждение людей от государства и общества; устранение их от участия в управлении собственной жизнью; утрату многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей; искажение положений традиционного ислама и рост значимости его радикальных ветвей; распад региона на отдельные страны, вызвавший возведение пограничных, визовых, иных барьеров внутри ранее единого пространства, что способствовало национальному обособлению народов этих стран; этнические и религиозные конфликты, резкие изменения мировоззрения, вызванные крупными социальными потрясениями; противоречия между секуляризмом светских режимов государств Центральной Азии и политическим исламом; репрессивную реакцию правительств на оппозиционную деятельность политического исламского движения в регионе.

Оценивая деятельность террористических, экстремистских и сепаратистских организаций в Центральной Азии в настоящее время и сложившиеся в регионе условия в целом, можно сделать несколько общих выводов.

1. Сегодня наиболее крупные террористические организации в ЦАР имеют схожие стратегические цели, а также разработанную многовариантную тактику их достижения. При этом автономность их вооруженной составляющей, прочность сетей и устойчивость ячеек, а также техническая оснащенность постоянно возрастают с одновременным расширением географии действий и круга лиц, принимающих решения для их осуществления.

2. В текущих условиях среди населения Центрально-Азиатского региона все большую привлекательность находит если не поддержка, то, по крайней мере, оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием существующим положением дел и отсутствием ощутимых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости.

3. Особенностью современного терроризма в ЦАР, как и во всем мире, является тесное переплетение как террористических сетей, так и криминальных структур. Если раньше они лишь соприкасались, взаимовыгодно решая отдельные локальные вопросы, а затем расходились, то сегодня наблюдается растущий симби-

оз этих двух опасных течений. Между тем их совместная деятельность многократно увеличивает возможности каждого из них, так как позволяет террористам маскировать свою деятельность под обычный криминал, а взаимные услуги повышают результативность действий тех и других.

4. Терроризм в Центральной Азии, как и весь современный международный терроризм, – это, во многом, образ жизни немалого слоя населения целого ряда стран. Ему уже не важен конечный результат, так как за достижением ближайшей цели последуют новые. Поэтому преодоление условий, порождающих и подпитывающих терроризм, – задача длительная, и по плечу она только объединенным усилиям всего мирового сообщества, в которых силовые методы – важная, но не решающая составляющая успеха.

Если говорить о тенденциях, которые просматриваются в динамике террористической деятельности в регионе Центральной Азии, то можно ожидать:

- увеличения активности сепаратистских и экстремистских групп и распространения их деятельности на новых территориях;

- дальнейшей политизации ислама и усиления влияния его радикальных ветвей на население, вследствие чего их идеология еще больше потеснит традиционное учение;

- стремления к консолидации экстремистских движений при сохранении автономности управления в них;

- появления новых форм экстремистских и террористических вылазок, появления в регионе движения «смертников-шахидов»;

- продолжения интеграции экстремизма и терроризма с криминальными структурами, укрепления их взаимосвязей и взаимодополняемости на фоне роста оборота наркотиков, увеличения объема контрабанды оружия;

- расширения вовлечения женщин в экстремистскую и террористическую деятельность.

Отмеченные выше общие характеристики и тенденции развития современного терроризма в Центральной Азии имеют свои особые проявления в конкретных условиях различных центральноазиатских государств.

**Казахстан.** Особенности и возможности террористической деятельности в Казахстане сегодня определяются несколькими факторами.

1. Хотя Казахстан тоже находится в сфере деятельности международных террористических организаций, однако это госу-

дарство рассматривается ими не как зона для активных террористических актов, а как своего рода база, на которой осуществляется конспиративная работа по подготовке подрывных действий в соседних государствах, в первую очередь в Узбекистане.

2. Несмотря на достоверность сказанного выше, здесь все же отмечается рост террористической опасности. Это связано с усилением попыток вовлечения казахов в деятельность международных террористических организаций. Причем вербовочная работа ведется преимущественно среди социально неустроенных и малообеспеченных молодых людей. Она строится на религиозной базе, основой которой является пропаганда радикальных течений ислама.

3. Казахскими спецслужбами оценивается как возможная и даже растущая угроза терактов против дипломатических и коммерческих учреждений зарубежных стран на территории страны, прежде всего представляющих США, Великобританию и Израиль, как это имело место, например, в Узбекистане.

Сейчас в Казахстане наибольшую активность проявляет радикальная организация исламистского направления «Хизб ут-Тахрир». Правда, данная организация пока ограничивается пропагандой своих идей, а также выражением оппозиции в отношении официальной политики государства с использованием листовок и литературы соответствующего содержания. Пока деятельность активистов этой организации в основном сосредоточена в южных регионах Казахстана, где удельный вес коренного населения республики особенно высок, а с ним высок и уровень распространения ислама. Однако становится заметным их стремление распространять свои идеи и в других областях Казахстана. Кроме того, данная организация уже пустила глубокие корни на территории Киргизии, что выводит ее деятельность на межгосударственный уровень. По данным Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (КНБ РК), если прежде в ряды «Хизб ут-Тахрир» шли в основном лица с низким достатком, то в последнее время эмиссары этой организации стремятся вовлечь в ее ряды государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, состоятельных бизнесменов, представителей интеллигенции и студентов. Отмечается также их желание наладить тесные контакты с представителями СМИ. Это говорит о том, что «Хизб ут-Тахрир» стремится внедрить своих людей практически во все сферы общества, в том числе во властные структуры. В ноябре 2004 г. руководство КНБ РК сообщило об аресте в Казахстане членов группировки «Жамаат моджахедов», которая поддерживается

«Аль-Каидой». По данным спецслужб Казахстана, эта группировка фактически является глубоко законспирированной террористической организацией. За два года своей деятельности ею было завербовано около 70 человек, из которых 50 узбеков и до 20 казахов. Отдельные ее члены привлекались к участию в осуществлении терактов в марте–апреле и июле 2004 г. в Узбекистане. Кроме них были арестованы около 20 человек, входивших в Исламское движение Узбекистана, 14 представителей уйгурских сепаратистских организаций, а также эмиссар Курдской рабочей партии, который прибыл в страну с тайной миссией.

**Киргизстан.** Официальные структуры государства отмечают заметную в последнее время активизацию деятельности в стране сторонников упомянутой «Хизб ут-Тахрир». По данным спецслужб, основными направлениями их деятельности, как и в Казахстане, являются распространение религиозной литературы с призывами изменения существующего строя, а также пропаганда своих идей среди населения. И здесь отмечено особое внимание агитаторов к госслужащим, военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов. Зафиксированы также попытки организации массовых митингов, имеющих антиконституционную направленность. В ряде случаев использовались антиамериканские лозунги.

Для придания привлекательности деятельности партии среди населения республики руководством «Хизб ут-Тахрир» разработана специальная социальная программа, которая призвана обеспечить позитивное отношение простого населения к партии, якобы ведущей «борьбу с коррупцией и противозаконными действиями местных чиновников». Примерами активной реализации этой программы могут служить выступления в защиту прав потребителей электроэнергии, помощь молодым семьям в новостройках, помощь пострадавшим во время землетрясения жителям Кочкорского района, организация массовых угощений во время ежегодных праздников «Курбан» и «Орозо Айт».

Следует отметить ряд особенностей деятельности «Хизб ут-Тахрир» на территории Киргизии в современных условиях:

1) ее деятельность ведется в условиях системного кризиса и трансформации экономической и общественно-политической жизни республики;

2) интегративность и трансграничность деятельности «Хизб ут-Тахрир», особенно в Ферганской долине, позволяет использо-



вать членов организации как внутренними, так и внешними силами в своих интересах;

3) следует отметить гибкость тактики в деятельности организации и динамичную рефлексию на общегосударственные события;

4) значительное место в деятельности «Хизб ут-Тахрир» занимает конспиративная деятельность;

5) в последнее время активизировалась ее деятельность по вербовке в среде гастарбайтеров в ближнем зарубежье, в местах их обычного проживания.

Следует отметить, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» в наибольшей степени поддерживают этнические узбеки, компактно проживающие в южных регионах страны. Это объясняется, в частности, тем, что агитация этой организации содержит не только религиозный, но и националистический аспекты. Кроме «Хизб ут-Тахрир» на территории республики, по данным Службы национальной безопасности Киргизии, действуют сторонники «Исламского движения Узбекистана», «Исламского движения Восточного Туркестана», а на юге страны все большую активность стали проявлять проповедники радикальных течений ислама из Саудовской Аравии, Ирана и других государств. Они агитируют, в основном, за создание в Центральной Азии объединенного исламского государства. Их деятельность хорошо финансируется. Так, они ведут проповеди в мечетях, которых только на юге страны около 2 тыс., причем их большая часть была построена в последние годы исключительно на средства зарубежных спонсоров. И все же наиболее опасными для государства были события 1999, 2000 и 2005 гг.

В 1999 и 2000 гг. впервые были осуществлены попытки вооруженного прорыва подразделений ИДУ в Баткенский и Чон-Алайский районы с целью создания на юге Киргизии плацдарма для осуществления террористических и диверсионных актов в Узбекистане. Для этого изучалась местность, отрабатывались маршруты, приобретались и изготавливались необходимые документы, велось убеждение местных жителей в том, что участники прорыва являются защитниками ислама и непримиримыми противниками только действующей власти в Узбекистане. И нужно сказать, что их попытки привлечь население на свою сторону находили отклик у определенной его части. Однако следует признать, что указанные вторжения исламистов в Киргизию не преследовали цели втянуть ее в войну с Узбекистаном, как это порой стремятся представить. Они действительно ставили перед собой задачу

дестабилизировать обстановку прежде всего в Узбекистане. Для этого планировалось осуществить ряд террористических актов и диверсионных вылазок, чтобы усилить протестные выступления узбекской оппозиции и в их ходе спровоцировать беспорядки, что, как предполагалось, подтолкнет правительство к репрессиям. Раскрутив таким образом маховик насилия, они надеялись захватить власть в государстве. Однако подобное развитие событий с большой долей вероятности не ограничилось бы пределами одной страны. Заметим, что в тот период в соседнем Афганистане властвовали талибы, открыто провозгласившие курс на «талибанизацию» всей Центральной Азии, и именно они стояли за спиной узбекских экстремистов. К счастью, подобные планы им осуществить не удалось.

**Таджикистан.** В результате гражданской войны, которая продолжалась с 1992 по 1997 г., унеся жизни 50 тыс. человек и причинив экономический ущерб в 7 млрд. долл., центральная власть оказалась настолько ослабленной, что была не в состоянии эффективно контролировать ни границы, ни территорию собственного государства. Это позволяло различным радикальным организациям почти беспрепятственно создавать в стране и прилегающих районах свои базы и лагеря. Вследствие всего этого напряженность как в самом Таджикистане, так и в соседних республиках, нарастала. В 1997 г. удалось добиться прекращения огня, а затем подписания Объединенной таджикской оппозицией «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия», на основе которого представители оппозиции вошли в состав правительства. После этого президент страны Э. Рахмон приступил к стабилизации обстановки и укреплению своей власти, в чем достиг определенных успехов. Безусловно, этому способствовал и последовавший вскоре разгром талибов в соседнем Афганистане. Однако в последнее время в Таджикистане начала заметно активизировать свою деятельность «Хизб ут-Тахрир». В частности, в феврале 2004 г. только в одной Согдийской области правоохрательными органами были задержаны 22 члена этой организации, причем в их числе оказалось несколько сотрудников этих органов. У задержанных было изъято большое количество периодики и листовок экстремистского содержания.

12 апреля того же года в Исфаринском районе Таджикистана правоохрательными органами были задержаны 20 человек, подозреваемых в совершении ряда тяжких уголовных преступлений на почве расовой и религиозной вражды. В частности, им инкри-

минируют убийство в начале 2004 г. руководителя местной баптистской общины С. Бессараба, а также поджог нескольких мечетей, настоятели которых выражали лояльность правительству республики. В ходе задержания преступники оказали вооруженное сопротивление, а при обыске в их домах были изъяты значительные запасы оружия. Следствие установило, что эти лица являются членами новой экстремистской организации «Байат» (в переводе с арабского – «Клятва»), некоторые члены которой воевали на стороне талибов в Афганистане. Получены также косвенные свидетельства того, что «Байат» имела связь с ИДУ. 15 мая 2009 г. власти Таджикистана начали операцию «Мак-2009», официальной целью которой является борьба с выращиванием опиума и деятельностью наркоторговцев в Раштской долине, расположенной примерно в 150 км от Душанбе. Между тем, по мнению некоторых местных аналитиков, действительной причиной операции является возвращение в долину известного в годы гражданской войны полевого командира М. Абдулло, скрывавшегося последнее время в Пакистане, который привел с собой около 100 боевиков. После заключения мирного соглашения 1997 г. М. Абдулло ушел в Афганистан, откуда после начала военной операции США, по видимому, был вынужден перебраться в Пакистан.

**Туркменистан.** После смерти в 2006 г. президента С. Ниязова изменений во внутренней и внешней политике Туркменистана практически не произошло. Республика с точки зрения стабильности по-прежнему является самым спокойным государством региона. Некоторые эксперты предсказывали «народную революцию», приход к власти военной хунты, межплеменные столкновения и хаос. К счастью, этого не случилось. Новый президент Г. Бердымухамедов сделал Туркменистан более открытым для внешнего мира, реабилитировал некоторых осужденных прежним режимом, отменил ряд непопулярных решений предыдущего президента, однако оставил в силе действующее положение, объявляющее всех, кто сеет «сомнение в правильности политики президента», изменниками родины. Таким образом, изменения, происшедшие в Туркменистане, не затрагивают сути политической системы республики и в ближайшей перспективе вряд ли приведут к обострению обстановки в государстве. Однако повсеместное нарушение прав человека, коррумпированность руководства и сложная этническая палитра страны могут в дальнейшем создать предпосылки для негативного развития событий.

**Узбекистан.** По степени активности террористических организаций Узбекистан в последнее время вышел на первое место среди других среднеазиатских стран. В марте 2004 г. в Ташкенте, а также в некоторых районах республики был организован ряд взрывов и нападений на милиционеров, в результате которых погибло несколько десятков человек. Через некоторое время, 30 июля того же года, в Ташкенте у зданий посольств США, Израиля и Генеральной прокуратуры Узбекистана террористами-смертниками практически одновременно было осуществлено три взрыва. Погибли три сотрудника МВД и один сотрудник СНБ, обеспечивавшие охрану данных объектов, девять человек получили ранения. Ответственность за эти акции взяли на себя две террористические группировки: «Исламское движение Узбекистана» и «Исламский джихад», заявившие, что взрывы в Ташкенте и Бухаре в марте и июле 2004 г. явились ответом на поддержку Узбекистаном войны Соединенных Штатов в Афганистане. Правда, многие связывали июльские взрывы с судебным преследованием участников мартовских террористических нападений в Ташкенте. Но как бы то ни было, обстановка в стране обострялась, что готовило андижанские события 2005 г. В отличие от происшедшего в 2005 г. в Киргизии, события в Андижане, по мнению многих аналитиков, представляли собой прямой вооруженный мятеж, хорошо и заранее подготовленный, в том числе и внешними силами. Захват воинской части, нападение на тюрьму, поджог ряда общественных и административных зданий иначе, чем вооруженным мятежом, квалифицировать нельзя. В связи с этим его подавление являлось прямой обязанностью государства, и адекватная жестокая реакция власти, включая разгон демонстрации протеста, представляется вполне оправданной. В отличие от Бишкека, Ташкент продемонстрировал силу и решительность в готовности всеми средствами защитить Конституцию страны.

\* \* \*

Рассматривая причины распространения терроризма в Центральной Азии, следует отметить особенности нынешней структуры власти и системы управления, существующих в центральноазиатских государствах, которые вытекают из менталитета их гражданских обществ. Не секрет, что практически во всех государствах региона правящая элита как в центре, так и на местах, формируется на клановой основе. В Казахстане сейчас у власти

представители Севера страны, а элита других районов вынуждена объединиться в «демократическую оппозицию». В Узбекистане правят выходцы из Ташкента и Самарканда, оттеснившие от власти так называемых «ферганцев». В Киргизии после устранения «семьи» А. Акаева продолжается борьба между выходцами из северных и южных районов, в которой активно участвует значительная узбекская диаспора. В Таджикистане правящей элите противостоит объединенная исламская оппозиция.

В то же время в этих государствах решающее влияние на возможность войти в ту или иную элиту оказывает принадлежность к определенным родовым кланам. Внутри них царят сложная иерархия отношений, жесткая дисциплина, а связи с другими кланами строго регламентированы. В таких условиях существующие экстремистские течения используются ущемленными в правах социальными, этническими и конфессиональными группами населения для выражения недовольства и нетерпения. Правящие элиты, в свою очередь, используют угрозу экстремизма и терроризма для ужесточения прессинга и упрочения собственного положения. Все это препятствует стабилизации обстановки и несет угрозу ее негативного развития. Подобная дестабилизация политической системы даже в отдельной стране неизбежно повысит напряженность во всем регионе, связанную с необходимостью ужесточения пограничных режимов, замедлением реализации совместных экономических проектов, ухудшением режима товарообмена и т.п.

На национальном уровне все это ведет к ограничению политических свобод, ущемлению прав человека и утрате им личной безопасности, прекращению диалога между обществом и государством. Это приводит к росту коррупции и криминализации общества, включающим расширение наркобизнеса, торговли оружием и людьми, а также таких опасных явлений, как экстремизм и терроризм, что чревато потерей управления страной.

Завершая рассмотрение деятельности террористических организаций в регионе и условий, способствующих ее продолжению, можно сделать следующие общие выводы.

1. Этой деятельности присущ трансграничный характер, так как ею охвачены территории практически всех центральноазиатских государств и она координируется международными террористическими центрами. В интересах достижения упоминавшихся выше общих целей она направлена на:

- дестабилизацию общей ситуации путем совершения террористических и иных подрывных акций, а также физического устранения представителей высшего руководства государств региона;
- использование территории данных стран в качестве своего рода базы для подготовки резерва активных борцов и осуществления подрывных действий в сопредельных странах;
- проведение идеолого-пропагандистской работы среди местного населения, в том числе в целях вербовки в свои ряды потенциальных исполнителей терактов.

2. Статистика подтверждает, что в сравнении с другими регионами мира активность террористов в Центральной Азии относительно невысока. Однако следует учитывать, что проявления терроризма и экстремизма здесь отмечаются практически с момента провозглашения независимости государств и продолжают по настоящее время. В этот период лишь менялись методы ведения борьбы: от развязывания гражданской войны в Таджикистане, через вооруженные прорывы боевиков в Киргизию и мятеж в Андижане до широкой, фактически полулегальной агитации за создание Всемирного исламского халифата. При этом спектр экстремистских и террористических организаций продолжает пополняться новыми, более одиозными организациями и группами боевиков.

3. Несмотря на меры, принимаемые в этой сфере властями тех или иных государств региона, их нельзя назвать достаточно эффективными. Остается фактом, что число предпосылок, способствующих возникновению и облегчающих существование сепаратистских, экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии, не уменьшается, а возрастает, чем создаются условия для сохранения связанных с их деятельностью проблем.

4. Следует подчеркнуть, что международный терроризм в Центральной Азии выступает в качестве инструмента, который будет использован в будущем для изменения политического устройства центральноазиатских государств. Резкое усиление деятельности экстремистских, сепаратистских и террористических организаций произойдет, скорее всего, в переходный период, когда будет меняться правящая элита в государствах ЦАР.

5. Мировой финансовый кризис может выступить в качестве катализатора роста экстремистских и сепаратистских настроений, что, как следствие, может вызвать активизацию террористической деятельности. Кроме того, резкое сокращение рынка труда может отразиться на потоках нелегальной миграции, преступности и дру-

гих противоправных действиях, которые могут привести к резкой дестабилизации обстановки в ЦАР.

*«Мировые державы в Центральной Азии»,  
М., 2011 г., с. 195–208.*

**В. Овчинский,**

политолог

## **АФГАНСКИЙ УЗЕЛ ТЕРРОРИЗМА**

В физике используется такое понятие, как «черный ящик». Обычно оно применяется для обозначения системы, механизмы которой сверхсложны либо неизвестны.

Таким глобальным «черным ящиком» для мировой политики стал с начала XXI в. Афганистан. Именно здесь запускаются механизмы противоборства и взаимопомощи самых разных международных и национальных, легальных и нелегальных, реальных и виртуальных субъектов. Результаты этих взаимодействий совершенно непредсказуемы. Но именно от них зависят развязывание новых войн, соотношение сил в мире, тенденции развития и деградации. Все новые атаки талибов говорят о том, что «черный ящик» перегрет за пределом. Уже никто не может строить реальные прогнозы развития ситуации. Попытки администрации США заверить мировую общественность в том, что ситуация контролируется, рассыпались как картонный домик.

В Афганистане с начала XXI в. проходят две военные операции. Первая операция – «Надежная свобода», которая почти полностью проводится США. В рамках этой операции в Афганистане находятся 36 тыс. американских военнослужащих. Вторую операцию проводят Международные силы содействия безопасности (ISAF). Этой операцией командует НАТО, но сами силы подчиняются главнокомандующему США в Афганистане. К началу 2010 г. в ISAF – около 68 тыс. военнослужащих из 43 стран. Если добавить к этому 30 тыс. военнослужащих, объявленных Обамой в начале декабря, 7 тыс. солдат, обещанных союзниками, в ISAF окажется почти 100 тыс. военнослужащих плюс более 30 тыс. американцев, проводящих операцию «Надежная свобода».

Когда говорят «война в Афганистане», то подразумевают сразу две войны – и в Афганистане, и в Пакистане. Одновременно никто не снимал с повестки дня Ирак, где в течение 2009–2010 гг. ежеквартально продолжали погибать сотни людей в результате

террористических нападений (при заявленных США «больших успехах» и выводе войск из городов).

Усиление официальной группировки войск США и ISAF в Афганистане и неофициальной в виде французского Иностранного легиона наемников и различного рода «охранных» структур (таких, например, как «Blackwater», недавно переименованная в «ХЕ») и групп «гражданских» советников логически приводит к вопросу о целях этого наращивания и афганской «войны с терроризмом» начала XXI в. Как таковой.

### **Закулиса афганской «войны с терроризмом»**

Для объяснения необходимости афганской «войны с терроризмом» есть официальная версия. Она изложена президентом США Обамой в выступлении 1 декабря 2009 г. в Военной академии США в Вест-Пойнте. Согласно этой официальной версии, «в Афганистане и Пакистане на карту поставлена наша (США. – В.О.) безопасность. Именно там находится центр кровавого экстремизма “Аль-Каиды”, именно оттуда нас атаковали 11 сентября 2001 г. и именно там замышляются новые нападения... Наша главная цель неизменна: вывести из строя, демонтировать и в конечном счете разгромить “Аль-Каиду” в Афганистане и Пакистане, лишив ее возможности в будущем угрожать Америке и нашим союзникам».

В другой своей речи – 10 декабря 2009 г. на церемонии вручения Нобелевской премии мира в Осло центральный аргумент Обамы был таков: национальные, религиозные и «племенные» культуры, не придерживающиеся ценностей американцев (и некоторых европейцев), не только хуже, чем западная культура, но и должны быть переделаны любыми способами. Война в Афганистане названа «оборонительной». Примерно той же концепции войны придерживается и Генеральный секретарь НАТО Расмуссен. В интервью «Der Spiegel» 21 декабря 2009 г. он заявил: «Мы с нашими войсками должны не допустить превращения Афганистана в убежище и укрытие для террористов. В противном случае они смогут пользоваться им в качестве базы для наступления на Центральную Азию и дальше. Кроме того, они будут дестабилизировать обстановку в соседнем Пакистане, являющемся ядерной державой. Все это очень и очень опасно – как для нас, так и для остальных».

Казалось бы, такое пафосное обоснование войны обязывает весь «цивилизованный мир» в едином порыве броситься помогать



США и НАТО осуществлять эти «великие и гуманные» цели. Но почему-то этого не происходит. Более того, аналитики из разных стран мира с совершенно разной политической ориентацией видят за официально объявленными целями афганской войны некие совершенно иные, закрытые цели и задачи.

В наиболее простом и прямолинейном виде закулисное объяснение причин афганской «войны с терроризмом» изложено в левом испанском издании «Publico.es» (3 января 2010 г.) в статье «Тайный агент революции», где говорится, что Обама был завербован Бжезинским, когда обучался в Колумбийском университете. Там он вошел в контакт с Трехсторонней комиссией и Бильдербергским клубом. По мнению издания, Бжезинский и его единомышленники уже давно рассматривают Россию и Китай в качестве своих главных врагов и всю стараются использовать против них экстремистские силы. Вплоть до терактов 11 сентября 2001 г. разведслужбы США оказывали поддержку «Аль-Каиде» и талибам с тем, чтобы стимулировать выступления уйгуров-мусульман против китайского правительства. Они также использовали движение «Талибан» для нанесения ущерба союзникам России в Средней Азии. «Цель присутствия американцев в Афганистане, – говорится в статье, – заключается не в уничтожении “Аль-Каиды” или талибов, с которыми они при необходимости быстро договорятся, а в занятии стратегических позиций, позволяющих нанести удар по России и Китаю».

В самих США оппозиционное правительству издание «Pacific Free Press» (25 марта 2010 г.) пишет: «Идя по следам боевиков-террористов, американские войска и американские деловые круги просочились глубоко в Центральную Азию, где нефтяным компаниям плохо удается самостоятельно завоевать плацдармы. Тем, кто следит за внешней политикой США в Афганистане и во всем мире, хорошо известно, что американские военные и Центральное разведывательное управление часто действуют в манере, противоречащей заявлениям руководителей этой страны. Тем, кто удосужится заглянуть за занавес американского двуличия, придающего видимость благопристойности нашим действиям, сразу становится ясно, что “исламские боевики” имеют обыкновение появляться там, где начинают проявлять свой интерес нефтяные компании США.

Тот факт, что Америка использовала эти самые группировки боевиков в прошлом, вызывает большие подозрения, потому что они появляются на свет снова, причем всегда на пути предпола-

гаемых маршрутов прокладки трубопроводов. Это не просто какая-то случайность, что боевики в качестве целей для своих нападений обычно выбирают врагов США, таких как Китай, Россия и Иран. Кроме того, “исламисты” также нацеливают свои удары на непослушных союзников США, таких как Пакистан, когда те выходят из общего строя или иным образом не оправдывают американские ожидания...

То, что американцы используют исламских боевиков в качестве инструмента своей тайной внешней политики, это факт. Об этом знают государства и их специальные ведомства во всем мире. Единственные, кто понятия не имел о том, что американское правительство само создает тех самых боевиков, с которыми оно якобы воюет, это народ Америки, а также западная аудитория. Это знают все на Ближнем Востоке. На самом деле почти все страны, причастные к хаосу “АфПака”, используют “исламистов”, полевых командиров и криминальных авторитетов для достижения собственных целей в этом конфликте».

«Der Spiegel» (19 мая 2010 г.) пишет, что сегодня в Афганистане разворачивается продолжение «Большой игры» XIX в в Центральной Азии за мировое господство. В «Большой игре-2» принимают участие все игроки, которые в настоящее время имеют вес в мировой политике, – Соединенные Штаты и Россия, Европа и Иран, Китай и Индия. Жизненно важные интересы Запада состоят в том, пишет «Spiegel», чтобы изолировать в стратегическом плане и ослабить в экономическом отношении иранских правителей, представляющих собой опасное смешение религиозного фанатизма и высокотехнологичного обогащения урана. В военном отношении это делается путем создания крупных баз в Кандагаре и Кабуле, а также в таких близлежащих странах, как Киргизия и Узбекистан. Кроме того, должны быть ограничены экспортные возможности Тегерана. Никакие нефтепроводы или газопроводы, идущие от иранских месторождений, не должны проходить по территории Афганистана. Эти трубопроводы должны проходить, в соответствии с западными представлениями, от Каспийского моря по территории авторитарного, однако более сговорчивого в отношениях с Западом, Туркменистана. После этого трубы должны пройти по территории Афганистана в направлении испытывающего энергетический голод Пакистана и дальше в сторону Индии.

Скрытый геостратегический характер афганской войны видит и британская «The Guardian». В статье «Реальные ставки в афганской войне» от 11 декабря 2009 г. открытым текстом говорится

о том, что когда европейские правительства принимают решения о посылке своих войск в Афганистан, речь идет не только о предотвращении террористических нападений на европейские столицы, для чего надо не дать талибам вновь захватить эту страну. На кон в Афганистане поставлены судьба Трансатлантического альянса, энергетическая безопасность и независимость Европы. Афганистан, по мнению «The Guardian», представляет собой важнейший транзитный коридор для энергоресурсов в Центральной Азии, который может соединить богатые нефтегазовыми месторождениями государства, прежде всего Туркменистан, с Аравийским морем и / или с Индийским океаном. Стабилизация в Афганистане – не временная, чтобы оправдать вывод войск, а постоянная – крайне важна для прокладки трансафганского трубопровода из Туркменистана в Индию (этот проект известен по сокращению TAPI – Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) и для обеспечения его гарантированной безопасности.

Сооружение этого трубопровода крайне важно для Европы, констатирует газета, чтобы она могла диверсифицировать поставки и снизить свою зависимость от импорта нефти и газа из Персидского залива и из России. Неудача в Афганистане, а следовательно, и в Пакистане, будет означать отказ от проекта TAPI. А это в свою очередь позволит России восстановить утраченную гегемонию.

Схожей позиции придерживается бывший британский посол Крэйг Мюррей. Он связал войну с американскими и британскими интересами в больших месторождениях природного газа в Туркменистане и Узбекистане. В частности, война связана с защитой интересов компании «Unocal» через Залмая Хализада, родившегося в Афганистане посланника США. Именно Хализад вместе с Бушем выбрал Карзая, чтобы тот возглавил страну. Американская «Huffington Post» (2009, 29 дек.) пишет, что ни для кого не является секретом тот факт, что Вашингтон хочет оставаться в регионе для потенциального стратегического окружения России и Китая, а также для контроля, способного не дать китайцам получить необходимые энергоресурсы, если в будущем эти ресурсы действительно станут причиной для конфликта и соперничества. Американский аналитик Майкл Пэйн пишет на сайте *OpEdNew* 15 января 2010 г., что наращивание американской военной группировки в Афганистане должно послужить новой стартовой площадкой для потенциального контроля над пакистанским Белуджистаном. Причина, по которой США «положили глаз» на Белуджистан и город

Кветту, состоит, по мнению Майкла Пэйна, в том, что этот район был определен как ключевой транзитный коридор и для природного газа, и для нефти. Существуют планы строительства двух трубопроводов, которые пройдут через Белуджистан. Один – уже упомянутый ТАРІ, другой – ІРІ (Иран–Пакистан–Индия). Против последнего США категорически выступают из-за участия Ирана.

Такие версии причин нынешней войны в Афганистане, безусловно, заслуживают внимания. Но ситуация в Центральной Азии развивается так быстро, что заставляет в любые версии внести серьезные коррективы. Например, бывший консультант ООН и Всемирного банка Андреа Бонцани полагает, что после того, когда 14 декабря 2009 г. главы Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с благословения России открыли клапан нового газопровода из Туркменистана в Китай, Запад проиграл 20-летнюю «Великую игру» за природные ресурсы и влияние в Центральной Азии. Теперь Россия и Китай, по мнению Бонцани, будут поддерживать почти абсолютный баланс рычагов в Центральной Азии.

Что касается введения в строй 6 января 2010 г. трубопровода, соединяющего прикаспийскую часть Ирана с огромным газовым месторождением в Туркменистане, то, по мнению многих экспертов, это наносит мощнейший удар по энергетической концепции США на Большом Ближнем Востоке. Одновременно это выглядит насмешкой над политикой США в отношении Ирана.

Аналитики Китая так же внимательно отслеживают ход войны в Афганистане и Пакистане. По мнению «China Review News», наращивание афганской группировки США и НАТО и взятие под контроль Средней Азии американцами – это не что иное, как удар острого ножа в мягкое и слабое «подбрюшье» России. Главная цель военного проникновения США в страны Средней Азии – взятие этих стран под военный контроль для организации «санитарного кордона» по периметру России, а также взятие под контроль богатых энергоресурсами стран Каспийского бассейна и транспортных коммуникаций, идущих по их территории, для ослабления экономического положения России.

Китайцы как всегда «скромны» в оценках, указывая на цели США по отношению к России. При этом не говорят ни о крупнейшем порте Гвадар в Пакистане, куда они вложили уже около 5 млрд. долл., ни об Айнакском медном руднике, в который Китай вложил 3,4 млрд. долл., ни о вложении 500 млн. долл. в строительство электростанции и железной дороги между Пакистаном и Таджикистаном.

Естественно, когда наращивается военная группировка, проводятся интенсивные боевые действия, а в ответ следует волна возмездия в виде терактов, безопасность всех китайских проектов в Афганистане и Пакистане резко снижается.

Вообще в «черном ящике» Афганистана все воюют против всех и все друг другу оказывают помощь.

Американцам и НАТО нужна реальная победа над «Талибаном» и «Аль-Каидой», нужна стабильность в Афганистане и Пакистане для решения своих нефтегазовых проектов и подтверждения своего геостратегического господства в мире и одновременно не нужна стабильность для реализации китайских проектов.

Китайцам нужна стабильность для обеспечения своих проектов, но не нужна стабильность для прокладки трубопровода в Индию (ТАПИ).

Пакистану нужна стабильность в Афганистане для обеспечения безопасности в стране, особенно ядерных объектов, но не нужна стабильность для прокладки того же трубопровода в Индию – своему извечному противнику. Как отмечает известный эксперт по Афганистану Хассан Абасс, на всех стадиях продолжительного конфликта, который принесли США в этот регион, Пакистан пытался ограничить влияние Индии на Афганистан. Растущее влияние Индии в Афганистане и ее инвестиции беспокоят аппарат национальной безопасности Пакистана. Как для Пакистана, так и для Индии Афганистан рискует превратиться в новую оспариваемую территорию, как Кашмир, где конфликт наносит ущерб обеим странам на протяжении более 60 лет. Кроме того, Пакистан, будучи сегодня формальным союзником правительства Карзая, может вступить с ним в вооруженный конфликт для решения пограничного спора между Афганистаном и Пакистаном по так называемой линии Дюранда. Прав Андрей Серенко, когда пишет, что именно перспектива такого конфликта заставляет определенную часть пакистанских силовых элит поддерживать в той или иной форме проект «Талибана».

России нужна военная группировка США и ISAF в Афганистане для защиты своих южных границ и границ своих соседей, и одновременно та же военная группировка представляет опасность для пользования энергоресурсами Средней Азии. Можно иметь разные цели и задачи в Афганистане, но при принятии тех или иных решений всегда надо исходить из реальной военно-политической обстановки.

## Лондон: Игра в «поддавки»

Перед началом лондонской конференции по Афганистану, которая проходила 28 января 2010 г., один из ее организаторов – глава Министерства иностранных дел Великобритании Дэвид Милибанд, в статье, написанной для российской газеты «Коммерсантъ», заявил: «Афганистан слишком долго был шахматной доской, на которой разыгрывалась борьба других стран, испытывавших подозрение друг к другу». Очень точное замечание. Правда, слово «был» надо заменить на слово «остается». Ведь «Большая игра» действительно продолжается. Достаточно сказать, что организаторы лондонской конференции не пригласили на нее Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) как международную организацию.

Конфликт между игроками завел всю «шахматную партию» в проигрышное игровое положение, прежде всего для США и НАТО. Они лихорадочно ищут выход из тупика. Вместо классических «политических шахмат» началась игра в «поддавки». Только так можно охарактеризовать весьма сомнительный план подкупа «Талибана» через так называемую Программу реинтеграции и примирения. Программа предполагает, что талибам будут предложены наличные доллары, если они перестанут вести боевые действия против правительства Карзая и сил международной коалиции, откажутся от насилия, пообещают интегрироваться в «демократическое общество» и оборвут контакты с «Аль-Каидой».

На лондонской конференции в числе главных стоял вопрос о создании международного фонда реинтеграции. Авторы этой идеи говорят, что это не попытка откупиться от талибов, а политическая комбинация по внесению раскола в ряды повстанцев. Прорабатывается вариант примирения с группой «умеренных» талибов в количестве 35 тыс. человек. Как сообщило «Radio Liberty» 15 января 2010 г., на реализацию этого плана может понадобиться более 1,3 млрд. долл. Согласно плану, для «реинтеграции» талибам хотят предложить работу и профессиональное обучение. Критики данного плана сомневаются в его эффективности. Ведь талибы вряд ли захотят перейти на сторону Карзая и американцев, когда они практически уверены в своей победе после начала вывода американских войск, который Обама назначил на лето 2011 г. Кроме того, как пишет «The Christian Science Monitor», налицо разногласия между западными официальными лицами, которые до настоящего времени не могут определиться с тем, какие фракции «Талибана»

выступают за глобальный джихад, а какие – за участие в политической жизни Афганистана. Тем более что те талибы, которые представляют наибольшую опасность для коалиции, базируются на территории Пакистана.

И самое главное. Возможен ли подкуп людей, которые сознательно идут на смерть во имя джихада против тех, кого считают оккупантами и врагами ислама? Можно ли вообще говорить о плане реинтеграции после нападения талибов на Кабул 18 января 2010 г. – за десять дней до открытия Лондонской конференции? Складывается впечатление, что эта конференция проходила по канонам классического бюрократического мероприятия: наметили, провели, поставили «галочку». И все в отрыве от реальной военно-политической обстановки в Афганистане.

### **Ловушка Обамы**

Своим балансированием между миротворцем (речь в Каире) и «президентом войны» (речь в Вест-Пойнте) Обама все время ставит себя в двусмысленное положение. Одновременно принимает двусмысленные решения. Как, например, можно наращивать группировку в Афганистане, зная, что быстро она ничего не сможет сделать? И тут же принимать решение о выводе этой группировки через полтора года после ввода. Довольно странная ситуация. Ее критикуют многие аналитики, которые полагают, что назначение конкретной даты вывода войск из Афганистана – это сумасбродство. Ряд крупных чиновников Белого дома позволили себе «скорректировать» позицию своего президента. Так, специальный посланник Президента США по делам Афганистана и Пакистана Ричард Холбрук в интервью немецкой прессе заявил, что афганская кампания может продлиться дольше вьетнамской и стать самой длительной и сложной военной кампанией в истории США.

А Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью «Радио Свобода», которое он дал на Лондонской конференции, вообще заявил, что «на самом деле Барак Обама и не говорил о выходе из Афганистана. Он говорил о том, что будет пересматривать стратегию и миссию в 2011 г.». Поразительная корректировка слов американского президента! Тем более что Обама в своем докладе Конгрессу США «О положении дел в стране» (27 января 2010 г.) заявил, что в июле 2011 г. американские войска начнут возвращаться в США. Правда, осенью 2010 г. мы слышали из-за океана, что срок этого возвращения смещен на 2014 г.

В условиях глубочайшего финансово-экономического кризиса, в котором находится Америка, стоимость афганской войны продолжает увеличиваться. В 2009 г. на эту войну США потратили 51 млрд. долл. В 2010 г. эта цифра выросла до 95 млрд. с учетом увеличения численности американских войск в Афганистане. В Америке умеют считать деньги. Если война закончится позорным бегством американцев, может закончиться и политическая карьера лауреата Нобелевской премии мира. В Америке не любят неудачников. В этом главная ловушка для Обамы. Для него уже прозвенели «первые звонки»: проигранные демократами выборы в Вирджинии, Нью-Джерси и Массачусетсе. Проигранные в том числе и по причине непонятной войны в Афганистане.

В течение первой половины 2009 г. война шла с переменным успехом, американские потери продолжали расти, и к концу лета Маккрystal представил Пентагону секретный доклад, где говорилось, что если Белый дом не пришлет в Афганистан новые подкрепления, то США вполне могут потерпеть военное поражение. По данным СМИ, речь шла о 40–45 тыс. военнослужащих в дополнение к примерно 70 тыс., которые уже находятся в Афганистане. В итоге, как известно, принято решение направить 30 тыс. американцев и 7 тыс. союзников. Серия интенсивных военных операций, проведенных США, НАТО и Коалицией, достигла некоторых военных успехов, но, по итогам 2009 г., потери США в Афганистане удвоились. Погибло 310 солдат и офицеров США, в то время как, по итогам 2008 г., было убито 155 человек. Значительно выросли потери контингентов НАТО и ISAF. В 2009 г. в Афганистане погибло в общей сложности 506 иностранных военных, в то время как в 2008 г. их было убито 295. 30 декабря 2009 г. в результате самовзрыва двойного агента на передовой оперативной базе в провинции Хост, вблизи границы с Пакистаном, погибли четыре агента Центрального разведывательного управления (ЦРУ), включая главу резидентуры, троих телохранителей и офицера иорданской разведки – родственника иорданского короля Абдаллы II, шесть человек получили ранения. До этого теракта за весь период афганской войны с начала вторжения в 2001 г. погибли четыре сотрудника ЦРУ.

За годы «войны с терроризмом» в Афганистане неуклонно нарастает число безвозвратных потерь среди военнослужащих иностранных контингентов. Почти 62% всех потерь Коалиции в Афганистане за 2009 г. приходится на самодельные взрывные устройства (СВУ) (в 2008 г. эта цифра составляла 58, в 2007-м – 42%;



статистика собрана редакцией веб-сайта Casualties.org, где ведется учет всех погибших в афганской и иракской войнах). Всего за 2009 г. было совершено 6228 нападений с применением СВУ (за 2003 г. – только 81).

СВУ, применяемые в Афганистане, делаются преимущественно из нитрата аммония – селитры, применяемой при производстве удобрений. Значительная часть селитры, употребляемой при производстве СВУ, происходит из Пакистана, хотя крупными поставщиками являются также Иран и Китай.

Чем активнее США и силы ISAF проводят спецоперации, тем шире становится вербовочная база талибов и «Аль-Каиды». И это вполне понятно: активные боевые действия всегда приводят к многочисленным жертвам среди гражданского населения, расширяя ряды сопротивления.

По данным международной правозащитной организации «Afghanistan Rights Monitor», около 4 тыс. мирных жителей погибли в Афганистане в результате военных действий в 2009 г. Иными словами, за один год в Афганистане мирных жителей погибло больше, чем в США во время событий 11 сентября 2001 г.

«Странная» афганская война с заранее объявленным уходом в начале 2011 г. подстегивает талибов к еще более активным действиям. Как сообщает «The Miami Herald», талибы уже сформировали теневое «правительство в ожидании» с полностью укомплектованным кабинетом министров (в случае падения Карзая). Талибами назначены теневые губернаторы в 33 из 34 провинций Афганистана. В докладе Генерального секретаря ООН, представленном на заседании Совета Безопасности ООН 6 января 2010 г., отмечается, что в «тех административных округах, где активно действуют повстанцы (интересно, что Генсекретарь ООН не называет талибов террористами, а говорит о повстанцах), деятельность органов государственного управления, как правило, ограничивалась районом, непосредственно примыкающим к центру административного округа. В наиболее удаленных округах местная администрация располагает к тому же лишь ограниченными финансовыми и людскими ресурсами, из-за чего она не может выполнять даже самые основные функции, связанные с государственным управлением.

Такое ограниченное присутствие государственной власти все чаще использовалось в своих интересах повстанцами, которые создавали теневые структуры власти на уровне провинций, собирали налоги, отправляли «правосудие», решали земельные споры,

казнили предполагаемых преступников и обеспечивали соблюдение консервативных традиций, сложившихся в обществе».

Как известно, вывод американских войск из Афганистана теперь намечен на 2014 г. и он должен сопровождаться комплектованием и обучением 300-тысячной Афганской национальной армии. Однако даже в самих США мало кто из экспертов верит, что афганские вооруженные силы станут гарантом безопасности после начала ухода американцев из страны. Сплоченности в афганских вооруженных силах добиться трудно. Племенные реалии в среде пуштунов, служащих офицерами и рядовыми, так же как и недоверие непуштунов к пуштунам, нельзя так просто сбрасывать со счетов. Чтобы культура вооруженных сил и страны в целом успела трансформироваться, должно было бы смениться целое поколение – и это только в случае, если бы у Соединенных Штатов и их союзников была для такой трансформации политическая воля. В условиях же отсутствия этой воли возникают некоторые опасения. «Как только президент Обама в середине 2011 г. (или чуть раньше) начнет выводить боевые части, – отмечает издание, – сместится баланс сил, и лояльность афганских военных начнет коренным образом меняться. Такое уже случалось раньше и может случиться снова. Правительство Карзая не удержится, если армия расколется по племенному и этническому принципам».

Талибы угрожают перекрыть «Северный маршрут» снабжения, обустроенный ISAF в дополнение к плохо защищенным каналам, проходящим через территорию Пакистана. Сегодня наиболее используемый маршрут северной сети поставок проходит по территории Эстонии, России, Казахстана и Узбекистана. Некоторые грузы направляются транзитом и по территории Грузии, Азербайджана, по Каспию в Казахстан и затем в Узбекистан. На начало 2010 г. Вашингтон еженедельно переправляет в Афганистан по железнодорожным магистралям Центральной Азии порядка 350 контейнеров с грузом, что более чем в 3 раза превышает объемы летнего периода. Подписанное 27 января 2010 г. соглашение между НАТО и Казахстаном (ранее Россия и Узбекистан подписали аналогичные соглашения) делает северный транспортный маршрут главным для Коалиции в Афганистане. Это уменьшает зависимость НАТО от опасного пути через Хайберский перевал в Пакистане, где талибы постоянно совершают нападения.

Пока никаких диверсий на «Северном маршруте» не было. Но что означает угроза талибов перекрыть его? Это объявление

диверсионно-террористической войны. Прежде всего на железнодорожных магистралях в Казахстане и Узбекистане.

Особенность военной ситуации в Афганистане заключается в том, что основные команды талибам, воюющим с войсками США и ISAF, поступают из столицы пакистанской провинции Белуджистан – Кветты. Там расквартирована верхушка «Талибана» во главе с Джалалудином Хаккани, его сыном Сираджуддином Хаккани и муллою Омаром – бывшим главой правительства Афганистана при режиме талибов. По разным оценкам, под командованием Сираджуддина Хаккани находится от 4 до 12 тыс. талибов. Основные силы Хаккани сосредоточены в Северном Вазиристане – с пакистанской стороны границы. По данным американской разведки, именно его бойцы напали на Кабул 18 января 2010 г. Хаккани причастен и к подрыву агентов ЦРУ 30 декабря 2009 г.

Возможен ли лондонский вариант примирения с названными лидерами талибов? Думается, ответ очевиден. Главная интрига состоит в том, что, согласно сообщениям представителей военного руководства и дипломатических кругов Пакистана, в ответ на требование усилить преследование Сираджуддина Хаккани, боевики которого представляют наибольшую угрозу американским войскам, США получили от Пакистана резкий отказ. Как сообщило «Radio Liberty» 19 декабря 2009 г., президент Пакистана Асиф Али Зардари накануне провозглашения Белым домом новой стратегии «АфПак» заявил Обаме, что армия Пакистана будет действовать против исламских экстремистов в приграничных районах по собственному графику и не станет ускорять операцию, как просил Вашингтон. И Зардари можно понять. Его положение довольно непрочное и во многом зависит от консенсуса с военными и специалистами.

Особенно сильно режим Зардари закачался после принятия Верховным судом Пакистана в декабре 2009 г. решения о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции, которые были отменены экс-президентом Мушаррафом еще в 2007 г. на основании указа о национальном примирении. Это решение парализовало административный аппарат Зардари. Ясно, что в Пакистане вновь началась смертельная схватка за власть. И потом, зачем Зардари ликвидировать Сираджуддина Хаккани, если тот является агентом пакистанских спецслужб? Тем более что он будет им весьма нужен для военных «разборок» после начала вывода американских войск из Афганистана в 2011 г.

В ответ на несговорчивость руководства Пакистана Обаме советуют повысить масштабы и частоту бомбовых ударов беспилотников по территории Пакистана. Но за два последних года от беспилотников погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 300 мирных пакистанцев. 53 операции с участием беспилотников насчитали эксперты «New America Foundation» в 2009 г. в Пакистане, о проведении 51 из них распорядился Обама. Его предшественник Джордж Буш приказал в 2008 г. провести в общей сложности всего лишь 34 такие операции. Другой совет заключается в проведении спецоперации против руководства «Талибана» силами самих американцев на территории Пакистана.

Следование этим советам может привести к падению нынешнего проамериканского президента Пакистана. К власти могут прийти радикально, причем радикально-исламистски настроенные военные. А это уже совсем другая история. Здесь в полный рост стоит вопрос ядерного оружия Пакистана, непримиримого конфликта с Индией с возможным обменом ядерными ударами и территориального конфликта с Афганистаном.

Даже без столь апокалиптического сценария напряжение вокруг Афганистана в треугольнике Пакистан–Индия–Китай постоянно возрастает. И Китай, и тем более Пакистан противостоят усилиям США втянуть Индию в афганскую войну. Особенно беспокоят китайцев и пакистанцев уже прозвучавшие планы сосредоточения индийских войск на севере и западе Афганистана и масштабные проекты обучения индийскими специалистами афганской армии.

Индия постоянно добивается, чтобы из речей Обамы исчезала проблема Кашмира. Но для пакистанских военных Кашмир остается приоритетом номер один. Многие эксперты полагают, что, наряду с другими факторами, именно из-за Кашмира Пакистан не проявляет той активности в борьбе с талибами, которую от него ждут американцы. Пакистанцы также считают, что Индия поддержала сепаратистские повстанческие движения в пакистанском Белуджистане.

В свою очередь, китайцы в ответ на возможное усиление влияния Индии в Афганистане активизируют деятельность повстанческих маоистских групп в самой Индии (они там действуют на территории трети страны).

Клубок противоречий Афганистана придется распутывать и России.

## Русский «Афган» начала XXI в.

В дни 30-летия советского вторжения в Афганистан Бжезинский в своих интервью рассказывал о том, как спецслужбам США и Белому дому удалось спровоцировать СССР на оккупацию Афганистана и «устроить Советам свой Вьетнам». В наши дни аналогичное втягивание в «черный ящик» новой афганской войны идет уже не на уровне тайных операций, а в открытую. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в уже упомянутом интервью «Der Spiegel» заявляет: «Я вижу большой потенциал для дальнейшего российского содействия по Афганистану. Россия уже предоставила нам транзитный маршрут для тылового обеспечения. Я думаю, что она может сделать больше. Русские могут также участвовать в подготовке афганской армии и в поставках для нее военной техники и оружия».

«The Associated Press» (2009, 11 дек.) накануне визита Расмуссена в Москву прямо писала: «НАТО хочет, чтобы Россия помогла в войне в Афганистане, бесплатно предоставив больше оружия – включая автоматы АК-47, гранатометы, легкую артиллерию и бронетранспортеры, – а также расширив военную помощь растущей афганской армии». НАТО также стремится получить до шести обновленных легких военно-транспортных самолетов Ан-32, которые должны присоединиться к четырем, уже имеющимся на вооружении ВВС Афганистана. Эти самолеты специально разработаны, чтобы хорошо функционировать в жарком и высокогорном климате Афганистана.

Какую помощь США, ISAF и правительству Карзая Россия уже оказала и оказывает сегодня?

1. Кабулу списан долг на 10,38 млрд. долл., оказана гуманитарная помощь на 70 млн.
2. Россия обеспечивает транспортировку невоенных грузов в Афганистан по «Северному маршруту».
3. Россия готовит афганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений Министерства внутренних дел.
4. Москва и Вашингтон достигли в июле 2009 г. соглашения, позволяющего США производить до 4500 полетов в год над территорией России. Речь идет о транзите военных грузов для коалиции в Афганистане. Но за прошедшие полгода, по американским данным, было произведено всего пять полетов.

5. Наемники из России воюют с талибами в горах к востоку от Кабула в составе французского Иностранного легиона. Но это личная инициатива конкретных лиц, а не политика государства (да и само наемничество у нас карается по Уголовному кодексу).

Все перечисленные факторы – косвенное участие в афганской войне. Восстановление 142 объектов промышленности и инфраструктуры в Афганистане, построенных при участии СССР, – вообще благородное дело, носящее антивоенную идеологическую нагрузку. И это предложение, внесенное в Лондоне главой российского МИДа С. Лавровым, звучало среди всех других наиболее рационально. Правда, не совсем понятно, как будет обеспечена безопасность наших строителей в условиях войны.

А теперь зададим себе вопрос: что значит участвовать в подготовке афганской армии и поставлять для нее бесплатно военную технику и оружие? Это, по существу, прямое участие в афганской войне. Причем незадолго до ухода американцев! Видимо, Бжезинский считает, что достойно завершит свою жизнь, если ему второй раз удастся втянуть русских в афганскую войну. Направить всю энергию джихадизма против России.

Безусловно, надо быть готовыми ко всему. И к реальному уходу американцев из Афганистана. И к падению режима Карзая в Кабуле. И к восстановлению режима талибов. И к террористическим рейдам талибов к нашим соседям в Среднюю Азию. Но не следует делать шагов, которые эти события будут ускорять.

Для России и плохо, и хорошо, что крупные силы США и НАТО находятся недалеко от ее границ. Плохо потому, что в этом положении они реально могут влиять на многие внешнеполитические и экономические процессы в Средней Азии, что Россию после оккупации Афганистана американцами завалили героином, произведенным в этой стране (режим талибов с наркотиками нещадно боролся, это признавала даже ООН). По данным главы ФСКН Виктора Иванова, от афганского героина в России только за 2009 г. погибли 100 тыс. человек. НАТО и ISAF все последние годы игнорируют предложения России и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) о создании вокруг Афганистана антинаркотических поясов безопасности. И в этом нет ничего удивительного, поскольку, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), на антиправительственные элементы, которые входят в движение «Талибан», но не ограничиваются этим, приходится относительно небольшая доля прибылей от торговли наркотиками – около 70 млн. долл. в год, всего лишь

около 2% общей суммы предполагаемых доходов от торговли наркотиками, которая в 2009 г., по данным UNODC, составила 3,4 млрд. долл. По словам бывшего посла Великобритании в Узбекистане Крейга Мюррея, конвои под командованием генерала Дустума, который в 2010 г. был назначен президентом Хамидом Карзаем на должность начальника Штаба главнокомандующего Национальной армии Афганистана в правительстве, транспортируют наркотики через границу. А родной брат президента Карзая, Ахмед Вали Карзай, был обвинен в том, что он является основным наркобароном.

Хорошо, что южные рубежи России пока охраняются «союзниками – потенциальными противниками» – американцами. И не дай бог, чтобы они бежали из Афганистана так же, как из Вьетнама. Тогда Афганистан кинутся разрывать в клочья и Китай, и Индия, и Пакистан. А в такой ситуации уже может возникнуть не большая игра, а большая война в Центральной Азии.

Вероятность этой «большой войны» стала возможной в результате насильственного развала СССР. Республики Средней Азии были оторваны от единой России, лишены единого экономического и культурного пространства, оставлены один на один с надвигающейся волной радикального ислама, стали вожделенными объектами экспансии и со стороны Запада, и со стороны Китая. Россия была лишена бесценных залежей газа, нефти, угля, золота, урана. А главное – лишена человеческого потенциала, способного укреплять военный и трудовой ресурс страны. В один миг граждан СССР – таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен – стали причислять к опасным «незаконным мигрантам». Сброс «азиатских окраин» оголил южные рубежи России.

«Черный ящик» афганской «войны с терроризмом» требует сделать Среднюю Азию приоритетным направлением внешней политики, экономики и безопасности России. Для этого надо развивать крупные совместные экономические проекты. Снимать надуманные миграционные барьеры. Интегрировать граждан Средней Азии в русское культурное пространство. Не жалеть средств на обучение их русскому языку. Решить вопрос о возможности их службы в Российской армии. Необходимо постоянно укреплять и развивать все действующие совместные структуры безопасности в рамках СНГ (Антитеррористический центр, Бюро по координации мер борьбы с организованной преступностью и т.д.), а также в рамках ОДКБ и ШОС.

Мы можем влиять на афганскую войну только путем укрепления позиций России в Средней Азии. В этом залог не только и не столько побед, сколько выживания нашей страны и нашего государства в обостряющейся стратегической схватке за будущее мира.

*«Терроризм в современном мире», М., 2011 г., с. 127–146.*

**К. Краснов,**  
политолог (РУДН)  
**«ДИПЛОМАТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ»**  
**ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА**

Многие исследователи сходятся во мнении, что с начала 1990-х годов глобализация стала определяющим фактором мирового развития и международных отношений, придя в этом качестве на смену противостоянию двух антагонистических систем. К этому новому повороту в истории разные страны пришли с разными стартовыми возможностями. Исламский мир, испытывающий серьезное давление со стороны массовой культуры, ценностей и образа жизни западной цивилизации и не имеющий возможности в условиях информационной революции полностью противостоять этому, в глобализации видит прежде всего источник угрозы собственным ценностям, убеждениям и даже независимости.

В новых международных условиях руководством Ирана, президентом которого в 2005 г. был избран М. Ахмадинежад, была выдвинута новая внешнеполитическая концепция. Трансформация внешнеполитического курса при президенте М. Ахмадинежаде, полностью вписывается в логику исторического развития Ирана после исламской революции 1979 г. Перманентная эволюция иранской внешнеполитической стратегии в русле стремительно меняющихся международных условий фактически закладывает прочный фундамент в основы исламского строя и тем самым обеспечивает его живучесть. Она также свидетельствует о том, что Иран является активным международным игроком, вовлеченным в глобальную дискуссию по многим актуальным проблемам, ибо вынужден адаптировать свою тактику международного поведения к новым вызовам.

Религиозная элита Ирана в полной мере осознает, что для обеспечения поддержки и сохранения нынешней структуры «ис-



ламской демократии» народу Ирана необходимы новые идеи, новые лозунги, которые должны черпаться из нового источника. Этим источником стал иранский неоконсерватизм, который основывается на синтезе сразу нескольких идей: достижение статуса региональной державы (амбициозная задача последнего шаха Ирана М.Р. Пехлеви), максимум прагматизма в экономике (концепция президента А.А. Хашеми-Рафсанджани, идеолога «раннего прагматизма» в Иране), последовательная интеграция в мировую экономику (идеи реформаторского президента С.М. Хатами). Данные неоконсервативные идеи хорошо вписываются в идеологические рамки – ислам становится главным постулатом во внешней политике. Основное направление внешнеполитической активности должно быть направлено на укрепление основ исламского строя и свершение «мировой исламской революции». Необходимо понимать, что идеологическая платформа в данном случае важна, но она играет роль некой «декорации», прикрывающей подлинные задачи неоконсервативного течения.

Помимо синтеза старых идей иранские неоконсерваторы во главе с М. Ахмадинежадом предложили новый принцип иранской внешней политики, который стал краеугольным камнем курса «наступательной дипломатии». Это принцип «справедливости» и «равных отношений» на международной арене, который для иранцев означает, что все государства обладают равными возможностями и равным положением. Мир не должен делиться на гегемонов и угнетенных, поэтому Иран вправе вести себя «на равных» с ведущими державами и будет согласен на диалог с ними только лишь на этих условиях.

В определении доктрины внешней политики ИРИ правительство Ахмадинежада вышло за рамки таких понятий, как «сила» и «равновесие сил», и объявило справедливость одной из основ деятельности ИРИ на международной арене и в международных организациях. По мнению современных иранских исследователей, «справедливость» в международных отношениях не является неким идеалистическим понятием и имеет отношение как к существующему, так и к тому, что необходимо осуществить. Поэтому, считают они, взгляд на международные отношения через призму справедливости является вполне реалистичным.

Кабинет Ахмадинежада, сформированный им к середине лета 2005 г., выработал свою внешнеполитическую стратегию на основе принципов, провозглашенных в первые годы после победы исламской революции 1979 г. Но в отличие от правительств пре-

дыдущих лет, чей внешнеполитический дискурс имел экономическую направленность, главным лозунгом как во внешней, так и во внутренней политике девятого правительства ИРИ стала справедливость. В области внешней политики установление последней означало реализацию принципа равного развития различных стран и народов, предоставление им равных политических, социальных, экономических возможностей на мировой арене, а для претворения данной концепции в жизнь, по мнению членов команды Ахмадинежада, необходимо бросить вызов империалистическим державам и дискриминационному мировому порядку.

Для реализации этой задачи правительство М. Ахмадинежада стало выстраивать свою деятельность на основе новой концепции, которая, по мнению иранских исследователей, сочетает в себе как принципы политического реализма, так и идеализма. Это, по их мнению, позволяет охарактеризовать ее как концепцию «реалистичного идеализма».

Осенью 2005 г. Ахмадинежад в своей речи в ООН назвал справедливость одним из основополагающих принципов международных отношений. Президент ИРИ в своей первой речи в Генеральной ассамблее ООН заявил о необходимости «установления справедливости в сложившейся международной системе» и «расширения и углубления справедливости на международном уровне». По его мнению, именно это должно стать источником надежды и основой для сотрудничества и взаимопонимания между государствами и народами, для утверждения мира и спокойствия во всем мире. А выступая в ходе своего второго визита в США, Ахмадинежад заявил, что лишь такой мировой порядок, который основан на справедливости и духовности, может быть устойчивым, и лишь он принесет с собой спокойствие и мир. Президент ИРИ в ходе своего третьего визита в Нью-Йорк осенью 2008 г. в своем выступлении на встрече с представителями политической и научной элиты, руководителями СМИ вновь повторил свою концепцию справедливости. Он заявил, что если все мы будем смотреть на мир через призму справедливости, стремиться к тому, чтобы международное право гарантировало справедливость для всех, тогда не будет повода для беспокойства за будущее мира.

Девятое правительство, с одной стороны, подвергло сомнению и критике идеалистический взгляд на существующую систему международных отношений и международные организации, их якобы правильное и безупречное функционирование, и выступило за структурные изменения в ряде международных организаций, в

частности в ООН, цель которых – установление справедливости. С другой стороны, вопреки представлениям реализма, отрицающего существование справедливости в системе международных отношений, формирование и деятельность международных организаций, основополагающим принципом которых является справедливость, было названо необходимым условием обеспечения спокойствия и безопасности для всего мирового сообщества.

Пропагандистская направленность такой внешнеполитической линии очевидна – Иран стремится привлечь к себе внимание мировой общественности, рассчитывая при этом завоевать поддержку стран «третьего мира», вновь и вновь обращая внимание на проблему непропорциональности мирового развития, «богатого Севера и бедного Юга». Проводя подобную политику, Тегеран стремится стать если не лидером, то представителем стран «глобального юга», заработать тем самым политические очки и конвертировать их во вполне реальные и выгодные совместные проекты в экономической сфере, а кроме того, заручиться поддержкой стран «третьего мира» в таком важном вопросе, как развитие своей ядерной программы. И следует отметить, что Тегеран достиг на этом направлении больших успехов. Иран развивает экономическое сотрудничество со странами Латинской Америки и Юго-Восточной Азии в автомобильной и химической промышленности, области высоких технологий, а также тесно сотрудничает с ними в энергетической сфере. Влияние Ирана становится все более заметным в Африке, где он также реализует экономические проекты. Таким образом, «дипломатия справедливости» является как эффективной пропагандистской концепцией, так и позволяет добиться существенных результатов в сфере экономического сотрудничества.

Ирану удалось добиться больших результатов и в рамках такой международной организации, как Движение неприсоединения. По итогам своего очередного саммита в 2008 г. Движение приняло резолюцию, признающую права Ирана на использование мирной ядерной энергии, что можно признать большим успехом иранской «дипломатии справедливости». Эта важная составляющая иранской внешней политики служит эффективным оружием в борьбе за влияние на мировое общественное мнение. Данная концепция доказала свою эффективность в годы противостояния агрессивной политике Дж. Буша, продолжает приносить плоды и сейчас.

Характерная особенность новой внешнеполитической концепции М. Ахмадинежада – возвращение к хомейнистской идее

«всемирной исламской революции». Но отличие от периода аятоллы Хомейни состоит в том, что данная идея присутствует во внешнеполитической концепции М. Ахмадинежада как «утопия», к которой иранский президент периодически возвращается (последний раз он призвал мусульманские страны объединить свои усилия для такой революции в ходе визита в Афганистан в августе 2007 г.), но вряд ли считает достижимой на практике. Тем более что и население относится к этой идее без особого энтузиазма, тогда как в начале 80-х годов она пользовалась безусловной поддержкой среди электората.

Примечательно, что в идеологической платформе неоконсерваторов идея «всемирной исламской революции» постепенно вытесняется другой – идеей построения «сильного государства». В последнее время особенно четко проступает главный императив внешнеполитической линии М. Ахмадинежада – превращение Ирана в сильную региональную державу, вернее – сверхдержаву, которой не будет равной по экономическому, военному, политическому потенциалу в регионе Среднего и Ближнего Востока. Главный метод осуществления этой задачи – курс «наступательной дипломатии», предусматривающий активную политику Тегерана в регионе, в первую очередь за счет использования «шиитского фактора», основные объекты которого – Ирак, Сирия, Ливан, Палестина, а также наращивание экономической экспансии за счет экспорта энергоносителей.

Для понимания ситуации вокруг новой иранской внешнеполитической концепции необходимо проанализировать главные достижения Тегерана на международной арене, полученные за первый период президентского правления М. Ахмадинежада (2005–2009). Также важно определить внутренние факторы, которые способствовали успеху этой концепции. Ответы на данные вопросы позволят прийти к выводам о том, какое влияние окажет новый курс М. Ахмадинежада на дальнейшее развитие Ирана, какие у него есть перспективы. А главное, они помогут сделать прогноз о том, насколько глубокой может оказаться дальнейшая трансформация основ «традиционной» дипломатии религиозной элиты страны. Конечная цель данной трансформации – постепенный переход от незыблемых революционных принципов начала 80-х к новым взглядам на внешнюю политику, которые стали формироваться еще при президенте А.А. Хашеми-Рафсанджани и в основу которых заложен принцип верховенства прагматической составляющей над идеологической. Последняя выступает лишь в

качестве вспомогательного инструмента для достижения амбициозных внешнеполитических планов руководства Ирана.

Итак, рассмотрим те положительные результаты, которые возглавившие исполнительную власть иранские неоконсерваторы смогли принести своей стране за достаточно короткий четырехлетний период. Отметим, что именно проведение внешней политики было подвергнуто президентом М. Ахмадинежадом наиболее серьезной реструктуризации и реформированию. Произошли серьезные кадровые перестановки в таких консервативных структурах, как МИД и Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) – двух важнейших координирующих органах в сфере внешней политики. Кроме замены руководителей МИДа и ВСНБ на своих сторонников (новые портфели получили, соответственно, М. Моттаки и А. Лариджани), президент М. Ахмадинежад полностью обновил состав группы иранских ядерных переговорщиков ВСНБ, включая ведущих экспертов, а также последовательно отправил в отставку более 40 действующих послов, аккредитованных в зарубежных странах (совсем недавно сменился последний дипломатический «долгожитель» – опытейший представитель Ирана при ООН в Нью-Йорке М.Д. Зариф), назначил своих доверенных лиц на посты официальных представителей МИДа и правительства ИРИ.

Наряду с кадровыми перестановками официальный Тегеран начинает последовательно ужесточать подходы к основным вопросам, стоящим на международной повестке дня. Он в полной мере использует свой главный козырь – всестороннее развитие полноценной национальной ядерной программы – как главный элемент формирования статуса «региональной сверхдержавы». Иран существенно наращивает военное, политическое и экономическое присутствие в традиционно шиитских регионах и проявляет особенную активность там, где позиции США уже и без того серьезно подорваны, – в Ираке. Он стремится выступать в роли активного посредника во всех ближневосточных конфликтных ситуациях, укреплять связи с шиитскими группировками (ХАМАС, «Хезбаллах», иракские шииты), создавать имидж важного регионального игрока, без полноценного участия которого невозможно создать современную систему безопасности на Среднем и Ближнем Востоке, в регионе Персидского залива, в Центральной Азии и Закавказье.

Также Иран заметно повышает свою активность в отношении главных идеологических противников – Израиля, США и Великобритании. Эффектный пиар-ход М. Ахмадинежада в ситуации

с задержанием британских моряков и идеологическая кампания, развернутая против руководства Израиля (относительно вопроса о Холокосте), – убедительное тому подтверждение. Заигрывание с Вашингтоном по проблеме Ирака было задумано иранскими внешнеполитическими стратегами не столько с целью показать свою значимость (тезис о том, что без Ирана США бессильны в Ираке), сколько оценить возможности главного противника, понять глубину его намерений и степень готовности пойти на сотрудничество, возможно, вынужденное, с Тегераном по ближневосточным делам.

Но самым главным, пожалуй, результатом внешнеполитического правления М. Ахмадинежада следует считать успех, которого он добился в деле иранской ядерной программы. Этот вопрос стал главным козырем иранской дипломатии и залогом успеха нового дипломатического курса. Важнейшая заслуга в этом вопросе принадлежит (помимо самого президента М. Ахмадинежада) секретарю ВСНБ А. Лариджани, блестящие дипломатические навыки которого позволили добиться главного – иранская ядерная программа перестала быть «запретной темой» и перешла из области «приостановок и мораториев» в рутинную практическую плоскость. М. Ахмадинежаду и его «команде» удалось в короткие сроки навязать мировым державам свою ядерную программу в виде «объективной реальности», и теперь эти страны де-факто решают вопрос о том, какое ей придать направление, чтобы не выпустить Тегеран за рамки мирного атомно-энергетического развития. Как минимум, речь идет о разработке системы международных гарантий, контроля и ответственности и включении Ирана в эту систему. Но практически никто не говорит уже о необходимости полного сворачивания Тегераном его мирной атомной программы, что означает преодоление Тегераном важного психологического рубежа. В этой связи стоит отметить, что немаловажную роль сыграли основанные на прагматизме и рационализме экономические доводы иранских неоконсерваторов, в частности, о важности обеспечения энергетической безопасности, необходимости диверсификации традиционных источников энергии, неизбежности дальнейшего научно-технического прогресса в области освоения мирного атома.

Следует иметь в виду, что внешнеполитическим успехам президента М. Ахмадинежада в немалой степени сопутствовал тот факт, что новоизбранный глава исполнительной власти с первых же дней получил в этой сфере полную свободу действий от своих политических покровителей в среде высшего шиитского духовенства. И если шаги президента в области социально-экономической

политики с самого начала были встречены некоторыми представителями правящей верхушки враждебно и даже вызывали неоднократные нарекания со стороны верховного лидера А. Хаменеи (можно вспомнить дела о неутвержденных кандидатурах президента на некоторые министерские посты социально-экономического блока, последующие громкие скандалы и отставки целого ряда министров, «бензиновый кризис» и т.д.), то во внешнеполитическом курсе неоконсерваторов все с самого начала пошло гладко. Примечательно, что новая линия президента М. Ахмадинежада получила максимальное одобрение со стороны различных политических сил иранской элиты, включая оппонентов из числа реформаторов. Дипломатический курс М. Ахмадинежада получил поддержку в самых широких слоях иранского общества. Национальное единение по этому вопросу стало возможным благодаря слаженным и скоординированным шагам всех институтов и структур, ответственных за разработку и проведение иранской внешней политики. Существенно укреплен имидж Ирана на международной арене, сделаны важные шаги на пути превращения этой страны в крупного регионального игрока, имеющего серьезные и значительные возможности для отстаивания этих интересов.

Прогнозируя дальнейший ход трансформации иранской внешнеполитической линии, можно прийти к выводу, что сформулированный М. Ахмадинежадом курс «дипломатии» в целом сохранит свои основные черты в ближайшей перспективе, т.е. до очередных выборов президента, назначенных на 2013 г. В этот период Иран по-прежнему будет считать развитие национальной ядерной программы краеугольным камнем своей внешнеполитической деятельности. Тегеран, очевидно, будет стремиться укреплять свои отношения с соседями по региону, его главные дипломатические усилия будут направлены на развитие взаимовыгодных политических отношений и диверсификацию экономических связей с исламским миром. В числе приоритетов – страны Персидского залива и шиитские союзники (Ирак, Сирия, Ливан).

Важное место будет уделяться странам Центральной Азии и Кавказа – здесь Тегеран продолжит свой курс на экономическую экспансию с доминирующей энергетической составляющей, а также наращивание проникновения в культурно-образовательную сферу этих стран. Крупнейшие азиатские державы (Китай, Индия) и авторитетные исламские государства Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия и др.) сохранят свое первостепенное значение

во внешнеполитическом курсе Тегерана. Иранское руководство будет действовать все более активно, поскольку усматривает в этих странах в первую очередь мощные инвестиционные и технологические источники, жизненно необходимые динамично развивающейся иранской экономике, особенно в условиях санкций со стороны Запада, ограничивающих подобную деятельность.

*«Современные проблемы международных отношений и мировой политики», М., 2010 г., с. 96–105.*

**Е. Тихонова,**  
востоковед  
**СУННИТЫ И ШИИТЫ ИРАКА:  
ОТ «ИРАКА БРИТАНСКОГО»  
К «ИРАКУ АМЕРИКАНСКОМУ»**

Формирование современного облика государства и развитие иракского общества в Новое и Новейшее время проходили под воздействием внутренних и внешних факторов, в значительной мере сохраняющихся и сегодня. К их числу относится и жесткая сегментация его населения по этноконфессиональному признаку, преодолеть которую государство не смогло. По сути, Ирак оказался на грани исчезновения, на его территории разгорается гражданская война, грозящая расколом страны на три сегмента: курдский Север, шиитский Юг и суннитский Центр. Это во многом следствие мандатной политики Великобритании, которая в рамках дележа «османского наследства» механически составила в 1921 г. из трех бывших восточных провинций Османской империи единое пространство – Ирак. Лондон мало заботило желание (или нежелание?) населения этих провинций жить в рамках одного государства: его существование соответствовало британским геополитическим интересам. Новое государственное образование составили территории, настолько отличавшиеся друг от друга своими природными данными, уровнем социально-экономического и политического развития, а также этноконфессиональным составом населения, что процесс их консолидации в единое целое не завершен и сегодня.

В данной статье речь пойдет об одном из аспектов конфессиональной составляющей современного иракского кризиса – суннитско-шиитской дихотомии. Рассмотрим историю иракской государственности сквозь призму суннитского ее восприятия.



Самой крупной конфессией страны является мусульманская, составлявшая умму – общину последователей Пророка Мухаммада. Во времена Османской империи умма позиционировалась как монолитное образование, но община мусульман недолго сохраняла гомогенность. Уже в X в. она распалась на два основных течения: суннитское и шиитское, каждое из которых породило затем ряд течений и сект. По статистике, подавляющая часть мусульманского мира – 90% – принадлежит к суннитскому направлению ислама, признанному в качестве ортодоксального османскими правителями. По-иному, в силу особенностей исторического развития территории Ирака в составе ряда государственных образований, сложилось здесь соотношение этих двух ветвей ислама. По различным данным, от 94 до 97% иракцев исповедуют ислам. Согласно подсчетам Министерства планирования Ирака, в 2005 г. из 27 млн. жителей Ирака 60% верующего населения исповедовали ислам шиитского толка, 37% – суннитского.

Обратимся к причинам раскола уммы. Арабские завоевания, приведшие к победоносному распространению ислама по всему Ближневосточному региону, сопровождались острой борьбой различных семейных, клановых, родоплеменных и иных группировок за верховенство в складывающемся государстве – халифате. У Пророка Мухаммада, умершего в 632 г., не было сыновей; двумя самыми близкими ему людьми были его дочь Фатима и его двоюродный брат Али. Когда они поженились, Али стал и зятем Пророка. Как утверждают шииты (это название происходит от слова «аш-шиа» – «партия», или «приверженцы»), именно Али должен был стать главой мусульманской общины – халифом, т.е. заместителем Мухаммада, считающегося посланником Аллаха. Сторонники Али верили, что Пророк завещал эту должность именно ему. Но халифами были избраны подряд три других сподвижника Мухаммада, эта должность досталась Али лишь в четвертую очередь – в 656 г. Члены «партии Али» считали первых трех халифов узурпаторами. Али вскоре был убит, в борьбе за власть погиб и его сын Хусейн (оба погибли на территории Южной Месопотамии). В глазах их последователей они превратились в мучеников, отдавших жизнь за веру. Могилы Али и Хусейна находятся в Наджафе и Кербеле – городах, ставших для носителей шиитской ветви ислама священными. С тех пор шииты считают всю последующую линию наследования поста халифа (который был также и имамом, верховным носителем духовной и светской власти в мусульманской общине) незаконной; халифом-имамом должен быть только чело-

век из рода Али, которого шииты почитают равным самому Мухаммаду. Некоторые шиитские богословы цитируют слова, приписываемые ими Аллаху и обращенные к Мухаммаду: «Если бы не было тебя, я не создал бы мира, но если бы не было Али, я не создал бы и тебя».

Основное отличие суннизма от шиизма состоит в различном толковании понятия «имамат». Если сунниты назначают или избирают духовных вождей, то шииты полагают, что иерархи становятся таковыми в силу промысла Божьего, а посему для них они не начальники, а первосвященники. Вместе с тем, если отбросить некоторые расхождения в сути учения и брачном праве, между суннитами и шиитами больше общего, нежели различий.

Помимо Корана, суннизм опирается на Сунну, сложившуюся в X в. в виде свода исламских хадисов (преданий) о высказываниях, деяниях и поступках Пророка Мухаммада, к которому обращались за поиском ответов на вопросы, если не находили их толкования в Коране. Правoverные мусульмане получили название «ахль ас-Сунна» – «люди Сунны». Однако жизнь породила новые проблемы, объяснить которые, исходя из Корана и Сунны, уже не удавалось. Практика ислама выработала два пути религиозного освящения порожденных жизнью новшеств: «иджма» – согласие богословов (улемов) с тем, что появившееся новшество находит подтверждение в Коране и не противоречит ему, и «кияс» – метод объяснения новшества по аналогии с таким же явлением в хадисах. Если же такого прецедента не находили, возникала «бид'а» – то, что ранее не было известно и не практиковалось. По отношению к «бид'а» внутри суннитского фикха (правоведения) сложились четыре направления (мазхаба), получившие названия по именам своих создателей: ханифитское (Абу Ханифа), маликитское (Малик ибн Анас), шафиитское (Мухаммад аш Шафия) и ханбалитское (Ахмад ибн Ханбаль). Эти богословы признаны непрекаемыми авторитетами, имевшими право на иджитihad (самостоятельное, независимое от других толкование религиозного права). После них «двери иджитихада» закрыты, и применение мусульманского права к новым общественным и политическим явлениям стало производиться при помощи фетв (официального суждения высшего религиозного авторитета).

Шариат признает все четыре мазхаба равноправными. Ханбалиты являются религиозными ортодоксами и выступают против рационалистических течений в исламе, за строгую опору на Коран и Сунну, за принятие веры без рассуждений и безусловность бо-

жественного предопределения. Ханбалитский мазхаб призывает запретить любые нововведения в области вероучения и права, не имеющие прямого указания в священных текстах. Ханифиты придерживаются конформистского стиля в исламе. Они считают, что мусульмане в ряде случаев могут придерживаться местного (не-арабского) обычая, если тот явно не противоречит Корану. Исходя из понятия «истисхан» (предпочтение), они предпочитают собственному суждению традицию. Шафииты придерживаются «рациональной» идеологии ислама. Они отвергают присущее ханифитам подавление логики обычаем. В частных вопросах шафииты предлагают руководствоваться разумом, т.е. отыскивать в истории ислама прецеденты и на их основании делать умозаключения.

Сунниты Ирака, по преимуществу, арабы. Вместе с тем к этой общине принадлежат черкесы, туркмены, часть курдов и этнические турки. Основная масса арабов-суннитов (65%) исповедует ислам ханифитского толка, тогда как курды-сунниты придерживаются шафиитского мазхаба (34%). Среди суннитов Ирака сложилась и община, исходящая из установлений ханбалитского мазхаба: речь идет о ваххабитах. Последователи учения Ибн Абд аль-Ваххаба представлены в незначительном количестве: его исповедует лишь часть бедуинских племен (около 10 тыс. человек), кочующих близ границы Саудовской Аравии.

До установления британского мандата социально-экономическая и культурная жизнь ближневосточных сообществ строилась по схеме бинарных оппозиций: «свой–чужие». Разделение общества происходило не по этническому признаку, а по конфессиональному. И в арабских халифатах, и в Османской империи первостепенность человека определялась не признаком крови или местом человека в материальном производстве, а принадлежностью к государственной религии – исламу суннитского толка. Именно сунниты, как титульное большинство, формировали политический истеблишмент во всех частях османского государства. Порта активно «подогревала» конфессиональные конфликты внутри восточной части империи, так как подобная политика препятствовала выработке в среде населяющих ее народов чувства этнической идентичности, сводя все возможные линии раскола к противостоянию конфессий. Таким нехитрым образом османам удавалось сохранять территориальную целостность огромной империи.

С исчезновением государства османов и передачей Ирака под британский мандат шиитская община Ирака заявила о своих претензиях на власть. Именно эту карту и разыграл Лондон, стре-

мясь оптимизировать траты на содержание британской администрации в Ираке. Суннитско-шиитская дихотомия Ирака оказалась удобным рычагом воздействия на его население. Шиитская оппозиция, ослабляя суннитские власти, облегчала возможность британского влияния на их политику. Поэтому военно-политическая элита подмандатного Ирака по-прежнему формировалась из суннитов. Великобритания, кроме того, активно использовала традиционный антагонизм между кочевой и оседлой частями населения страны. Влияние правительства, формировавшегося из числа горожан-суннитов, было существенно нивелировано в результате расширения представительства шейхов кочевых племен в парламенте. «Заигрывания» Великобритании с шиитским большинством привели к тому, что к началу 20-х годов XX в. его религиозное руководство могло успешно конкурировать с любой иракской властью в способности влиять на местное население и мобилизовать его на конкретные действия. Наличие такой практически автономной и политически активной религиозной элиты представляло реальную угрозу целостности иракского государства. Поэтому каждое иракское правительство считало для себя обязательным принятие мер, направленных на подрыв силы шиитских муджахидов, на ослабление их связей с соседним шиитским Ираном.

Желание шиитов участвовать в государственных делах и препятствия, которые создавали для них сунниты, стали главным фактором сложившейся напряженности между шиитами и суннитами в подмандатном Ираке. Однако отмена мандата и провозглашение «независимой государственности» ничего не изменили в отношениях суннитского правительства и шиитского большинства населения. Суннитские власти отказывались увеличить представительство шиитов во властных структурах пропорционально их доле в составе всего иракского населения. Ими предпринимались лишь «косметические» меры, не способные обмануть лидеров шиитского движения. Так, в 40–50-е годы под давлением шиитов правительство Ирака постепенно увеличивало шиитское представительство в правительстве, сенате и администрации, но параллельно расширялся и численный состав властных структур, обеспечивая сохранение суннитского контроля над государственной машиной. Когда же в марте 1947 г. впервые премьер-министром Ирака стал шиит Салех Джабар, это вызвало резко негативную реакцию в суннитских кругах, возмущавшихся появлением вслед за Джабаром на различных правительственных постах большого числа шиитов. Суннитское королевство не собиралось содейство-

вать превращению шиитов в силу, альтернативную традиционной суннитской власти.

Антимонархическая революция 1958 г. и превращение Ирака в республику также не изменили традиционный расклад сил на политической арене, хотя и наметили робкую тенденцию к сближению лидеров обоих течений ислама. Дело в том, что к власти пришли милитаристские силы во главе с Абд аль-Керимом Касемом, избравшие своим политическим союзником Иракскую коммунистическую партию, идеология которой носила светский характер. Диалог республиканского режима с коммунистами вызвал негативную реакцию как суннитских, так и шиитских богословов. Они полагали новое правительство атеистическим и призывали население встать к нему в оппозицию. Улемы начали активную деятельность, направленную на исламизацию иракского государства и общества.

Но в 1968 г. во главе Ирака стала партия Арабского социалистического возрождения (Баас), также взявшая курс на секуляристскую политику. Светская власть партии строилась на родственно-клиентельных связях, присущих общинам северных арабов-суннитов, у которых сформировались собственные нормы политического поведения, во многом отличающиеся от тех, которые в ортодоксальном исламе считаются «узаконенными». Суннитско-шиитский диалог в очередной раз застопорился. Баасисты, рассматривая шиитов в качестве «пятой колонны» Ирана, обвинили их в оппозиционности режиму и начали кампанию их притеснения под предлогом искоренения иранской угрозы. Тем временем режим, подчеркивая свою светскую направленность, начал утверждать право полного контроля над внутренней жизнью конфессиональных общин.

Парадокс состоял в том, что основателем иракского отделения партии Баас в 1952 г. стал шиит Фуад ар-Рикаби, а первыми баасистами были его родственники и друзья. В дальнейшем внутри партии воспроизводилась традиционная структура иракского общества, т.е. шииты составляли преобладающую часть ее членов. Но уже к концу 60-х годов произошло практически полное вытеснение шиитов суннитами, что явилось следствием репрессивной политики предшествующих суннитских властей. По мере же укрепления в 70-е годы позиций суннита Саддама Хусейна и, соответственно, выходцев из его родного города – Тикрита, в высшем эшелоне партийного и государственного руководства не осталось ни одного шиита. Конечно же, отдельные шиитские политические

деятели по конъюнктурным соображениям становились членами Баас, стремясь получить значимые политические посты (власти предпринимали шаги для укрепления отношений с шиитами, в том числе и посредством предоставления им мест в правительстве). Однако место шиитов в государственном и политическом истеблишменте существенно не менялось: за суннитами всегда сохранялось безусловное превосходство. Отсутствию шиитской лояльности режиму способствовали и непрерывные волны репрессий против шиитских духовных иерархов, оппозиционных правительству, которые воспринимались шиитами как единственный истинный источник власти.

Ситуация изменилась с началом иранской революции и ирано-иракской войны 1980 г. Шииты составляли подавляющее число рядовых солдат армии, а потому властям потребовалась их лояльность. Хусейн начал активно акцентировать особую роль Ирака как центра мирового шиизма, объявил всех иракцев потомками имама Али и заявил о собственном происхождении от того же Али. Были сделаны ассигнования на обновление святынь в Наджафе и Кербеле, а события общественного и государственного характера открывались чтением Корана. Хусейн активно контактировал с шиитскими иерархами, а накануне принятия важных решений посещал усыпальницу имама Али. Столь резкая смена курса была связана с осознанием баасистским режимом возможности использования религиозных чувств мусульман в собственных интересах. Эта политика вызвала расположение шиитского духовенства к диктаторско-тоталитарному режиму Саддама Хусейна, а значит, ослабила недовольство шиитской оппозиции. Поэтому, когда лидер иранской революции Р. Хомейни поднял лозунг экспорта шиитской исламской революции в мусульманский мир, он не получил поддержки иракских шиитов: улемы не признали его в качестве единственного лидера шиитского исламского мира, надеясь реализовать собственные чаяния в границах Ирака.

Однако на волне революционных событий в Иране активизировалась шиитская оппозиция в Ираке, которая выступала за свержение режима Баас и боролась за создание исламского государства по иранскому образцу. В условиях военного положения правящему режиму удалось установить полный контроль над всеми сферами общественной жизни Ирака и добиться монополии на власть в стране. Успех иракских военных в противостоянии с Ираном окрылил Саддама – он считал себя не просто победителем, но спасителем арабского мира от иранской экспансии. Полагая этот

аргумент достаточным основанием для притязаний на установление иракской гегемонии в регионе, диктатор в августе 1991 г. инициировал захват иракскими войсками соседнего Кувейта. Столкнувшись с осуждением всего мирового сообщества, глава Ирака тем не менее отказался от мирных схем урегулирования конфликта. Результатом явилась операция «Буря в пустыне», осуществленная в январе-феврале 1991 г. силами антииракской коалиции, получившей мандат ООН и объединившей более 30 стран во главе с США. Армия Саддама потерпела поражение, а шиитские оппозиционные силы Ирака в очередной раз выступили против диктаторского режима. Действия оппозиции получили поддержку союзнических сил. По стране прокатилась волна восстаний и убийств баасистских функционеров. Движение приобрело характер народной интифады, в котором нашло выход копившееся веками недовольство шиитов своим угнетенным положением.

Но, когда в марте 1991 г. вслед за шиитским вспыхнуло курдское восстание на севере Ирака, США и их союзники начали опасаться развала страны на три государства: курдское – на севере, суннитское – в центре и шиитское – на юге. К тому же антисаддамовское движение шиитского большинства Ирака активно поддерживалось Ираном, средства массовой информации которого пропагандировали идею исламско-фундаменталистской направленности иракско-шиитской интифады. Такой поворот событий не устраивал миротворческие силы: перспективе получить на Ближнем Востоке еще один фундаменталистский «Иран» они предпочли сохранение ослабленного режима Саддама Хусейна в качестве противовеса исламской шиитской угрозе в Ираке. Поэтому союзники помогли правительству Ирака разгромить курдско-шиитскую оппозицию. На подавление восстания Багдад бросил отборные армейские части, авиацию, артиллерию, танки. Действуя под лозунгом: «С сегодняшнего дня – никаких шиитов», войска нанесли удары по шиитским святыням и мечетям. Трупы убитых шиитов каратели складывали штабелями на уличных перекрестках для устрашения повстанцев. К концу марта 1991 г. восстание было потоплено в крови: десятки тысяч мирных жителей были убиты (только в Эн-Наджафе и Кербеле убиты от 12 до 16 тыс. шиитов). Более 50 тыс. беженцев пересекли границу Саудовской Аравии, примерно 500 тыс. человек бежали в Иран. Лишь вмешательство ООН и вооруженных сил антисаддамовской коалиции спасло восставших шиитов Ирака от полного истребления. Однако операции против них продолжались в течение ряда лет. Так, в марте 1994 г.

иракская артиллерия обстреливала напалмовыми и фосфорными снарядами селения болотных арабов-шиитов. Подобными действиями Багдад стремился подавить партизанскую борьбу шиитов.

На протяжении 90-х годов шиитское население Ирака было поставлено под жесткий контроль спецслужб, подвергалось преследованиям, экономической блокаде и систематическим бомбардировкам иракских военных. Вместе с тем иракское правительство осуществляло мероприятия социального, политического и экономического характера, добиваясь лояльности шиитской части населения. Шииты демонстративно привлекались к управлению страной, анонсировалось желание суннитского правительства предоставить шиитам более значимое место в политике. Так, 23 марта 1991 г. впервые за годы баасистского правления премьер-министром страны стал шиит (Саадун Хаммади), его сменил на посту Мухаммад Хамза аз-Зубейди, тоже шиит. Но эти назначения являлись тактическим ходом, поскольку в период нахождения Хаммади и аз-Зубейди у власти принятие решений оставалось монополией Саддама.

Государство продолжило и линию на ослабление конфессиональных лидеров в Ираке. В 1993 г. все религиозные структуры были национализированы и прикреплены к Министерству вакфов по делам религии. Таким образом, шиитская иерархическая система превратилась в официальную организацию, относящуюся к государству, действовавшему против религиозных авторитетов. Эта политика властей вызывала сопротивление улемов и шиитской оппозиции, инициировавшей целый ряд диверсионно-террористических кампаний. Саддам все больше ужесточал меры, призванные умирить шиитов.

В конце 90-х годов ситуация вокруг Ирака приобрела кризисный характер. Находясь в условиях жестких международных санкций, страна вследствие событий 11 сентября 2001 г. была причислена к пособникам международного экстремизма и терроризма. 20 марта 2003 г. войска США, Англии, Австралии начали «гуманитарную» операцию в Ираке, направленную на «освобождение» народов страны от «баасистской тирании». Союзники за несколько недель оккупировали практически всю территорию, свергнув режим Саддама Хусейна. Курс, взятый американцами и британцами в 2003 г., идентичен проделанному британцами в 1917 г. Одинаковой является и конечная цель – колонизация страны. Своими действиями США и другие участники коалиции нарушили Устав ООН и Женевские конвенции. Так, в Уставе ООН записано, что ни одна



страна не имеет права нападать на другую. Не остановило Вашингтон и сопротивление подавляющего большинства государств – членов ООН и СБ ООН.

У суннитов, правивших в Ираке, американцы отняли все, начав кампанию по «дебаасификации». Бывшая правящая элита не может смириться с этим, поэтому – мстит, и мстит безжалостно. В Ираке сегодня наблюдается своеобразное «суннитское возрождение» с сильным ваххабитским уклоном, которое имеет достаточно четкую антишиитскую направленность. Появилась целая серия суннитских (с участием арабов из других стран) боевых группировок, совершающих террористические акты против шиитов: «Ансар ас-Сунна» («Сторонники Сунны»), «Харака аль-фатх аль-мубин» («Движение ясного знаменья»), «Халая аль-джихад» («Ячейки джихада»), «Са'р Аллах» («Месть Аллаха»), «Джама'а аль-Кари'а» («Группа Страшного суда»)… Сложившаяся ситуация позволяет констатировать, что окончание военной операции не означало окончания войны: суннитские группы, включающие сторонников Саддама, и радикально настроенные слои местного населения, придерживающиеся антиамериканских настроений, ведут никем не координируемую, но нарастающую по интенсивности партизанскую войну против военнослужащих американского корпуса и сотрудничающих с ними иракцев по сей день.

Шииты, со своей стороны, приветствовали свержение диктатуры Саддама, надеясь, что получат возможность участвовать в демократическом выборном процессе, который автоматически даст им вождеденное большинство в органах власти. Вашингтон, играющий на суннитско-шиитском противостоянии под лозунгами равноправия всех конфессий, ослабил прессинг на шиитское большинство страны, надеясь обрести их лояльность. После свержения саддамовского режима весной 2003 г. в Ирак триумфально вернулся аятолла Мухаммад Бакр аль-Хаким, а вместе с ним и созданный им в Иране корпус «Бадр» численностью 10 тыс. бойцов. Возглавляемый им «Высший совет исламской революции в Ираке» стал влиятельнейшей силой в стране, а шииты получили возможность выйти на политическую арену. Но уже 29 августа 2003 г. аятолла был убит в результате мощнейшего взрыва при выходе из мечети в священном городе Наджаф, погибли еще более 100 человек. Это стало началом продолжающейся до сих пор кампании террора, которую развернули ушедшие в подполье баасисты совместно с нахлынувшими в Ирак иностранными боевиками-исламистами, людьми «Аль-Каиды». И те, и другие – сунниты, и

для них аль-Хаким являлся врагом вдвойне: и как духовный вождь шиитов, и как очень авторитетный политик умеренного толка. Учитывая его иранские связи, он, возможно, и был сторонником создания теократического государства в Ираке, но на тот момент выступал посредником между американцами и шиитами, между шиитами и суннитами, Америкой и Ираном, участвовал в политическом процессе, инициированном главой американской оккупационной администрации Полом Бремером (а потому, по мнению суннитской оппозиции, подлежал уничтожению).

Тот же курс продолжил новый духовный лидер иракских шиитов, великий аятолла Али ас-Систани, оказавший сдерживающее влияние на шиитских экстремистов, в первую очередь – на молодого амбициозного клирика Муктаду ас-Садра (сына убитого в 1999 г. аятоллы Садыка ас-Садра). Муктада, создавший Армию Махди – собственные вооруженные силы численностью более 10 тыс. человек, – претендовал на роль вождя иракского антиамериканского сопротивления и весной 2004 г. вступил в бой с воинскими частями США в Наджафе. В результате вмешательства ас-Систани, пользующегося у шиитов громадным авторитетом, ему пришлось вывести оттуда своих бойцов. Сейчас Муктада ас-Садр фактически смирился с линией Али ас-Систани, прекратил вооруженную борьбу.

Почему шииты пошли за престарелым аятоллой, не побоявшимся в обстановке всеобщей ненависти к «большому сатане» объявить «священным долгом мусульман» участие в выборах, организованных по американскому плану? Шиитские лидеры поняли, что демократический конституционный процесс предоставляет им колоссальные возможности: поскольку шиитов в Ираке почти вдвое больше, чем суннитов, выборы обеспечивают им доминирующее положение в государстве и предоставляют возможность после образования легитимной и эффективной власти избавиться от иностранной оккупации. Таким образом, для иракских шиитских лидеров Соединенные Штаты – это всего лишь временный конъюнктурный партнер, а взаимодействие с Америкой является более коротким и надежным путем к независимости и выводу американских войск, нежели вооруженная борьба, которая может продолжаться долгие годы и довести Ирак до полного разорения.

Ожидания шиитской общины страны оправдались. Уже в первом правительстве постсаддамовского Ирака шииты имели 13 из 25 министерских портфелей. В избранном в январе 2005 г. парламенте Объединенный иракский альянс, в котором доминиро-

вали две шиитские партии, получил около половины всех голосов. Его представители получили 140 мест из 275, но депутаты-шииты имелись и в насчитывающей 40 депутатских мест фракции «Иракский список», возглавляемой бывшим премьером, шиитом Айдом Алауи. В победивший Альянс входили старейшая, традиционная шиитская партия «Дауа» и «Высший совет исламской революции в Ираке» – партия, потерявшая своего лидера Бакра аль-Хакима, но зато пользующаяся покровительством ас-Систани. Эта партия получила больше голосов избирателей, чем «Дауа», но во главе правительства решили поставить не ее руководителя, Аделя Абд аль-Махди, а Ибрахима Джаафари – главу более умеренной «Дауа». Это было сделано с целью избежать недовольства в светском крыле шиитского политического спектра, а также в среде суннитов, поскольку «Высший совет», созданный и долгие годы базировавшийся в Иране, имеет репутацию партии, ориентированной на гипотетическое превращение Ирака в очередную теократическую исламскую республику.

По мере упрочнения позиций шиитское правительство Ирака все болезненнее воспринимает свой марионеточный статус в руках США. Новая власть уже не ощущает себя режимом, который держится только благодаря поддержке извне. Она считает, что может самостоятельно обеспечить свое лидерство в стране. Тем более что основная масса шиитов, следуя призывам муджтахидов, ненавидит Америку, не признает принципы демократии, как «чуждые духу ислама», и отстаивает идею теократического государства. К тому же шиитская общественность опасается повторения схемы управления страной по образцу британского мандата, когда власть с благословения внешней силы (в данном случае – американцев) вновь окажется в руках суннитов-баасистов, но управлять страной они будут по «западным» лекалам. Поэтому, стремясь удержать суннитов на максимально удаленном расстоянии от властных структур, шииты не гнушаются террористическими актами. Ответом на стратегию суннитских радикальных групп, разжигающих гражданскую войну, является стратегия шиитских экстремистов, которые, со своей стороны, также способствуют нагнетанию напряженности между общинами, сознательно препятствуют их сближению.

Трудно не согласиться с мнением политолога из Мичиганского университета Хуана Коула о том, что нынешний конфликт между суннитами и шиитами в Ираке связан скорее с борьбой за власть, нежели с вопросами веры. В постсадамовском Ираке у

суннитов и шиитов образовались противоположные политические цели: «Сунниты были правящей группой в Ираке в течение всего XX в. Они сыграли ключевую роль в создании иракского государства, а потому – не считают обоснованными претензии шиитов на власть, они не считают, что шииты составляют большинство, и искренне полагают, что шииты были приведены к власти американцами и удерживают ее благодаря Ирану. Шиитское же большинство весьма довольно происходящими переменами и симпатий к мятежникам-суннитам не питают».

Официальный Тегеран активно наращивает сотрудничество с иракскими властями, стремясь максимально упрочить свое влияние в стране. Вместе с тем иранское влияние в Ираке имеет свои пределы. Во-первых, исторически отношения между арабами и персами всегда складывались весьма неприязненно. Во-вторых, духовные иерархии обеих стран являются соперниками. Центр богословия перемещается из иранского Кума в Ирак. И Наджаф, в котором находится самое престижное шиитское учебное заведение, вновь становится «сердцем шиизма», возвращая себе традиционную роль главного священного города. Даже Ицхак Накаш – один из главных сторонников раздела Ирака на суннитскую и шиитскую части – вынужден признать, что «государство а-ля Хомейни (как в Иране) не может рассчитывать на широкую поддержку большей части иракских шиитов... Во время войны с Ираном шииты составляли даже большую часть пехотных войск Ирака. Их верность иракскому государству, совершенно очевидно, была сильнее их религиозной привязанности или их неудовлетворенности режимом Баас, в котором доминировали сунниты».

В итоге конфликт между иракскими суннитами и шиитами приобрел беспрецедентный характер: обе общины беспощадно истребляют друг друга, даже не вспоминая о том, что они члены «единой нации». По мнению Г. Мирского, «подрыв мечетей нужно рассматривать как хорошо спланированную провокацию со стороны суннитских боевиков. Они понимают: нападение на шиитские мечети неминуемо повлечет за собой ответный удар. В итоге будут гибнуть шииты, гореть суннитские святыни. Суннитам это выгодно. Им важно сорвать установление в стране власти проамериканских шиитов. Для этого они хотят создать атмосферу кровавого колеса в Ираке, чтобы американцы оттуда ушли. Теракты в Ираке устроены именно для Америки, где с каждым месяцем нарастает стремление вывести войска...»

Вместе с тем неоспоримым остается и тот факт, что внутримусульманская солидарность в рамках иракского социума по-прежнему не способна переступить суннитско-шиитский разлом. Какие бы причины ни лежали в основе взаимного террора носителей этих двух течений внутри единой уммы, они приводят к истреблению мусульманами братьев по вере. Принципы религиозной самоидентификации преобладают среди населения Ирака и сегодня. Коллективная память об исторических фактах – сильный политический фактор, поскольку определяет восприятие действительности людьми, их мотивацию. Суннитам Ирака трудно понять, почему после господства в социально-политической жизни государства они должны от него отказаться. Суннитские политические функционеры обладают реальным опытом управления, тогда как многие шиитские политики делают на этом поприще первые робкие шаги. К тому же суннитская идеология не является столь непримиримо исламистской и воинственной, как у шиитов, а суннитский толк ислама лишен одержимости, иступленности, культа мученичества и жертвенности, характерных для шиитов. Поэтому политики-сунниты более склонны к компромиссам. Курс же на подавление шиитской оппозиции, которого всегда придерживались суннитские власти, с их точки зрения, вполне оправдан – это обоснованная реакция любого правительства на попытки дестабилизировать социально-политическое бытие государства.

Шиитская позиция также вполне объяснима: в государстве с шиитским большинством населения они имеют право на пропорциональное представительство в правительстве, а вопрос опыта – это всего лишь вопрос времени. Слишком долго шиитское большинство Ирака ожидало исторической возможности осуществить претензии на власть, чтобы теперь сдать свои позиции. Исчерпать конфликт возможно только за столом переговоров, но вся беда в том, что взаимное непонимание обеих общин столь велико и столь глубоко, что они, даже «слушая» друг друга, ничего не слышат.

Таким образом, политика выстраивания Вашингтоном зависимой политической структуры Ирака увенчалась успехом. Достаточно прозрачно и желание оккупационного режима: перед лицом неизбежного «ухода» из страны добиться разделения Ирака на три региона в рамках ослабленного федерального государства: северную – курдскую области, южную – шиитскую и центральную – суннитскую. «Берег обрыва» (так переводится с арабского языка этноним «Ирак») балансирует на грани раскола, поскольку ни одна из противостоящих групп никогда не согласится на подчиненное

положение внутри единого государства. Вот только в Ираке существует крайне мало таких «чистых» областей: хотя шииты и населяют преимущественно Юг, сунниты – Центр, а курды – Север, но 1 млн. курдов проживают за пределами Севера, 1 млн. шиитов проживают в Багдаде, сунниты живут и на Юге, а арабы – в Курдистане. Остается только верить, что принципы самоидентификации по национальному признаку, ростки которой неуклонно развиваются в недрах иракского социума вопреки политике внешних сил по их истреблению, сумеют преодолеть вековую суннитско-шиитскую дихотомию и объединят иракцев на основе внутригосударственной солидарности.

*«Всеобщая история: Современные исследования»,  
Брянск, 2009 г., с. 26–38.*

**М. Володина,**

востоковед

## **СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МАРОККО**

Исследователи нередко отмечают: одной из черт, определяющих характер современной политической культуры Марокко, является недоверие к власти. Власть чаще воспринимается как инструмент подавления / принуждения, нежели механизм общественного диалога. В связи с этим интерес представляет вывод американского исследователя Магриба Дж. Энтелиса относительно того, что введение в практику социальных отношений современных институтов государственного и административного управления усилило недоверие, прежде всего традиционалистски настроенных слоев населения Марокко, к институтам власти. При этом, подчеркивает ученый, подобное неприятие нарастало по мере распространения современной политики на новые массовые пласты традиционного сознания и культуры. Внедрение институтов и практик политической демократии в неподготовленную социальную среду нередко имеет следствием непосредственное подчинение этих институтов интересам элитарных слоев общества. Подобная ситуация, безусловно, вызывает недоверие к власти среди массовых слоев общества, которое проявляется двояко:

1) в растущем критическом настрое в отношении существующих в стране политических институтов (либо уклонение от

голосования, либо голосование «против всех» путем незаполнения избирательного бюллетеня);

2) в растущем радикализме отдельных групп населения, особенно молодежи, обращающейся подчас к идеям политического ислама.

Марокко трудно сравнивать с лидерами мирового хозяйства по экономическим и политическим параметрам. Однако формирование среднего класса в стране происходит достаточно активно, хотя пока преждевременно говорить о среднем классе как о главной социально-политической силе марокканского общества, потенциально способной противостоять монархии. Тем не менее государство – посредством экономической и социальной политики – пытается стимулировать становление данного социального образования. Согласно официальным статистическим данным (на наш взгляд, сознательно завышенным), средний класс в Марокко составляет 53% самодеятельного населения, тогда как «низший класс» – 13% жителей страны. При этом среднезвешенный месячный доход марокканцев не превышает 5308 дирхамов (около 633 долл. США), а нижняя граница доходов среднего класса, по официальным данным, составляет 3500 дирхамов (418 долл. США) в месяц.

Марокканские экономисты, полемизируя с властью, утверждают: правящие круги значительно расширяют социально-экономическое пространство существования среднего класса, который «медленно, но верно исчезает» как социальная общность. Правда, даже наиболее последовательные критики признают: правительство применяет стимулирующие меры по сохранению среднего класса, включая контроль за ценами на жилье и услуги здравоохранения, регулирование цен на продукты повседневного спроса и т.д. Помимо этого, важное значение для определения общественного пространства среднего класса эксперты придают социальной самооценке марокканцев, около половины которых причисляют себя к среднему классу. Тем не менее фактор социальной самооценки имеет отнюдь не решающее значение при определении социально-пространственных параметров среднего класса в Марокко. Даже если статистически соединить фаси и суси и добавить к ним феодалов, чиновников, армию и полицию, то они составят не более 13–15% самодеятельного населения; тогда как крестьянство, городские «низы», основная часть рабочих и служащих низшего звена, мелкие предприниматели составят сакральные 53%, а то и больше. Однако они – далеко не совре-

менный средний класс, в среде которого велико значение интеллектуальных видов деятельности. И все же введение в государственную статистику категории «средний класс», на наш взгляд, указывает на понимание монархией политической значимости данной проблемы, и это отличает Марокко от основной части переходных обществ.

Видимо, можно утверждать, что средний класс в Марокко пока не достиг того уровня зрелости, который позволил бы средним слоям общества сформировать действенную оппозицию королевской власти. Подобное положение адекватно отражается в сфере политических отношений и партийной деятельности в Марокко. Сохраняющаяся пассивность большинства населения Марокко есть следствие отсутствия развитого среднего класса, а также сохранения привычки мыслить категориями патриархальной общины, клана, племени, землячества, верности «своему» феодалу или региональному лидеру, имаму мечети, шейху суфийского братства. Современный же средний класс в Марокко формируется на базе традиционных социальных общностей, в частности фаси и суси. Фаси составляют верхний сегмент среднего класса, а суси преимущественно нижний сегмент этого формирующегося социального образования. Тем не менее в Марокко средний класс пока не сформировался как субъект политического действия.

Уже с начала 1960-х годов демографические процессы и растущая политическая напряженность находятся в тесной взаимосвязи. Когда в конце февраля 1961 г. Хасан II короновался на престол, 3/4 населения Марокко были моложе 30 лет. С одной стороны, подобную структуру населения можно было рассматривать как мощный потенциал экономического роста и развития. Но с другой стороны, отсутствие жизненных перспектив у молодежи (занятость, условия труда и его оплата и т.д.) могло стать причиной роста социального недовольства среди молодежных возрастных групп. Особенно активными они были в растущих современных городах Марокко – Касабланке, Рабате, Сале и др.

Внутри политической системы еще не выработаны общепризнанные правила принятия и реализации необходимых обществу решений. Поэтому марокканская политическая жизнь подчас представляется излишне взрывоопасной, грозящей разразиться крупным внутривнутриполитическим конфликтом. Однако открытые конфликты высокой интенсивности в марокканском обществе происходят нечасто. Причина лежит на поверхности: различные представители элиты и политически активных слоев общества из-



бегают осложнений, дабы сохранить свои позиции в уже сложившейся системе политического равновесия. Боязнь политической инициативы, способной ущемить интересы тех или иных социальных групп, а также недостаточно устойчивые модели взаимодействия внутри элитных образований препятствуют возникновению политических объединений на широкой социальной основе и тем самым – достижению национального консенсуса в отношении целей развития марокканского общества.

Положение монархии в современном марокканском обществе определяется набором факторов, пока обеспечивающих устойчивую легитимность института королевской власти. Источниками легитимности марокканской монархии являются:

1. Исламская традиция, сохраняющая устойчивое влияние на широкие слои населения Марокко. Роль короля в жизни марокканского общества зиждется на его восприятии массами населения в качестве духовного лидера (имама) всей мусульманской общины страны. Нынешний монарх, Мухаммед VI, принадлежит к берущей свое начало от Пророка Мухаммеда алауитской династии и рассматривается народом как шериф (потомок Пророка).

2. Несмотря на достаточно критичное отношение к власти, марокканское общество отдает должное той духовно-символической роли, которую монархия сыграла в движении за независимость.

3. Ведущая роль монархии в политической жизни страны определяется социально-экономическим потенциалом государства. Политическая деятельность государства при слабой выраженности альтернативных источников политического влияния (развитой буржуазии, многочисленного и диверсифицированного среднего класса, массовых политических партий с четкой идейно-культурной ориентацией и т.д.) позволяет пока монархии выступать арбитром во взаимоотношениях противостоящих друг другу социальных сил, что, в свою очередь, требует от королевского двора значительной политической гибкости.

4. В Марокко, как и во многих арабских странах, буржуазия зависима от госбюрократии, госсектора и вообще от власти государства, которую часто воплощает бюрократический капитал, эксплуатирующий страну и экономическими, и внеэкономическими методами. А в Марокко к тому же силен феодально-бюрократический капитал (ФБК) – это 500 феодальных семей, из которых в основном набираются и окружение монарха, и высшая бюрократия, и элита бизнеса. ФБК – это крайне устойчивая кон-

сервативная сила, заинтересованная не столько в развитии, сколько в сохранении статус-кво, т.е. своего вечного господства.

Помимо этого, армия начинает осознавать себя самостоятельной силой. В принципе это неблагоприятная тенденция, однако она дает королю возможность ограничить свободу действий некоторых групп гражданской элиты, представляя себя в качестве единственной возможной альтернативы военному правлению. Общая тактика монархии в отношении элиты сводится к двум простым принципам. Во-первых, всячески противостоять чрезмерному усилению той или иной элитарной группы, ссылаясь на свое право подавлять, в интересах народа, «гегемонистские тенденции» в обществе. Во-вторых, поддерживать на плаву ослабленные партии и группы, обосновывая это необходимостью сохранять, опять-таки в интересах народа, плюралистические основы марокканского общества. Отсюда и представление об элите как о «большой семье» с различными интересами, объединенной, однако, пониманием неизбежности прямой и ведущей роли монархии в сфере политических отношений. Всевластие двора в конечном счете зиждется на исторически сложившемся сосредоточении у монархии «вертикальных» связей, нисходящих к высшим управленческим кадрам, феодализму, ФБК, армии и спецслужбам. Блоку этих сил под контролем трона не могут противостоять расколотый по политико-идеологическим, этническим и даже – кое-где – земляческим признакам рабочий класс (к тому же различный по квалификации и уровню жизни – на государственных и частных предприятиях, в иностранном и национальном сегментах экономики), не менее многослойная буржуазия и столь же разнородная интеллигенция. А что без них крестьянство, да и городские «низы»? Они – социально гетерогенные и политически слабо развитые слои общества, пока доверяющие не столько политическим партиям, сколько монарху, «своим» традиционным главам (племен, кланов, суфийских братств) и духовным лидерам.

И все же функцию монархии как арбитра объективно подтачивают социально-демографические процессы (рост населения) в марокканском обществе. В 1960–1970-е годы темпы естественного прироста населения Марокко превышали 3% в среднегодовом исчислении; в указанный период абсолютные и относительные размеры безработицы в стране увеличились. «Развитие современного сектора не могло в достаточной мере компенсировать разорение традиционного сектора, – пишет В.А. Мельянцеv. – Поэтому расширение сферы потенциальной занятости не обеспечивало эффек-

тивного использования наличной рабочей силы». Рост социально-имущественных диспропорций, таким образом, провоцировал усиление политической напряженности. Такого рода тенденции вынуждали монарха расширять собственную базу политической поддержки и тем самым постепенно видоизменять свою политическую стратегию и адекватно реагировать на появление новых общественных сил, в частности молодежи.

Исследователи выделяют четыре типа / группы политической элиты в Марокко и в других странах Магриба.

1. «Либеральные ассимиляционисты», выходцы из семей традиционной элиты, рассматривавшие французскую культуру и созданные ею политические институты как наиболее эффективные механизмы государственного управления уже в период суверенитета; они признавали диалог между различными социальными силами важным способом политического воздействия на народ. В настоящее время в Марокко (в отличие от Алжира и Туниса) почти нет «либеральных ассимиляционистов», если не считать немногих либералов, журналистов и научных работников (большинство которых или покинули страну, или собираются это сделать). Помимо этого, в Марокко немало лиц, связанных не с французской, а с испанской культурой.

2. «Традиционалисты», пришедшие в политику из той же социально-исторической среды, но не ставившие в отличие от «либеральных ассимиляционистов» акцент на возрождении традиционной марокканской культуры, национальной идентичности и сохранении унаследованных от предков ценностей в условиях сильного идейного влияния метрополии. «Традиционалисты» в Марокко – это сплошь феодалы, марабуты, служители культа и т.п. В годы протектората они сотрудничали с Францией, а теперь – с тронем.

3. Европейски образованные «популисты», делавшие ставку на мобилизацию народа и массовые политические действия. В отличие от «традиционалистов» «популисты» пользовались широкой поддержкой в обществе, обладали более высоким уровнем образования и более «космополитическим» мировоззрением (т.е. они были и секуляристами, и сторонниками эволюционных изменений в обществе). В Марокко, в отличие от Туниса и Алжира, «популистов» в чистом виде практически нет. Их «маску» носят либо «ассимиляционисты» (и то крайне редко), либо «националисты».

4. «Националисты», сформировавшиеся как общность уже в период независимости; они стремились к радикальному переуст-

роЙству марокканского общества за счет демонтажа структур зависимого развития, сохранившихся после завоевания суверенитета. «Националисты», однако, были в Марокко задолго до независимости. Собственно они (Алляль аль-Фаси во многом «традиционалист», Ахмед Балафредж в чем-то «ассимиляционист», и др.) и боролись за независимость в 30–50-е годы в рядах партии Истикляль.

Данная классификация марокканской элиты не является единственной. Так, Ф. Уалалу считает, что в Марокко в ходе борьбы за суверенитет выкристаллизовались два основных идейно-политических течения, повлиявших впоследствии на общую расстановку социально-политических сил в стране. Одно из них он называет «прогрессивным», стремящимся к реальной «экономической независимости как к продолжению независимости политической и делающим акцент на необходимости демократизировать политический режим»; второе движение Уалалу определяет как «консервативное», сторонники которого, предпочитая «укреплять экономические и политические отношения с Францией», отклоняли «дискуссии по вопросу демократизации политической системы». Очевидно, однако, то, что элита и ее подразделения выполняли пусть важные, но все же вспомогательные функции в обществе и политике, тогда как ведущая роль оставалась за монархией, воплощавшей в себе экономический, социальный и духовно-идеологический потенциал государства.

Становление гражданского общества, как показывает «классический» опыт Западной Европы, процесс длительный. «Гражданское общество, – считает историк-франковед Е.М. Кожокин, – конституируется лишь в связи с возникновением государства определенного типа. Государство предшествует гражданскому обществу. ...Гражданское общество возрождается и становится действенным в эпоху кризисов, когда выясняется, что государство не в состоянии выполнить свои задачи, когда государственный аппарат... нарушает баланс между обслуживанием и эксплуатацией общества». Примечательно, что в своей политике правящие круги Марокко использовали французский опыт государственного строительства, в частности регулирование государством социально-политических процессов.

Важную роль в становлении гражданского общества на Востоке играют города, в том числе традиционного типа, где особое место принадлежит религиозным центрам. «Религиозные центры, – пишет Н.А. Длин и Р.Г. Ланда, – не являются на Востоке... релик-

тами традиционализма и отсталости. Они выполняют важную социальную функцию, связывая не только верующих, но и всех граждан страны, религию и традиционную культуру, историческую память народа и сегодняшние будни, национальное и гражданское самосознание, эстетику и этику формирующейся нации».

О гражданском обществе в Марокко, конкретизирует вышеперечисленное положение Р.Г. Ланда, «надо говорить осторожно. Думаю, что там есть элементы такового (причем разной степени зрелости у различных социальных групп), но еще не сомкнулись они в систему, в действующий по своим законам механизм. В многоукладных обществах этого и не может быть, ибо там многоукладность, неоднотипность во всем: в экономике и социальной структуре, в политике и юриспруденции, в общественном быту и менталитете. Все это привести к единому знаменателю еще долго не удастся».

Отсутствие «общей концептуальной карты» гражданского общества на Западе и Востоке не означает, таким образом, что есть несформированность гражданских отношений в переходных обществах, в частности в мусульманском мире. Однако в марокканском обществе достаточно четко проявлены и множественность интересов, и национально-этнический плюрализм, и довольно «продвинутые» для развивающихся стран формы социально-политической активности, включая партийную деятельность. Некоторые авторы подобную структуру общества не без оснований называют «нелиберальным плюрализмом», смысл которого во множественности (в отличие от западной унифицированности) логик поведения при отстаивании своих интересов. В сложившихся условиях ориентиры национализма и развития, декларируемые государственной властью, действуют в сторону формирования целей и интересов общества на современной (т.е. рационалистической) политической основе.

Критики идеи «незападного» (коллективистского) гражданского общества нередко ссылаются на слабую выраженность как горизонтальных связей в экономике, так и на недостаточность децентрализации политических отношений, мешающих переходу развивающихся обществ в гражданское состояние. Здесь можно возразить: основная часть переходных обществ развивается в направлении становления индустриальных форм и институтов деятельности гораздо быстрее, чем это делал развитый мир на этапе становления современных институтов. (Разумеется, само наличие Запада, т.е. мира развитых обществ, стимулирует данные процес-

сы.) Наконец, в Марокко политические партии, постепенно формируя устойчивые «современные» институты, уже выполняют важные «посреднические» функции между властью / государством и обществом.

В контексте нашей темы важно подчеркнуть: развитие гражданских отношений, особенно в таких политически «продвинутых» переходных обществах, как марокканское, происходит под влиянием сложного взаимодействия различных факторов. С одной стороны, государство в лице монархической власти пока сохраняет твердый контроль над экономическими процессами, политикой, социальными отношениями, оставляя тем самым ограниченное пространство для самостоятельной от «верхов» общественной деятельности. Слабость и неспособность национальной буржуазии осуществить собственными средствами форсированное развитие современной системы производительных сил, считает В.А. Мельянцева, «вызвали усиление государственного (прямого и косвенного) вмешательства в экономику Марокко...».

Одновременно существующая политическая система опирается на поддержку элитарных слоев марокканского общества, заинтересованных в ее сохранении или поэтапном, эволюционном, ограниченном преобразовании: представителей административно-управленческих органов, профессиональных политиков, традиционной аристократии (пока способной мобилизовать значительные силы сельского населения на отвечающие ее интересам политические действия) и т.д. Эти силы, порой жестко критикующие монархическую власть и конкурирующие между собой, ясно понимают: неконтролируемое социальное напряжение и в обществе, и в политической системе Марокко способно бесповоротно подорвать их позиции. Логика действий марокканской элиты поэтому сводится к стремлению ограничить «всесилие» королевской власти и одновременно сохранить управляемость политической системой.

Однако политические противоречия, являющиеся прямым следствием неравномерности социально-экономического развития, побуждают королевскую власть и элиту к согласованной тактике действий, частью которой являются уступки национальной буржуазии, преподносимые государством как уступки народу: в форме как политической «либерализации», так и пропагандировавшейся властями «демократизации» социально-экономических отношений («марокканизация» экономики). На самом деле, по мнению Ф. Уалалу, «процесс марокканизации способствовал углублению диспропорций между различными районами страны и

секторами экономики, поскольку он затронул главным образом предприятия, расположенные вокруг оси Касабланка–Мохаммедия, а также часть непроизводственных отраслей; он повлек за собой рост спекуляции и инфляции».

В ходе этого сложного и противоречивого процесса, как считают некоторые авторы (например, египетский исследователь Саад ад-Дин Ибрахим), отличающегося «волевым» (в отличие от западного «консенсусного»), организованным и коллективным участием на публичном пространстве между индивидуумами и государством, формируется специфическое (восточное) гражданское общество. В пространстве гражданского общества Марокко, таким образом, оказываются политические партии, профессиональные союзы, всевозможные группы интересов (включая этнокультурные), а также традиционалистские организации: религиозные братства, племенные (по преимуществу берберские) образования и т.д. Все это происходит потому, что объединения уже включены в политический процесс и именно через участие в политике реализуют свои тактические и стратегические интересы.

Переходный характер марокканского общества проявился, в частности, в организации и деятельности политических партий. «Политическая партия, группа сопротивления (очевидно, речь идет о «группах давления») или союз – это не более чем увеличенные (до масштабов общества) системы альянсов, ...членство в которых не предполагает лояльности определенной программе, идеологии или целям развития; напротив, эти организации соединяют влиятельных личностей с союзниками силой взаимных обязательств. При этом участники соглашения рассматривают созданную организацию как средство защиты своих частных интересов и поддержания социального престижа, а также как возможный источник патронажа со стороны центрального правительства, – писал в начале 1970-х годов Дж. Уотербери. – Если же данная организационная структура не в состоянии соответствовать ожиданиям ее членов, последние попросту теряют к ней интерес».

Объединяющим началом «современных» и «традиционных» связей и институтов выступает проводимая королевским двором марокканская политика, в которой различные общественные силы участвуют более 50 лет. Даже наиболее стойкие противники современных форм социальных отношений, включая исламистов, вынуждены приобщаться к политике, поскольку только она предоставляет реальные возможности завоевания власти. Так, приверженцы радикальных исламистских движений вынуждены уча-

ствовать в политической жизни и обращаться к идеям (но не ценностям) демократии с целью защиты своих позиций в обществе и своих социальных интересов. Призыв к солидарным действиям гражданских ассоциаций и институтов, как исламистских, так и светских, пишет работающий в Великобритании Сами Зубейда, ориентирован на укрепление гражданского общества перед лицом давления власти на его структуры, стремление подчинить последние своему влиянию либо их коррумпировать. «Цель гражданского общества... в ограничении (произвола) власти; и этот призыв не учитывает наличия социальных конфликтов как центрального признака гражданского общества, а равно и сил, связывающих различные общественные группы с государством и его институтами».

Партийно-политическая система современного Марокко выполняет функцию передаточного механизма – от формирующегося гражданского общества к политической власти. Эффективность данного механизма в конечном счете зависит от степени зрелости гражданского общества и от организованности составляющих его сил. При этом на протяжении периода независимого развития сама политическая система претерпевала сложную эволюцию и тем самым влияла и на общественное поведение королевской власти, и на постепенную самоорганизацию марокканского общества. Монархия остается главным распорядителем системы государственного патронажа в Марокко, а король неизменно рассматривает марокканскую элиту в целом как зависимое от него клиентельное образование.

Некоторые исследователи рассматривают период от завоевания суверенитета (1956) до конца 80-х годов XX в. своеобразной «предысторией» большой политики в Марокко. Их логика рассуждений выглядит примерно так. С одной стороны, по всем формальным признакам Марокко можно считать «многопартийной демократией», правда, контролируемой «сверху» королевской властью. С другой стороны, марокканский парламент представлял собой площадку для взаимодействия власти и оппозиции, тогда как влияние широких слоев населения в главном законодательном органе страны ощущалось слабо (ввиду слабости самих политических партий в Марокко, которая, в свою очередь, была непосредственным отражением недостаточной социальной самоорганизации марокканского народа в первые десятилетия суверенитета). Поэтому и большинство реформ в стране имели незавершенный, половинчатый характер.



Защите идеи гражданского общества для Марокко противостоят аргументы Р.Г. Ланды: «Ни критика монарха, ни конкуренция различных социально-политических сил никак не ограничили за последние полвека всевластия короля, который на деле может все: уволить правительство, распустить (и вообще отменить “на время”) парламент, кого угодно казнить и т.п. По ст. 19 Конституции, он может любого обвинить в “нарушении предписаний ислама” и сделать с ним все, что заблагорассудится. Поэтому Марокко только еще идет к гражданскому обществу, во многом оглядываясь назад и руководствуясь традициями прошлого. И, к сожалению, очень часто институты гражданского общества не только в Марокко, но и вообще на Востоке выглядят как современные декорации драмы многовековой давности».

Таким образом, развитие элементов гражданственности и гражданских отношений в Марокко можно рассматривать как длительный и сложный, диалектически противоречивый процесс, в котором движение вперед (к гражданскому обществу) постоянно «корректируется боковыми и даже попятными движениями», что придает марокканскому обществу характер сложного симбиоза традиционных общественных форм сознания и поведения, с одной стороны, и современных моделей политической социализации и мотивации – с другой. Этот синтез-симбиоз, как в капле воды, проявляется, в частности, в партийно-политической деятельности.

В эволюции партийно-политической системы Марокко можно выделить несколько этапов, каждый из которых имеет характерные особенности.

1. Первый этап демократизации политической системы относится к началу 90-х годов XX в., когда была предпринята попытка расширить права законодательной власти, увеличить влияние парламентских институтов на ход развития страны. Смысл политических преобразований состоял в основном в усилении представительного характера марокканского парламента и, одновременно, в повышении эффективности самой королевской власти, ее способности действительно выполнять роль верховного арбитра во взаимоотношениях различных социально-политических сил страны. Монархия, таким образом, возлагала на себя функцию гаранта поступательного развития политического процесса в стране. Исполнение данной функции определенно облегчалось тем обстоятельством, что в стране образовалась «избыточная масса» профессиональных политиков, чем умело пользовалась королевская власть. Монарх хорошо понимал, что наличие многочисленных

соискателей, желающих приобщиться к политической власти, существенно облегчало его диалог с наиболее стойкими противниками махзена. Усвоение этой простой истины потребовало от марокканских оппозиционеров определенного времени.

2. Второй этап демократизации (середина 1990-х годов) наступил, когда историческая роль монархии в модернизации марокканского общества была осознана политической элитой страны. В свою очередь, король Хасан II предложил комплекс мер, нацеленных на повышение роли партий в жизни страны: совершенствование законодательной власти, оказание финансовой помощи со стороны государства партиям, определение возможностей для их свободного взаимодействия и участия в работе парламента (включая критику монархической власти) и т.п. Все это имело следствием рост значимости парламентских дебатов при обсуждении жизненных проблем страны и в конечном счете делало жизнеспособной, по меркам переходных обществ, многопартийную систему страны. Сущностным содержанием этого этапа политических преобразований стало понимание взаимозависимости власти и оппозиции, с одной стороны, и необходимости поступательного и эволюционного проведения социально-экономических и других реформ в стране – с другой. При этом заключенная во взаимосогласованные рамки сложная политическая «игра-борьба» между монархической властью и оппозицией определяла динамику самого этого процесса и уже самим фактом своего существования способствовала совершенствованию партийно-политической системы Марокко, делая ее способной в исторической перспективе отражать и выражать интересы практически всех общественных сил страны. Наконец, логика и инерция политической борьбы вольно или невольно стимулировали модернизацию института монархии, объективно повышали способность основного историко-политического субъекта возглавлять необходимый стране процесс глубокой трансформации общества и его институтов, их адаптации к тенденциям быстроразвивающегося внешнего мира.

Важным показателем модернизации можно считать «смену вех» в поведенческой ориентации марокканской элиты. Если до 1960-х годов безусловным «законодателем мод» в культуре, духовно-интеллектуальном развитии, социальных ценностях был Фес, то в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века эта роль переходит к Касабланке и – в меньшей степени – к Рабату. Образ жизни марокканской элиты унифицируется на современной, буржуазной основе, тогда как внутри самих элитарных слоев форми-

руется общее отношение к власти и политике. Консолидация элиты тем самым все более противопоставляет ее остальной части общества, что объективно повышает риски протестных выступлений, особенно в крупных городах, где социальные противоречия приобретают «кричащий» характер.

Как показано, отношения между арабами и берберами не оказывают дестабилизирующего влияния на политический процесс в Марокко. Более того, «берберские» партии едва ли рассматриваются в качестве серьезной политической перспективы для реализации прав берберов на свою этнокультурную идентичность. Эти партии (точнее, протопартии) выполняют в политической системе Марокко триединую функцию:

– служат для монархии «группами давления» на крупные политические силы (включая Истикляль) с целью снижения радикализма требований последних к махзену;

– объективно способствуют фрагментации политических сил в марокканском обществе и сохранению за королевской властью роли главного субъекта политического и экономического процесса в стране;

– создают среди определенной части берберской общности впечатление о значительном представительстве «берберских интересов» в партийно-политической системе Марокко.

Вместе с тем относительное спокойствие марокканской политической жизни может оказаться обманчивым. Нынешняя слабость «берберских» партий – величина переменчивая. Эти партии, особенно с учетом продолжающегося подъема международного «берберизма», в недалеком будущем способны играть более серьезную и потенциально опасную для монархии роль. Видимо, при оценке соотношения факторов «покоя» и «турбулентности» стоит, помимо прочего, учитывать возможное стремление внешних сил сохранить свое влияние в стратегически важной стране посредством «дистанционного» управления внутримарокканскими противоречиями и конфликтами. В таком случае наличие «берберских» партий как готовых институтов социального действия может оказаться весьма кстати.

## **Основные политические партии Марокко**

1. *Партия Истикляль (I'lstiqlal)* создана в 1943 г. Придерживается идеологии популизма развития (экономический и социальный эгалитаризм, равномерное распределение национального до-

хода, аграрная реформа с ориентацией на интересы массовых слоев населения, государственный интервенционизм и «марокканизация» экономики).

2. *Национальный союз народных сил* (НСНС) (*Union nationale des forces populaires – UNFP*) создан в 1959 г. после раскола в партии Истикляль, когда представители левого крыла Истикляль вышли из партии и создали НСНС. В период создания данной партии ее члены выступали за защиту независимости страны, против нахождения иностранных военных контингентов на территории Марокко, за индустриализацию и проведение аграрных реформ в стране.

3. *Социалистический союз народных сил* (ССНС) (*Union socialiste des forces populaires – USFP*). Создан в 1975 г. после раскола в партии НСНС. В настоящее время ориентируется на интеллигенцию как на «движущую силу» марокканского общества. ССНС трансформировался от левого радикализма к более умеренным позициям. В партийных документах сохранено положение о сильной роли государства в экономике. ССНС рассматривается в качестве лидера блока социал-демократических и модернистских партий.

4. *Народное движение* (НД) (*Mouvement populaire – MP*), созданное в 1957 г., ставит своей целью защиту культуры и марокканской идентичности, в том числе культуры и языков берберов, выступает в поддержку общенациональных идей Марокко.

5. *Национальное народное движение* (ННД) (*Mouvement national populaire – MNP*) было сформировано в 1991 г. Члены данной партии выступают за «марокканскую демократию», считают необходимым возвратиться к традиционной системе управления, основанной на отношениях между союзами племен. Партия выражает интересы берберов. В 2006 г., объединившись с Народным движением и Демократическим блоком, «берберские» партии вошли в обновленную партию «Народное движение».

6. *Партия прогресса и социализма* (ППС) (*Parti du progrès et du socialisme – PPS*) была создана и легализована в 1974 г. Является преемницей марокканской компартии; выступает за национализацию ключевых отраслей промышленности, радикальную аграрную реформу, государственную помощь традиционным отраслям хозяйства, планирование социально-экономического развития.

7. *Национальное объединение независимых* (НОН) (*Rassemblement national des indépendants – RNI*) создано в 1978 г.; выражает интересы марокканского крестьянства; выступает за реформы в

сфере инфраструктуры (строительство дорог, электрификация, медицинское обслуживание, образование и т.п.).

8. *Фронт демократических сил (Front des forces démocratiques – FFD)* создан в 1997 г. в результате раскола в Партии прогресса и социализма.

9. *Партия справедливости и развития (ПСР) (Parti de la justice et du développement – PJD)* ориентируется на ценности ислама и одновременно привержена принципам «свободы, демократии, прав человека и верховенства закона»; выступает за проведение конституционной реформы.

10. *Социал-демократическая партия (СДП) (Parti socialiste démocratique – PSD)* выступает за демократизацию государства и общества, социальную справедливость, эффективную рыночную экономику при действенном контроле государства.

11. *Конституционный союз (КС) (Union constitutionnelle – UC)* создан в 1983 г. Эта партия постоянно поддерживает монархию.

12. *Демократическое и социальное движение (ДСД) (Mouvement démocratique et social – MDS)* было создано в 1996 г. в результате раскола в Национальном народном движении.

*«Берберы Северной Африки: Культурная и политическая эволюция (на примере Марокко)»,  
М., 2011 г., с. 66–78.*

**Е. Деминцева,**

востоковед

**МУСУЛЬМАНЕ ВО ФРАНЦИИ**

**(дискурс в трудах французских ученых  
второй половины XX – начала XXI в.)**

В середине XX в. еще не было так называемого мусульманского вопроса во Франции и ислам воспринимался учеными как религия, существующая вне страны, а мусульмане представлялись выходцами из Средиземноморья, приехавшими на ее территорию лишь на время. В 1980-е годы этот вопрос становится одним из объектов исследований французских социологов, историков, политологов, антропологов и исламоведов, рассказывающих о жизни иммигрантов и их детей в стране, неотъемлемой частью которой они уже являются. В 1990-е годы после «дела о платке», взрывов в парижском метро в 1995 г., а также появившихся трудностей, свя-

занных с исламистскими организациями, членами которых становятся «подростки с окраин», исследователи обращают внимание на темы взаимоотношения государства и мусульман, вопросы светскости, секуляризации, интеграции. События начала нового века (11 сентября 2001 г., Нью-Йорк, осень 2005 г., предместья Парижа) заставляют исследователей по-новому взглянуть на такие понятия, как «мусульманин», «Республика», «интеграция», и переосмыслить сам подход к теме ислама.

В научной литературе сегодня много и по-разному пишут об исламе во Франции. Страна, в которой проживает наибольшее количество мусульман в Европе, будоражит мир вопросами, связанными с присутствием представителей мусульманских сообществ в европейской стране и поиском наиболее оптимальных форм сосуществования ислама и законов Республики. Вплоть до 1990-х годов ислам во Франции как самим обществом, так и научным сообществом воспринимался как религия, существующая за пределами страны, пусть даже и в бывших колониях, но все же вне самой Франции, а мусульмане представлялись выходцами из стран Средиземноморья, приехавшими в страну лишь на время. И только в последние два десятилетия XX в. об исламе начали говорить как о второй по количеству приверженцев религии на территории страны, а о ее представителях – как о гражданах Франции. С этого времени мусульманин стал уже не чужеземцем, а соседом, и в этом новом контексте Франция начинает воспринимать ислам как «свою» религию, существующую внутри французского общества, основанного на республиканских ценностях, и пока еще не полностью в него вписавшуюся.

**1950–1970-е годы. Неизвестный ислам.** Массовый приток мусульман во Францию можно наблюдать после Первой мировой войны из Средиземноморья, стран Магриба, однако все же действительно заметный для страны приток магрибинской иммиграции приходится на годы после Второй мировой войны. Здесь речь идет прежде всего о трудовой иммиграции – мужчинах, в основном молодых, выходцах из магрибинских деревень, приехавших на заработки во Францию. Многие из них старались «держаться своих», выходцев из «своего региона», деревни, и эти созданные самими рабочими группы впоследствии переросли в различного рода организации и ассоциации. Эти молодые люди, жившие чаще всего в общежитиях на окраинах городов, таких как Париж, Лион, Марсель, Лилль, – индустриальных центров Франции, – в основном вели замкнутый образ жизни, редко выходя за пределы своего

иммигрантского квартала. В 1960-х годах французы начинают говорить об «арабах», приехавших на заработки, и «арабских кварталах», ставших одной из составляющих инфраструктуры мегаполисов. В это время в обществе еще никто не говорит о «мусульманах» (в основном об «арабах», приехавших во Францию), так как сами «арабы» предпочитают оставлять религию в сфере индивидуального, не вынося ее за пределы своего иммигрантского сообщества.

До 1970-х годов в стране незаметны «исламские места». Из того немногого, что мог бы в то время назвать, например, парижанин, можно отнести лишь кладбище Пер Лашез, которое первым выделило в 1855 г. участок для захоронения мусульман, и Большую Мечеть Парижа. Ислам еще долгое время оставался религией, скрытой за дверями тех общежитий, в которых жили магрибинские рабочие, не выходя за пределы их частной жизни.

В научной литературе практически не описана религиозная составляющая жизни этих иммигрантов. Одной из первых работ, посвященных мусульманам во Франции, стала вышедшая в 1950 г. книга Ж.-Ж. Раже «Мусульмане-алжирцы во Франции и в исламских странах». Автора интересуют предпосылки и причины того или иного миграционного потока из Алжира (в то время все еще французская колония), географические особенности расселения иммигрантов, проблемы, возникающие у них на чужбине, трудности, с которыми приходится сталкиваться им и их семьям при переезде в другую страну (вопросы жилья, поиска работы). Отдельно вопросов, касающихся именно религиозной составляющей их жизни, автор в своей книге практически не касается. Тема ислама возникает при анализе социально-бытовых трудностей иммигрантов-алжирцев во Франции, описании их жизни в стране.

«Североафриканцы иммигрируют в одиночестве. Количество тех, кто иммигрирует со своей женой, не превышает десятка... Этим североафриканская иммиграция отличается от европейской». Автор рисует картину проживания мусульман в некоторых департаментах Франции, например в Шампини, где проживает восемь семей, 20 детей. Раже дает бытописание этих семей: «Моральная и материальная ситуация этих семей удовлетворительная. Здоровье прекрасное, дети красивы, хорошо выглядят, умыты. Мужчины работают как чернорабочие на заводах... Дети ходят в школу и хорошо говорят по-французски, исключение составляет лишь одна девочка 9 лет, которая по желанию отца остается дома... Кормящие и беременные женщины ходят на бесплатные государствен-

ные консультации. Последние рожают в государственных больницах... Женщины часто остаются дома, выходят только в выходные с мужьями и с ними же ходят на приемы к врачу... Религиозные обряды соблюдаются: мальчикам делают обрезание. Все члены семьи... соблюдают пост, даже те, которые проводят длинный и тяжелый день на заводе». Никакой другой информации о религиозной составляющей жизни алжирцев-мусульман во Франции автор не дает. Для него мусульмане – это прежде всего иностранцы, иммигрировавшие во Францию и сохраняющие свои традиции в европейском обществе. Ислам на страницах книги выступает как часть этих традиций.

Лишь в заключении автор вновь обращается к теме ислама как к вопросу, на который, по его мнению, властям стоит обратить внимание: «Франция находится за пределами Дар-эль-ислама, североафриканцы, оказавшись вне мусульманского сообщества, чувствуют себя потерянными вдали от родины... мусульманское сообщество “умма” представляет собой ансамбль одновременно духовной и временной, религиозной и политической жизни». Далее, размышляя о необходимости обратить внимание государства на факт сосуществования представителей различных религий на одной территории, автор задается вопросом: «Поняло ли французское правительство ту моральную проблему, которая возникает по прибытии на территорию метрополии более 250 тыс. мусульман? ...Одна мечеть в Париже, одна почти достроенная в Марселе, молельные залы в Лионе, Метце и Лилле, вот, пожалуй, все места, предназначенные для мусульман», – отмечает он. Раже беспокоит то, что мусульмане-алжирцы, приехавшие во Францию, «морально заброшены». После интервью с ними он указывает, что при столкновении с бытовыми трудностями этим людям необходимо иметь возможность найти в чем-то утешение, и, по его наблюдению, лучше всего будет это сделать, обратившись к собственной религии – исламу.

В 1959 г. Ж.-П. Ру в книге «Ислам на Западе. Европа – Африка» пишет не только об истории проникновения ислама в Европу, но и о влиянии европейской цивилизации на ислам. В первой части книги рассказывается о завоеваниях мусульманами европейских государств, а также дается краткий очерк истории Крестовых походов и Османской империи, в последующих повествуется о колонизации европейцами мусульманских стран и влиянии их политики на культуру последних. «Франция в своих колониях, в частности в Алжире, изначально принимала во внимание нацио-



нальные и религиозные особенности мусульман... Ее влияние носит цивилизационный характер...»

Учитывая отношения между Францией и Алжиром и длившуюся с 1954 г. войну за независимость Алжира, книга как нельзя лучше отразила позицию Франции той эпохи по отношению к своим колониям. В качестве примера автор приводит политику Франции в Кабилии, где закон запретил вступать в брак неполовозрелым девушкам, упростил процедуру подачи женщиной на развод и предпринял еще ряд подобных указов, которые «не касались Корана». По мнению автора, Франция проводила корректную политику в колонизированных странах, так как не могла не принимать во внимание положение мусульманок и систему образования, основанную лишь на религиозных учениях. Как один из основных примеров действительно жесткого подавления исламской цивилизации он приводит Советский Союз, указывая на его политику в среднеазиатских республиках.

Автора волнует потеря европейскими странами влияния над своими колониями: близость Африки, мусульманской Африки, которая (учитывая год написания книги) выходит из-под контроля европейцев и идет на контакт с другими мусульманскими странами. Эта идея проходит красной нитью через всю книгу. И лишь в одной главе своей книги Ж.-П. Ру говорит о присутствии мусульман в европейских странах и делит их на шесть категорий: временное пребывание (студенты, дипломаты); корпус солдат из колониальных стран; политические иммигранты; мусульмане-европейцы; интеллектуалы-иммигранты; рабочие. И здесь он упоминает о политике Франции в колониальных странах, которая должна иметь продолжение во Франции, где появляются рабочие-иммигранты из стран Магриба: «Через школу, брак, социальные отношения с христианами мусульмане, имеющие равные с европейцами профессиональные навыки, могут сосуществовать».

### **1980-е годы. Франция «открывает» для себя мусульман.**

После приостановления иммиграции в 1974 г. ситуация с присутствием мусульман во Франции коренным образом меняется. Именно в это время со стороны мусульман делаются первые попытки признания их существования на территории страны. И этот год проводит своего рода черту, отделяющую иммигрантов, приехавших до 1974 г. и довольствовавшихся тем, что им было дано – работа, крыша над головой и минимальное социальное обеспечение. Многие семьи, принявшие решение остаться во Франции, в этот период почувствовали необходимость в признании их равно-

правными гражданами. И они стали открыто демонстрировать французскому обществу свою принадлежность к исламу.

Существует и еще один, на мой взгляд, весомый аргумент выхода именно в это время ислама из сферы частного в сферу коллективного. Безработица, социальные трудности, возникшие вследствие экономического кризиса 1974 г., отчаяние многих иммигрантов, не желающих возвращаться на родину, подталкивают их к поиску путей выхода из тупиковой для многих ситуации. Молельные залы, в которые они ходят не только молиться, но и получать моральную, а иногда и материальную поддержку, помогают им выжить в этот период. Религия становится для многих не только традицией их предков, но и своего рода защитой от окружающего их мира.

В 1980-х годах вместе с признанием французским обществом факта существования в стране довольно многочисленного магрибинского сообщества фактически происходит и признание ислама. В вопросах, обсуждаемых на государственном уровне, связанных с интеграцией магрибинцев во французское общество, основное внимание уделяется именно исламу, по мнению властей и французских граждан, затрудняющему сам интеграционный процесс. Конец 1970-х – начало 1980-х годов характеризуются появлением франкоязычной литературы, описывающей жизнь иммигрантов из Северной Африки и самого магрибинского сообщества во Франции. Поскольку это в основном социальные романы, написанные как иммигрантами, так и их детьми, родившимися во Франции, произведения дают описание жизни магрибинцев на чужбине. В это же время появляются научные работы, посвященные интеграции иммигрантов и их детей во французское общество, социализации детей в школах, вопросам, связанным с молодыми выходцами из магрибинской среды.

Однако научные работы, в которых ислам выступал основной темой, появляются лишь к концу 1980-х годов. В это время выходит книга Ж. Кепеля «Исламские пригороды», которую автор начинает словами: «В сегодняшней Франции существует более тысячи мечетей и других мест культа мусульман. Более шестисот ассоциаций... имеют “исламскую” составляющую. А в Париже пять раз в день муэдзин созывает верующих на молитву по волнам местного радио». Автор отмечает, что в начале 1960-х годов во Франции было не более дюжины мечетей и молельных залов, а также различного рода ассоциаций. И это при том, что в стране насчитывалось уже несколько сотен тысяч мусульман. В преди-

словии он задает основные вопросы: что происходит в стране, если за какие-то 20 лет присутствие мусульман стало столь заметным, и можно ли теперь говорить об исламе во Франции? Причины этого явления, по мнению автора, кроются в социальных и политических изменениях, происходящих с самими выходцами из иммигрантско-мусульманской среды, а также являются результатом всех тех событий, которые происходили в предшествующие несколько лет в самом исламском мире. Книга Кепеля – результат проведенного в течение трех лет исследования (работа в архивах, анкетирование, интервью с имамами и главами ассоциаций), основной целью которого было выявление тех причин, которые привели к выросшему за 20 лет в геометрической прогрессии числу мест религиозной практики и появлению такого феномена, как «ислам во Франции». При этом автор на протяжении всей книги пытается ответить на два вопроса: способствует ли это интеграции иммигрантов во французское общество и можно ли говорить о рождении в стране новой религии?

Годом позже Ж. Кепель и Р. Лево выступают в качестве составителей сборника статей «Мусульмане во французском обществе», в котором наглядно иллюстрируются дебаты, проходившие в конце 1980-х годов во Франции в Институте политических исследований (Science-Po), те темы, которые поднимали французские исследователи в этот период: «новое» поколение мусульман, выходцы из магрибинского сообщества; роль профсоюзных движений в жизни мусульман; социальные права, «стереотипы и стратегии»; «мусульмане и пролетариат». Один из разделов книги посвящен европейскому исламу и его роли в политической жизни таких стран, как Германия и Великобритания.

Составители сборника объясняют интерес к поднимаемому ими вопросу новой ситуацией, сложившейся во французском обществе, связанной прежде всего с иммиграцией из стран Магриба, и взаимоотношениями мусульман с государством. По их признанию, светское государство, даже если и не хочет вмешиваться в дела, связанные с религией, в случае существования на своей территории большого количества мусульман обязано пойти с ними на контакт, так как существуют вопросы, выходящие за рамки частной жизни, например: строительство мечетей; возможность осуществления ритуалов, связанных с убиением животных; регулирование вопросов, возникающих в школе у детей-мусульман с учетом их веры; возможность совершения молитвы во время работы. По мнению ученых, эти, а также многие другие вопросы не долж-

ны остаться без внимания правительства. «Официальное признание ислама в общественной жизни является сегодня новым необходимым этапом для интеграции... Эта новая ситуация включает в себя адаптацию со стороны мусульман, которые живут во Франции с 1960-х годов, но не надо думать, что они пройдут все пути, которые некогда проделали провинциалы в эпоху индустриализации в XIX в. или средиземноморские европейские иммигранты. Несомненно, сегодняшнее общество должно пересмотреть систему ценностей по отношению к тем, кто будет жить рядом».

Составители сборника акцентируют внимание на том факте, что первые формы признания государством присутствия мусульман во французском обществе возникли именно в 1980-е годы. Поэтому исследования, проводимые учеными, касаются прежде всего этих первых шагов взаимодействия государства и мусульманского сообщества. Практически все авторы сборника обращают внимание читателя на то, что мусульмане Франции – в первую очередь иммигранты из стран Магриба, чернорабочие. Поэтому отношения между мусульманами и государством – это отношения между рабочими и государством. Поскольку большинство мусульман выполняют тяжелую, грязную работу, то основные затрагиваемые вопросы касаются их прав, безработицы, роли профсоюзов и различного рода ассоциаций. Основной тезис авторов: ислам во Франции нельзя больше считать сферой частного, а впредь при формировании политики государства следует учитывать присутствие этой религии в общественной жизни страны.

Эту же мысль высказывает Б. Этьенн в своей книге «Франция и ислам». Он утверждает, что в конце 1980-х годов приходится говорить уже не просто о присутствии мусульман во Франции, а о массовом их присутствии. Именно в это время на государственном уровне впервые начинают говорить о необходимости создания органа, контролируемого правительством, который бы следил за всеми делами, касающимися жизни мусульман в стране, начиная от указов правительства и заканчивая контролем за их исполнением. В связи с этим Б. Этьенн считает, что «государство-нация, правовое государство, с республиканской идеологией...», такое как Франция, в начале XXI в. должно изменить некоторые принципы с учетом увеличения числа мусульман в стране. И начинать, по его мнению, надо с истории, т.е. переписать учебники «истории отношений Франции и ислама начиная с Франсуа I», так как до этого она была написана однобоко, предлагая «французский взгляд на события». Одна из основных идей, которую он озвучивает в своей

книге: «Франция – это шанс для ислама», объясняя ее так: «Следующим этапом необходимо создать Федерацию мусульман Франции (идея реализована в 2003 г.), которая будет производным от двух формул – ислам – это шанс для Франции, Франция – шанс для ислама... Такая Федерация придаст Франции мусульманскую силу, которая впоследствии улучшит отношения между Севером и Югом. Мне кажется преступным, смотря в наше общее будущее, не использовать такой шанс привлечения тысяч молодых французских мусульман, которые могут служить для строительства мира с остальным арабо-мусульманским миром».

Далее Б. Этьенн продолжает: «Моя идея состоит в том, что сильная структурированная Федерация мусульман позволит урегулировать некоторое количество социальных проблем, в том числе связанных с расизмом... Придание исламу формы (мечети, ассоциации, халяльное мясо, ритуалы) может обеспечить социальный мир и помочь борьбе с наркотиками, помочь избежать заведомых неудач в школе... Но это возможно при желании со стороны светского общества понять социально-религиозный минимум другой стороны, а со стороны мусульман принять правила светского государства».

**1990-е годы. «Франция – шанс для ислама»?** Дважды годами позже Б. Этьенн пишет предисловие к книге Ж.-Э. Кальтенбах и П.-П. Кальтенбах, озаглавленной его же тезисом «Франция – шанс для ислама». По его мнению, те полтора десятилетия, которые прошли после закрытия границ для иммигрантов, изменили политический облик страны. И если в начале этого периода проблемы иммигрантов были связаны прежде всего с вопросами экономического и социального порядка, то к концу его (начало 1990 г.) основным вопросом, связанным с иммигрантами, преимущественно выходцами из стран Магриба, становится тема ислама.

Авторы книги поддерживают идею Б. Этьенна о том, что ислам является шансом для Франции, объясняя это уже со своей позиции: «Наше основное богатство – бёры, правильнее их назвать “французские магрибинцы”, которые одновременно строят мосты и заграждения между двумя берегами Средиземноморья. Они наша первая ниточка, нам им надо помочь, их чествовать и благодарить. Конечно, они зачастую плохо воспитаны. И это еще одна причина открыто им сказать, насколько мы в них нуждаемся. И это не демагогия, это правда. Наша основная сила – основанная на законах республики светскость Франции...»

Для самой Франции конец 1980-х – начало 1990-х годов были скорее периодом несбывшихся надежд. Молодежные течения бёров так и не смогли решить основные проблемы расизма и безработицы. Дети иммигрантов ощущали себя чужаками в европейском обществе. Молодежные движения, пытавшиеся сформировать особое самосознание французов магрибинского происхождения на базе их дуальной принадлежности, не получили ожидаемых результатов. Кроме немногочисленной элиты, остальная молодежь не смогла воспринять эту политику, да и коренные французы не готовы были к отношению «на равных».

В 1989 г. активную политику начинают проводить исламистские организации. По утверждению Ж. Кепеля (книга «Джихад. Экспансия и закат исламизма», изданная также на русском языке), «исламисты решили вторгнуться на европейское пространство, взяв на себя роль выразителей интересов неимущей молодежи, которую они по этому случаю называли “исламской общиной”». Такая политика имела и теоретическое обоснование. В 1988 г. исламисты объявили Францию территорией *дар аль-ислам*, обосновывая это тем, что мусульмане, проживающие на территории Европы, уже имеют европейское гражданство. Следовательно, признавая государство территорией *дар аль-ислам*, мусульмане, проживавшие на его земле, могли объединяться в исламские сообщества и обладать правом на политическое представительство.

До этого времени ислам во Франции не имел политической окраски. Исламские сообщества оказывали в основном социальную помощь, помогая иммигрантским семьям в обустройстве на территории страны. Признавая в 1988 г. Францию территорией *дар аль-ислам*, они признавали свое право на вмешательство в политику самого государства. Первым громким выступлением исламистов стало «дело о платке» осенью 1989 г.

Начало 1990 г. стало отправной точкой написания книг о мусульманской молодежи Франции. Ж. Сезари в книге «Мусульмане и республиканцы. Молодежь, ислам и Франция» таким образом объясняет актуальность поднимаемой ею темы: «На исходе 1980-х появление исламистских организаций сделало видимым “вторую религию Франции” и укрепление ее позиций в религиозном пейзаже страны...» В это же время появляется новое поколение, выросшее под влиянием движения «бёров». Не получив какого-либо ощутимого результата от проводимых движением маршей протеста ассоциаций, многие молодые люди поворачиваются в прямо противоположную сторону. Без поддержки государства и общест-

ва они замыкаются в собственном сообществе, пытаются найти новые точки соприкосновения. Таким объединяющим молодежь окраин фактором и становится ислам, а точнее, исламистские организации, в которых они находят помощь и понимание.

Одновременно происходит утверждение понятия «ислам диаспоры». В 1990-х годах выходят работы, посвященные исследованию такого феномена, как ислам внутри магрибинского сообщества, поскольку именно выходцы из стран Магриба и их дети образуют наиболее многочисленное мусульманское сообщество во Франции (в Великобритании в связи с этим вопросом говорят о пакистанцах, в Германии – о турках). Проведенные учеными исследования утверждают, что нельзя говорить о том, что мусульмане Франции являются носителями одного и того же ислама.

Об этом и пишет в своей книге «Ислам диаспоры» Ш. Сен-Бланк, один из ведущих французских специалистов по вопросам, связанным с диаспорами. Отталкиваясь от «традиционного» понимания этого термина, она показывает специфические черты мусульманской диаспоры, отмечая, что ислам становится отличным признаком идентичности представителей мусульманского сообщества во Франции, а также символом обретенного чувства собственного достоинства. Религия является своего рода компенсацией в вопросах дискриминации, которые затрагивают практически всех представителей второго поколения магрибинского сообщества.

Одновременно с работой Ш. Сен-Бланк вышла книга Л. Бабе «Позитивный ислам. Религия молодых мусульман Франции», написанная по итогам исследования, проведенного автором в 1992–1993 гг. Изучая мусульманское сообщество пригородов, автор пришла к выводу, что ислам обретает позитивную окраску. По крайней мере, она этого желает и считает, что итоги исследования, которое она проводила, могут лишь подтвердить ее гипотезу. По ее мнению, в 1990-е годы ислам секуляризируется, хотя данный процесс может происходить индивидуально, например в новой религиозной практике, которая отличается от традиционного ислама и учитывает опыт европейской жизни. При этом Л. Бабе оценивает такой процесс со знаком плюс. «Секуляризация представляет собой процесс глобальный и открытый, и не заключается, как считают многие, только в приватизации религии, потому как имеет институциональный и символический смысл».

Ж. Сезари в книге «Быть мусульманином во Франции» подведены итоги взаимоотношений государства и мусульман, населяющих его. Именно укреплением позиций самого магрибинского

сообщества на французской земле можно объяснить, по ее мнению, усиление позиций самого ислама. На протяжении всех лет магрибинцы в большинстве своем старались быть хорошими мусульманами, не демонстрируя это открыто принимающему обществу. Они считали, что временно пребывают во французском обществе. Перед ними тогда не стоял вопрос о том, чтобы окончательно обосноваться здесь, и они не считали необходимым создавать места для своей религиозной практики. Понадобилось около полувека для того, чтобы семьи смогли укорениться на территории Франции. «В 1980-х годах этот социальный феномен, столь долгое время прятанный внутри иммигрантского сообщества, стал очевиден благодаря молельным залам, заполнившим пригороды больших городов, а также появлению бёров на политической сцене, заявивших о себе в СМИ». Создавая вокруг себя инфраструктуру, считает автор, иммигранты признавали тем самым, что та земля, на которой они намерены жить и воспитывать своих детей, является и «их» землей. И это был скорее не отказ от интеграции в европейское общество, а напротив, признание «чужой» для них земли «своей», где могут жить их семьи, но где возможно также существование их религии и культуры.

**2000-е годы. Ислам и Республика.** После сентябрьских событий 2001 г. в Нью-Йорке во Франции меняется отношение к исламу как в стране, так и за ее пределами. В обществе вновь заговорили о влиянии мусульманского сообщества на молодых выходцев из этой среды, навязывании не только традиций своего народа, но и насильственной исламизации подрастающего поколения. Страна возвращается к дискуссии о ношении платка мусульманками в общественных местах и таких понятий, как «Ислам» и «Республика». Вопрос ставится таким образом: лишь иногда ношение платка является свободным выбором девушек и отстаиванием ими самими их идентичности. В большинстве же случаев это результат давления той мусульманской среды, откуда они происходят. Государственный совет постановил, что ношение платка не противоречит принципу светскости само по себе, но что касается школ, то дирекция средних учебных заведений может запретить их ношение. Дискуссия, развернувшаяся вокруг данной темы, касалась в большей степени вопроса «права на разность». Все дебаты велись вокруг темы: ношение платка – это свобода выбора или же попытка влияния на государственное устройство мусульманских сообществ?



В 2003 г. «дело о платке» вновь вышло на первые полосы газет. Французские политики, общественные деятели, журналисты, а также обыватели разделились на тех, кто «за» ношение мусульманского платка в школах, и тех, кто «против». Все участники дебатов искали ответ на возникший вопрос как в законодательстве страны, перечитывая строки законов, запрещающих ношение религиозных символов в школах, так и в Коране. В «Деле о платке» столкнулись интересы республики, основы которой закладывались на протяжении нескольких веков, и мусульманских сообществ, возникших на территории страны (в той форме, в которой они существуют на данный момент – устойчивых этнических образований) несколько десятилетий назад. Таким образом, возникал вопрос о влиянии мусульманских сообществ на республиканские ценности и возможности их пересмотра под воздействием объективных обстоятельств, например появления в стране большого количества мусульман, чьи религиозные символы не могут ограничиваться лишь сферой частного, а переходят в сферу общественного. Могут ли вообще сосуществовать Ислам и Республика?

Этой теме посвящена книга Ж.-Э. Кальтенбах и М. Трибала «Ислам и Республика. Между страхом и слепотой». «Французская идентичность – прежде всего законы, которыми она руководствуется... Главные отличия между французскими законами и правилами ислама существуют в правах семьи и женщин. Основным остается вопрос о женщинах. Именно в школе, в том месте, где Республика провозглашает необходимость ассимиляции, разгорается основной конфликт», – пишут ученые. Вопросам гражданства и идентичности посвящено и исследование Н. Венель «Мусульмане и граждане». Ее работа – доказательство вывода французского социолога Ф. Хосрохавара, который писал в книге «Ислам молодых»: «...существует не один ислам во Франции, а множество его форм». Основываясь на интервью, взятых у представителей второго поколения магрибинских иммигрантов, которых во французском обществе часто определяют как «мусульмане», тем самым подчеркивая их гомогенность, она в своей работе доказывает, что эти молодые люди могут разительно отличаться друг от друга, самоидентифицируя себя по-разному, и их восприятие себя, собственного «я» в принимающем обществе зависит от многих факторов. Для одних значимым является происхождение, для других – принадлежность к религии, исламу, для иных – принадлежность к своей среде, кварталу, тому сообществу, с которым они связаны социально. Автор подчеркивает гетерогенность молодых людей

магрибинского происхождения, в том числе в вопросах, касающихся их восприятия религии: для одних она является лишь религией их предков и традицией семьи (отцов и дедов), для других – основой их самоидентификации. При этом нет так называемой типичной ситуации, а существует множество примеров того, как эти молодые люди самоощущают себя во французском обществе.

В начале 2000-х годов ученые концентрируются также на анализе дискурса вокруг вопросов, связанных с исламом, как, например, в сборнике статей «Слово об исламе. Индивид, общество и дискурс в современном европейском исламе». Оставляя в прошлом обобщенное понятие «мусульманин», ученые обращают внимание на индивидуальные особенности каждого человека, рассматривая его через призму условий, в которых он находится: страна, семья, школа, окружение, самовосприятие. В качестве примеров необходимости такого подхода ученые рассматривают такие события в истории стран, как «дело о платке», подтверждающее утверждение, что каждый случай должен рассматриваться в своем контексте.

Ж. Сезари в книге «Ислам как испытание для Запада» объясняет: «...серией “взрывных” событий конца XX в., которые следовали одно за другим, был создан образ воинствующего ислама... Будучи напрямую зависимы от этого мнения, исследователи и специалисты по исламу зачастую попадали в ловушку, описывая и представляя ислам или же самих мусульман как нечто “из ряда вон выходящее”, ни с чем не сравнимое в западной цивилизации, в частности в Европе. Интеграция мусульман в европейское общество означала не только социоэкономическую адаптацию, но и аккультурацию в принимающую культуру и секуляризацию. Похож ли этот процесс на интеграцию других иммигрантов не-мусульман или же мусульмане имеют свою специфику? Именно этот вопрос проходил сквозь многие европейские исследования...»

После 2005 г., когда весь мир узнал о проблемах «парижских окраин», какие бы то ни было рассуждения об успешной интеграции или «положительном исламе» сошли на нет. Современные ученые стараются понять, от чего зависит та или иная степень «религиозности» молодых людей, проводя не только полевые исследования в «трудных кварталах», но и параллели с историей их семьи и страны, из которой происходят их предки и в которой они живут. Книга Н. Капко «Ислам как надежда для молодых» как раз является примером такого этнографического исследования, показывающего, как приезд во Францию родителей детей мусульман

изменил их судьбу, а также их этнические и религиозные традиции, как сегодня происходит процесс потери «своих корней», что привносится французским обществом и существует ли какая-либо закономерность в этом процессе.

Книга социолога иранского происхождения М. Ширали «Между исламом и демократией. Путь молодых французов сегодня» посвящена «детям окраин». Традиционное начало – опрос молодых жителей окраин об их жизни, продолжение – анализ государственной политики (экономической, социальной) и жизни этих молодых людей в созданных государством условиях. Основной вопрос: может ли государство называть себя демократическим, если вынуждает молодых людей жить в таких условиях? Автор делает такой вывод: «В обществе, где интеллектуалы-мусульмане не находят отклика на собственные идеи, имамы, проповедники и самопровозглашенные “религиозные власти” выходят на социальную и политическую сцену Франции и монополизируют право говорить от имени мусульман. Под таким напором на передний план выходит эмоциональная религиозность молодых людей с окраин, которая кристаллизуется в радикальных формах, близких к “идеологии борьбы”».

\* \* \*

В 2006 г. в Париже вышел справочник «История ислама и мусульман Франции от Средневековья до наших дней», созданный под руководством профессора истории Сорбонны М. Аркуна. Книга была призвана стать справочным пособием для тех, кто интересуется историей взаимоотношений Франции с представителями мусульманской цивилизации. В предисловии к изданию французский историк Жак ле Гофф пишет: «Появление этого сборника говорит о новой тенденции в современной исторической науке, которая уже не содержит лишь рассказ о происходящем: то, что здесь анализируется, – это “события”, описанные в хронологическом порядке, их историческая реконструкция. Несомненно, что факты важны сами по себе, но они обретают больший смысл, когда являются объектом исследования той или иной эпохи или той или иной идеологии, или даже того или иного менталитета. В конечном счете получается история культуры, которая и является основой этой книги...» М. Аркун также настаивает на новом понимании проблемы, которую заявляет в названии книги: «Социальные науки помогают современным историкам расширить их

территории и возможности. Они помогают ему на теоретическом уровне перестроить мифоидеологический взгляд, обращая внимание на такие критические понятия, как “воображаемое установление сообщества” (Корнелиус Касториадис), “социальное конструирование реальности” (Питер Бергер)».

Составители, отталкиваясь от идеи междисциплинарного подхода, излагая историю появления мусульман на территории Франции, стараясь отойти от каких-либо оценок, обогащают скупые факты и даты рассказами арабских путешественников того времени или же цитатами современников-европейцев. Помимо этого они акцентируют внимание на результатах археологических раскопок, иллюстрирующих сказанное. Не только данные археологов, но и гравюры современников, анализ символов на фресках или же описание архитектуры средневековых построек – все это является не чем иным, как доказательством гипотез, выдвигаемых авторами.

Авторы не столько противопоставляют христианство исламу, сколько ищут взаимосвязь между отношением христиан к исламу благодаря тем или иным событиям или же их описанию в литературе. Так, в «Песне о Роланде», по их мнению, созданы определенные клише, которые, как они считают, необходимо рассматривать через призму реальных исторических фактов, что в совокупности может показать, например, отношение христиан к мусульманам или же взаимовлияние одной цивилизации на другую. Составители самой структурой книги подчеркивают, что для заявленного ими анализа представленной темы необходим междисциплинарный подход: хронологические таблицы и мнения историков, анализ литературы, воспоминания современников. Справочник подводит итог исследованиям последних лет по этой тематике. Его авторы призывают своих коллег отойти от тех тем, которые были актуальны в последние годы, и объективно рассматривать ислам вне текущих политических и социальных событий, которые происходят в настоящее время во Франции.

*«Восток», М., 2011 г., № 1, с. 167–177.*

**Георгий Мирский,**

доктор исторических наук

**ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Прежде всего хотелось бы выразить несогласие с некоторыми давно бытующими представлениями о сущности взаимоотно-

шений между Западом и миром ислама. Речь идет, во-первых, о таких терминах, как «возрождение» или «пробуждение» ислама. Как религия, ислам никогда не умирал и не засыпал, поэтому он не может ни возродиться, ни проснуться. Можно говорить о подъеме самосознания мирового мусульманского сообщества (уммы), о выходе этого сообщества на международную арену. Во-вторых, неверно было бы говорить о продолжающемся с давних времен противостоянии западных и мусульманских государств. В этом смысле приходится констатировать, что уважаемый профессор Сэмюэл Хантингтон ошибся, трактуя эту проблему в своих работах о столкновении цивилизаций. Войны между западными христианскими государствами и исламским миром, представленным Османской империей, велись на протяжении столетий, турки дважды подходили к воротам Вены, но уже в XIX и XX вв. Турция участвовала в войнах одних христианских держав против других (Крымская война, Первая мировая война). Сохраняющегося со Средних веков межгосударственного, геополитического противостояния христианского и исламского миров не было и нет.

Не существует некоего непримиримого, насыщенного ненавистью неприятия христианского мира как такового со стороны мусульманского сообщества. Вспомним, что и во времена халифата покоренным христианам разрешалось сохранять свою веру; пусть они и считались «неверными», речь никогда не шла о насильственном обращении христиан всего мира в ислам. *В принципе мусульмане никогда не объявляли своим врагом христианство как религию, ведь это одна из трех авраамических конфессий, и приверженцы ислама чтут в качестве пророков и Авраама, и Иисуса.* А сегодня даже те исламисты (не мусульмане в целом, а именно исламисты), которые видят в Западе неумолимого врага, стремящегося подорвать или даже уничтожить ислам, действуют не под лозунгом борьбы с христианством. Более того, они считают западный мир, особенно Америку, отнюдь не христианским, а вообще безбожным, аморальным и растленным. В головах тех террористов, которые направили самолеты на «башни-близнецы» в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., не могло быть мысли о том, что они наносят удар по христианскому миру – они били по «империалистическому и сионистскому врагу», представляющему в их глазах страшную угрозу исламу, его ценностям, мировой умме. Тем более нелепо говорить о какой-то «зависти»: кому завидовать? Презренному декадентскому обществу?

Так же несостоятельны, по моему мнению, попытки объяснить подъем мусульманского радикализма, экстремизма, терроризма «Аль-Каиды» и родственных ей группировок только экономическими причинами. Безусловно, многих будущих смертников – шахидов вербуют среди молодежи, не имеющей работы и не видящей для себя перспектив. Нищета, обездоленность, отчаяние – это питательная среда для терроризма. Но важно отметить, что, как показывают специальные исследования, террористы – выходцы из Египта, Саудовской Аравии и других арабских стран – происходят вовсе не из нищих слоев общества, а из образованной среды. Они сыновья вполне обеспеченных людей, как писали многие авторы, «цвет местной интеллигенции». Участники акции 11 сентября все имели высшее образование, хорошие специальности, обучались в Европе. Террористы, осуществившие взрывы в лондонском метро в 2005 г., родом из Пакистана, они имели образование и приличную работу.

Вообще чисто материальные, экономические проблемы никогда не фигурируют среди лозунгов и призывов исламистов. И это относится не только к «Аль-Каиде». Когда вскоре после победы «исламской революции» в Иране экономическое положение страны ухудшилось, аятолла Хомейни сказал: «Мы не для того совершили революцию, чтобы снизить цены на дыни».

Тогда спрашивается – для чего? Ради какой цели взрывают себя и тысячи невинных людей эти шахиды, «человеческие торпеды»? Для того чтобы это понять, лучше оперировать не такими понятиями, как «борьба с голодом и нищетой» или «война цивилизаций», или «битва мусульман с христианами», «религиозная война», а другими: достоинство и справедливость. Это и лежит в основе того, что называется «исламским фундаментализмом» (салафийя).

Фундаменталисты исходят из слов Аллаха, приведенных в Коране и обращенных к мусульманской умме: «Вы – лучшая из общин, которые выведены пред людьми» (сура 3). Следовательно, мусульмане и должны быть господствующей силой на земле. А на самом деле тон задают другие, бал правят неверные – разве это нельзя назвать вопиющей несправедливостью? Для богословов эта несправедливость состоит не в нынешнем экономико-технологическом и научном отставании мусульманских стран, а именно в крушении политического господства государств уммы на мировой арене.

Причину упадка мусульманских стран нашел еще Ибн Абдаль-Ваххаб в середине XVIII в.: отход правящих слоев этих стран от чистого, праведного ислама, забвение заповедей Пророка, произвол, разложение, своекорыстие. Спустя два столетия к этому же выводу пришли египетские «Братья-мусульмане» с их лозунгом: «Ислам – вот решение». Один из их лидеров, Сейид Кутб, побывав в Соединенных Штатах, пришел в ужас, когда увидел, что в школе женщина преподает мальчикам, и проклял растленную и аморальную Америку. Его, как и его последователей, страшила сама мысль о том, что безбожный (именно безбожный, а не христианский) Запад когда-нибудь навяжет свою культуру, свои нравы мусульманскому обществу, разрушит его традиционные ценности. Вот в чем увидели опасность. Это – замысел сатаны. Ведь для мусульман сатана это не только захватчик, агрессор, но и великий соблазнитель. Запад соблазняет умму своими материальными и культурными достижениями, и в конечном счете это может привести к непоправимому ущербу для ислама.

Как это предотвратить? Здесь на сцену выступило уже второе звено цепочки (фундаментализм – политический радикализм, или исламизм – терроризм). В отличие от богословов-фундаменталистов, улемов, исламисты – это люди действия. Надо бороться, причем на два фронта – против западного империализма и сионизма, с одной стороны, и против их местных пособников, нечестивых и коррумпированных правящих клик – с другой. Выше других знамя исламизма поднял Усама бен Ладен, создавший не только «Аль-Каиду», но и «Всемирный исламский фронт борьбы с евреями и крестоносцами». Оружием борьбы был провозглашен джихад, трактуемый исламистами, вопреки Корану, в узком смысле, только как вооруженный поход против врагов ислама.

Лозунг исламистов-джихадистов – «убивать американцев, иудеев-сионистов и их местных пособников». Люди бен Ладена, ваххабиты, повели борьбу против ваххабитов, правящих в Саудовской Аравии. Беспощадные ваххабиты обрушились также и на шиитов. Ныне покойный лидер «Аль-Каиды» в Месопотамии аз-Заркауи начал не только в Ираке, но и в своей родной Иордании войну против шиитов, называя их «затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». В Афганистане талибы установили режим, по своей бесчеловечности и мракобесию уступающий разве что власти Пол Пота в Камбодже.

Беда в том, что создавшие транснациональную террористическую сеть исламисты не являются чем-то наносным, чуждым исламу. Они действуют в русле исламской традиции, точнее – одной из традиций; ведь в исламе, как и во всякой великой религии, можно найти различные потоки мысли, часто не совпадающие установки. Известна, например, разница между мекканскими и мединскими сурами Корана. Как писал А. Малашенко, «исламизм не болезнь, которая поддается пусть трудному и длительному, но все же лечению. Это клетки самого “организма” исламской традиции, исламской политической культуры». Акцентируя внимание на «воинственных», «непримиримых “высказываниях”», содержащихся в Коране, которые при желании найти нетрудно, так же как и «миролюбивые», исламисты апеллируют к простым, понятным всем мусульманам вещам: в современном мире господствует несправедливость, исламское сообщество оказалось – по вине как Запада, так и собственных нечестивых правителей – в самом низу глобальной политической иерархии, всем заправляют неверные, западные империалисты оскорбляют и унижают достоинство мусульман.

«Салафийя» направлена против пагубного влияния Запада (материалистического, марксистского или безбожного). Подъем, или оживление, или «политизация» ислама не связаны с какими-либо серьезными изменениями в интерпретации или с религиозным расколом, появлением новых толков ислама и т.д. Объяснение следует искать не в религиозной сфере, а в тех исторических и социальных обстоятельствах, которые определяют жизнь сотен миллионов людей не только в мусульманском мире, а в Третьем мире в целом. В каком-то смысле исламизм можно считать крайней формой продолжения той антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы, которая привела в XX в. к крушению колониальной системы. Да, исламисты-фанатики совершают чудовищные вещи, но они искренне верят в то, что продолжают борьбу против империализма: за политическим и экономическим освобождением должно последовать освобождение культурное, моральное.

И здесь нельзя не упомянуть о том, что мощный толчок развитию исламизма дала политика западных держав, в первую очередь США. Сообщалось, например, что после начала американской интервенции в Ираке в штаб-квартирах экстремистских организаций в Западной Европе не было отбоя от добровольцев, желавших записаться в ряды шахидов. Десятки миллионов му-



сульман во всем мире с одобрением встречали призывы Усамы бен Ладена к бескомпромиссной борьбе против тех, кто ведет войну в Ираке и Афганистане, для чего он расположил свои войска в Саудовской Аравии (ведь земля Аравийского полуострова священна, по ней некогда ступала нога Пророка). Особую роль, конечно, играет палестинская проблема. Лозунг освобождения Иерусалима (по-арабски – аль-Кудс, священный, третий по своей святости город ислама) не оставляет равнодушными миллионы мусульман во всем мире.

Самые «крайние из крайних» среди исламистов, возможно, даже мечтают о возрождении халифата или по крайней мере о «воссоединении» земель, когда-то находившихся под властью мусульман. Сюда они относят и испанскую Андалузию, и Среднюю Азию. Автор этих строк встречался когда-то в Узбекистане с «ваххабистами» (так их называют и там, и на Кавказе), которые говорили о своем намерении создать исламскую республику сначала в Ферганской долине, потом во всей Центральной Азии, в Казахстане, «а оттуда рукой подать до Волги, до татарских и башкирских земель». Это кажется бредом, но ведь важно то, что есть люди, которые искренне в это верят, готовы отдать за свой идеал и собственную, и чужую жизни.

На самом деле исламисты нацелены на то, чтобы взять в свои руки власть в ключевых мусульманских странах – в Египте, Саудовской Аравии, Пакистане, Иордании (последняя их привлекает как сосед Палестины, плацдарм в борьбе за освобождение Иерусалима от сионистов). Это их главная задача; осуществив ее, они полагают, что овладеют «душой» мусульманского мира, покончат с влиянием Запада.

Нельзя недооценивать исламистскую угрозу, но было бы неправильно смириться с ней и полагать, что мир ислама уже необратимо попал в сети «Аль-Каиды» и родственных ей группировок. Террор исламистов в глазах многих мусульман выглядит контрпродуктивным. Слишком уж большие потери несут сами мусульмане. Убийство невинных людей, гражданских лиц (что запрещено Кораном) вызывает отторжение у все большего числа мусульман, а изуверская практика исламистов в Афганистане и Ираке ведет к падению их авторитета.

Подводя итог, следует сказать, что «всплеск» исламизма не надо отождествлять с бесспорным усилением роли религии в мусульманских странах. Тот факт, что многие женщины в Египте или Турции носят хиджаб, еще не свидетельствует о том, что общество

безропотно подчинилось исламистам. Ислам и исламизм – родственные, но не тождественные понятия. Мало кто в современных исламских странах захотел бы жить под властью такого режима, как «Талибан», подчиняться шариату в крайних, самым бесчеловечным образом истолкованных его формах.

Что будет дальше? Очень многое зависит от конкретной политики Запада, прежде всего США. Иракская война, например, неизмеримо больше помогла исламистам, чем любые рассуждения об исламе и христианстве.

Действительно ли отношения между США и миром ислама испорчены непоправимо? Большинство исламоведов отвечают на этот вопрос отрицательно. Они указывают на то, что отношение уммы к Америке в общем было бы неправильно считать абсолютно негативным и непримиримым как в религиозном плане, так и в культурной и материальной сферах. Начать с того, что примерно 6 млн. мусульман, живущих в США, отнюдь не ощущают себя дискриминируемыми и обделенными; уровень их доходов даже несколько превышает средние показатели по стране, 52% американских мусульман относятся к среднему классу, лишь 10% имеют низкие доходы. Уже один этот факт, известный в мире ислама, дает Америке определенный плюс. Далее, американские достижения в различных сферах жизни (технология, ноу-хау, наука, кино и т.д.) высоко оцениваются образованными классами мусульманского общества; при первой возможности многие молодые люди стремятся эмигрировать в США. Что касается влияния «Аль-Каиды» и вообще транснационального исламистского терроризма, то оно оказалось сильно преувеличенным. Например, некоторые авторы утверждали, что взрывы в Лондоне в 2005 г. получили одобрение большинства британских мусульман, но по последним данным число сторонников террора среди них оказалось не более 4%. Убийства гражданских лиц вызывают все большее отторжение среди мусульман в Европе, не говоря уже о США. Гнев мусульманского сообщества вызывает конкретная американская политика по отношению к Ираку, Афганистану, Палестине. США обвиняют в том, что они «всюду лезут», вмешиваются, хотят установить удобные им порядки и т.д., и в этом смысле мусульманский антиамериканизм в принципе не отличается от все более негативного отношения к США в других регионах мира. Просто дело в том, что такого рода действия Америки в основном проявляются именно в мире ислама и по его границам, и мусульмане ощущают их последствия острее, более непосредственно, чем прочие народы. По-

этому, если бы политика США при Обаме была изменена хотя бы частично, это уже дало бы толчок к улучшению имиджа Америки в мире ислама.

*«Исламский фактор в истории и современности»,  
М., 2011 г., с. 41–46.*

**СПИСОК СТАТЕЙ,  
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ  
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»  
В 2011 г. № 1 (223)–12 (234)**

**№ 1 (223)**

*О. Савченко.* Россия в меняющемся мире. (Анализ геополитических процессов); *Марина Павликова.* Самый большой в мире карлик. (Какой видят современную Россию зарубежные СМИ); *Владимир Семёнов.* Тенденции развития этнического сознания народов России: Политологический анализ; *Л. Бирчанская.* Иммиграция в Москву: Новая реальность; *Сергей Слуцкий.* Террористическое подполье в Ингушетии; *Н. Федулова.* Борьба за влияние в зоне Большого Кавказа; *Эльсевер Самедов, Ирада Зарганаева.* Исламское образование в Азербайджане; *Станислав Чернявский.* Кровавые уроки очередного переворота в Киргизии; *Х.О. Хушкдамова.* Женщины в системе политической власти и управления Таджикистана; *Р. Рахимов.* Своеобразие ислама в Центральной Азии; *С. Лузянин, Е. Сафронова.* Гидротехническое «наступление» Китая в Средней Азии: Последствия для Казахстана и России; *Жак Левек.* Почему Тегеран уверен в собственном успехе; *Анна Кашина.* Демократия по-тунисски или «Королевство Бен Али»?; *Е. Савичева.* Ливан и его диаспора: Прямая и обратная связь; *Эльдар Касаев.* Модернизация через фундаментализм. (Эволюция политизации ислама на национальном и региональном уровнях); *Виктор Волконский.* Возвращение в сферу смыслов.

**№ 2 (224)**

*Алексей Кива.* Россия: Путь к катастрофе или модернизации?; *Чарльз Капчан.* Последний рубеж для НАТО, или Почему Россия

должна вступить в Североатлантический альянс; *Д. Мухетдинов*. Основные проблемы в деле развития мусульманского образования в России; *Владимир Семёнов*. Ислам и национальное татарское возрождение на рубеже тысячелетий; *С. Слуцкий*. Дагестанское экстремистское подполье в структуре коррупционно-криминально-террористического комплекса; *Камалудин Гаджиев*. Национализм и ислам на Кавказе: Идеологическое измерение; *Н. Федулова*. Конфликтогенная зона Каспийского региона: Угроза России; *А. Куртов*. Трансформация внешней политики Туркменистана при новом руководстве страны; *Дина Малышева*. Центральная Азия в свете российско-американской «перезагрузки»; *Владимир Сотников*. Куда идет Пакистан?; *Александр Игнатенко*. Национальный прагматизм и имперский романтизм во внешней политике Турции; *Кирилл Лихачёв*. Индия: Будет ли третья волна исламского терроризма?; *Ирина Мохова*. Во Франции принят закон о запрете на «сокрытие лица» мусульманками; *Б. Кулакова*. Альтернативные образы культур: Взаимопонимание мусульман и христиан; *Алексей Малашенко*. Мой ислам; Политические процессы в государствах Центральной Азии. (Рецензия).

### № 3 (225)

*Николай Шмелёв*. Модернизация и международные интересы России; *Алексей Кива*. Россия и страны Востока после краха реального социализма и распада СССР; *Е. Новикова*. Внешняя и внутренняя миграция: Какие мигранты нужны в России; *Дамир Мухетдинов*. Современное медресе для современной уммы в России; *Р. Нуруллина*. Конфессиональная система в Татарстане; *Сергей Слуцкий*. Состав дагестанского террористического подполья (боевики, пособники и сочувствующие им) и его перспективы на ближайшее десятилетие (2010–2020); *А. Крылов*. Азербайджан на пути постсоветского развития; *Р. Беккин*. Внедрение исламской финансовой модели в Киргизии; *Параг Ханна*. Узбекистан и Туркменистан: «Неуд» по поведению; *Георгий Рудов*. Цена суверенитета и генезис власти в постсоветских государствах Центральной Азии; *Роберт Ланда*. Исламизм в Центральной Азии и Россия; *М. Савушкина*. Россия и арабский мир: Сотрудничество и противоречия; *Николай Киреев*. Турция: Неудачи радикального исламизма и успехи умеренного; *Владимир Овчинский*. Афганистан: «Черный ящик» войны с терроризмом; *Дина Малышева*. Йемен как

новая «горячая точка»; *М. Мяжкова*. Эмансипация в Тунисе; *А. Садыхова*. Евроислам: Две концепции и перспективы; *А. Дегтярёв*, *В. Черноус*. Исламизм: Социологический дискурс.

#### № 4 (226)

*Владимир Шевченко*. Модернизация или национальный путь развития России?; *Дмитрий Ефременко*. Шансы России в постамериканском мире; *Марат Пальников*. Иммигранты, российское население и власть: Специфика взаимоотношений; *А. Салагаев*. Типичен или уникален Татарстан на фоне российских регионов?; *З. Амирова*, *А. Магомеддадаев*. Политический ислам в Дагестане: Роль внешнего влияния; *Эльман Рустамов*. Специфика азербайджанского пути модернизации; *Р. Беккин*. Достижения и перспективы исламской банковской системы в Казахстане; *Параг Ханна*. Киргизия и Таджикистан: Независимые, но бессильные; *А. Куртов*. Туркменистан: Китайский приоритет; *Чжао Юнхуа*. СМИ и «цветные революции»; *Елена Пономарёва*, *Георгий Рудов*. Среднеазиатский узел противоречий; *Тиберио Грациани*. Стратегия США в Евразии и проблема наркотиков в Афганистане; *А. Володин*. Пакистан: Отношения с Индией на фоне внутренней нестабильности; *И. Золотухин*. Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: История и современность; *Александр Шумилин*. «Война по доверенности»: Иранская версия; *Параг Ханна*. Египет: Между бюрократией и теократией; *Григорий Косач*. Саудовская Аравия: Власть, социальная трансформация, образование; Изучение современного состояния ислама на Северном Кавказе. (Рецензия); *Александр Панычик*. Коранический ислам и проблема религиозного разнообразия

#### № 5 (227)

*Игорь Пантин*. Российский выбор: Сделан, отсрочен, отменен; *Г. Станкевич*. Политический ислам и современная Россия (на примере религиозной ситуации в Дагестане); *Н. Семёнов*. Роль мусульманских лидеров Поволжья в борьбе с терроризмом; *Алан Джисоев*. Экстремизм и безопасность Северо-Кавказского региона; *Диана Челпанова*. Террористическая активность в республиках Северного Кавказа; *Эльмира Муратова*. Преподавание ис-

лама в Крыму; *Гусейн Бахар Вагиф*. Азербайджан в орбите мировой дипломатии; *Ренарт Шарипов*. Этнополитические процессы в постсоветской Центральной Азии; *Параг Ханна*. Казахстан: Счастье – это когда много трубопроводов; *Елена Ионова*. Туркмения: Стратегия развития; *Алишер Файз*. Современный Ташкент: Нюансы восточного города; *Георгий Рудов, Салтанат Ташматова*. Воздействие внешних факторов на стабильность в Центральной Азии; *Т. Имаков, С. Семедов*. Хомейнизм – идеология политического ислама; *Е. Кузнецов*. Афганистан: Новая политика и старые беды; *Е. Мелкумян*. Традиции и современность в Кувейте; *А. Брагин*. Нарастание политической напряженности в Сомали; *В. Ахмедов*. Военные и политический ислам на Ближнем Востоке; VII съезд российских востоковедов; *Роберт Ланда*. Новая трибуна исламоведов (по материалам первых номеров журнала «Современный ислам»).

## № 6 (228)

*Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсман*. Почему Москва говорит «нет». (Вопрос российских интересов, а не психологии); *О. Куропаткина*. Религия и политика в современной России; *Ю. Ирхин*. Анализ рейтингов влиятельности глобальных лидеров как фактора современной геополитики; *Р. Беккин*. Опыт и перспективы исламской финансовой системы в России; *С. Сергеев, А. Салагаев*. Трансформация провинциальной советской номенклатуры Татарии в региональную правящую элиту Татарстана; *Е. Бурла*. Религиозная ситуация в современной Адыгее; *Александра Такова*. Этнополитические процессы в Карачаево-Черкесии в 2005–2010 гг.; *В. Манатова*. Можно ли говорить о существовании локальных цивилизаций на Кавказе?; Азербайджан стал частью глобальной войны ислама против Запада. (Из интервью UA REGNUM с директором департамента конфликтологии Института мира и демократии (Баку) Арифом Юнусом); *В. Гельбрас*. Казахстан после кризиса; *А. Большаков*. Внешняя политика Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве; *Хаким Рахнамо*. Место и роль ислама в истории Центральной Азии. (Взгляд из Таджикистана); *Мирван Искандар*. Иран и Россия; *М. Гареев*. Для чего НАТО нужен Афганистан?; *А. Сулейманов*. Центры стратегических исследований внешней политики Турции; *М. Морозова*. Пакистанский Белуджистан: Мина замедленного действия; *Алек-*

*сандр Аксенёнок*. К чему ведет пробуждение Ближнего Востока; *Параг Ханна*. Малайзия и Индонезия: Большая китайская сфера процветания; *К. Тузов*. Мусульмане Европы: Настоящее и будущее; *Р. Несипбай*. Радикальные направления в исламе. Джихадизм и такфир; *Евгений Рашковский*. Судьбы религий и революций: От Реформации до постмодерна.

## № 7 (229)

*Е. Кузнецов*. Масштабы распространения коррупции в России; *Светлана Глинкина*. Коррупция в современном мире; *Роман Силантьев*. Исламо-христианский «диалог» в России; *Г. Овруцкая*, *Ю. Синявская*. Конфликтный потенциал современных диаспор в принимающих обществах. (На примере Ростовской области); *Гульнара Габдрахманова*. Формирование рынка халяль-продуктов в современной России на примере Татарстана; *Марина Гугова*. Становление политического плюрализма в Кабардино-Балкарии в конце XX в.; *Владимир Попов*. Сможет ли Россия удержаться на Северном Кавказе?; *С. Суций*. Русское население в республиках Северного Кавказа в начале XXI в.; *Параг Ханна*. Азербайджан: Пробка в Каспийской бутылке; *Е. Байдаров*. Ресурсный национализм в Казахстане; *Адриан Пабст*. Что представляют собой последние события в Киргизии; *Елена Кузьмина*. Новый виток Большой игры?; *Александр Джумаев*. К историко-культурным основаниям близости Средней Азии и России: Взгляд из Узбекистана; *Николай Косолапов*, *Марина Стрежнева*. Постсоветское пространство: Условность или реальность?; *Марван Искандар*. Россия на Ближнем Востоке; *А. Малащенко*. Революции в Тунисе, Египте и Ливии; *Рашида Мрасси*. Региональные, географические и стратегические векторы, влияющие на внешнеполитический курс Турции; *Е. Дунаева*. Текущая расстановка политических сил в Иране; *Р. Мухаметзянова-Дуггал*, *З. Хабибуллина*. Индия и Россия: Государственное регулирование хаджа; *Эмиль Паин*. Невольники общин; *Ю. Кирина*. К разграничению понятий «фундаментализм» и «политический ислам».

## № 8 (230)

*Олег Богомолов*. Демократия и социально-экономический прогресс; *Юрий Бочаров*. А судьи кто? (О рейтингах России в мире);

*А. Юнусова.* Мусульманское самоуправление в России; *В. Шаповалов.* Ренессанс ислама в России и потребности в исламском образовании; *Р. Мухаметшин.* Становление конфессиональной политики в России: Опыт Татарстана; *О. Цветков.* Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе; *Алексей Малащенко.* 2020 год – последний шанс для Кавказа?; *Ренат Беккин.* Исламские методы финансирования в Азербайджане; *Аскар Акаев.* Киргизстан: Тревожные предчувствия; *Аркадий Дубнов.* Таджикистан: Новая оппозиция старому президенту; *Александр Скиперских.* Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане; *Андрей Зюков.* Межэтнические конфликты в государствах – участниках СНГ; *М. Гареев.* Россия и Афганистан: Что нам надо делать в сложившейся обстановке?; *И. Серенко.* Реформа религиозного образования и усиление исламистской активности в Пакистане; *Валид Фарес.* Ветер ужаса и ветер надежды. (Большой Магриб: Джихадисты и их заклятые враги); *Э. Ноймайер, Т. Плюмпер.* Международный терроризм и конфликт цивилизаций; *Р. Пашков.* Доктринальные основы исламского государства.

## № 9 (231)

*Леонид Опенкин.* Из прошлого в будущее. (Общественное устройство новой России в контексте отечественного исторического опыта); *П. Чуприков.* Исламские вузы и госуниверситеты России; *Д. Лавриненко.* Конфликтные процессы в Карачаево-Черкесии (2008–2010); *Мария Назукина.* Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России. (На примере Чечни); *Рашид Эмиров.* Причины популярности политического ислама на Северном Кавказе; *Эльмир Кулиев.* Модернизация Азербайджана: Светское и религиозное в современном обществе; *Елена Петренко.* Построение национальной государственности в Казахстане; *Канатбек Мурзахалилов, Миражиддин Арынов.* Влияние движения «Таблиги Джамаат» на развитие религиозной ситуации в Киргизии; *А. Мурзакасымова.* СМИ в современном Киргизстане; *М. Шевченко.* Энергетическая безопасность Туркменистана как фактор укрепления его международных позиций; *Аркадий Дубнов.* Узбекистан: Усталая и хрупкая стабильность; *А. Сотниченко.* Турция: Ислам и особенности национальной модернизации; *О. Чикризова.* Шииты Ирака: Угнетаемое большинство; *Алексей Васильев.* Цунами революций; *Шамиль Биккулов.*



Ислам в США, Австралии и Новой Зеландии; *Вячеслав Белокре-  
ницкий*. Восток в XXI столетии; *С. Митрофанова*. Исламский фак-  
тор и международное олимпийское движение.

## № 10 (232)

*Дмитрий Ефременко*. Россия в зоне турбулентности; *Альбина Ми-  
халёва*. Региональное измерение исламской идентичности в Рос-  
сии. (На примере Пермского края); *Замир Думанов*. Северный Кав-  
каз: От сепаратизма к радикальному исламу; *Алексей Малащенко*.  
Реальности и стереотипы восприятия ислама на Северном Кавказе;  
*Парвин Дарабади*. Каспийский регион в международно-геополити-  
ческой системе начала XXI века; *Кенан Аллахвердиев*. Этнопо-  
литическая безопасность Азербайджана в начале XXI века: Основ-  
ные сценарии; *Андрей Казанцев*. Многовекторность внешней  
политики и геополитическая неопределенность республик  
Центральной Азии; *Елена Ионова*. Итоги президентских выборов  
в Казахстане; *Жылдыз Урманбетова*. Киргизстан: Взгляд в  
настоящее и будущее; *Е. Борисова*. Таджикистан – Узбекистан:  
Борьба за водные ресурсы; *Дина Малышева*. Центральная Азия в  
контексте афганской ситуации; *Анатолий Ливен*. Понять Пакистан:  
Почему простые рецепты там не работают; *И. Иванова*. Турция и  
события на Ближнем Востоке; Социальный взрыв на Арабском  
Востоке; *О. Меренкова*. Влияние национального и конфессиональ-  
ного аспекта идентификации бенгальцев на формирование незави-  
симого государства Бангладеш; *Андрей Бакланов*. Бен Ладен – яв-  
ление в современной политике; *Шамиль Биккулов*. Ислам и Запад.

## № 11 (233)

*Л.В. Скворцов*. Реанимация расизма: Истоки и вариации; *Гу-  
зель Макарова*. Динамика российской, региональной и этнической  
идентичностей в Татарстане; *Е. Горюшина*. Влияние Ближнего  
Востока на кавказский экстремизм; *Станислав Чернявский*. Россия  
и Азербайджан в постсоветский период; *Д. Вильковски*. Арабо-  
мусульманские организации в Казахстане: Внешнее воздействие  
на исламское обновление; *Аркадий Дубнов*. Киргизия: Хворост для  
«Тюльпана-3»; *Марат Лаумулин*. США укрепляют свои позиции в  
Туркменистане и Таджикистане; *Алишер Файзуллаев*. Националь-

ные традиции в современном Узбекистане; *Дина Мальшева*. Международно-политические связи центральноазиатских государств и исламский фактор; *Виктор Коргун*. Современный Афганистан: Возвращение исламских клерикалов; *Александр Лукоянов*. Баланс двух культурных традиций определит будущее Ирана; *К. Вертяев*. Политический ислам и формирование оппозиции в современной Турции; *М. Головизин*. Бруней: Маленькая страна с большими амбициями; *Ольга Бибикина*. Арабы в Европе: Иммиграционная политика Франции; *В. Петрищев*. Терроризм смертников.

## № 12 (234)

*Андрей Зубов*. Какая модернизация нужна России?; *Йохан Гальтунг*. Десять тенденций, меняющих мир; *Р. Беккин*. Институт вакфа в современной России; *Язфав Гарипов, Роза Нурулина*. Мусульманская молодежь Татарстана: Конфессиональная социализация и ценностные ориентации; *Д. Халидов*. Северный Кавказ: Системный анализ и парадоксы статистики; *Сабина Гарашова*. Геополитические аспекты стратегии США в Каспийском регионе; *Диана Боровик*. Нефтяная монархия Каспия; *Елена Ионова*. Ситуация в Киргизии и перспективы российско-киргизских отношений; *Халимахон Хушкадамова*. Национальные обряды в современном Таджикистане; *Аркадий Дубнов*. Власти Туркменистана усилили контроль над ситуацией в республике; *Л. Васильев*. Особенности современного терроризма в Центральной Азии; *В. Овчинский*. Афганский узел терроризма; *К. Краснов*. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана; *Е. Тихонова*. Сунниты и шииты Ирака: От «Ирака британского» к «Ираку американскому»; *М. Володина*. Современная политическая система и становление гражданского общества в Марокко; *Е. Деминцева*. Мусульмане во Франции (дискурс в трудах французских ученых второй половины XX – начала XXI в.); *Георгий Мирский*. Ислам, исламизм и современность; Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2011 г.

**РОССИЯ  
И  
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР  
2011 – 12 (234)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,  
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова  
Технический редактор Н.И. Романова  
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение  
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.  
Подписано к печати 6/ХП-2011 г. Формат 60х84/16  
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена  
Усл. печ. л. 11,25 Уч.-изд. л. 10,4  
Тираж 500 экз. Заказ № 203

**Институт научной информации  
по общественным наукам РАН,  
Нахимовский проспект, д. 51/21,  
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения  
информационных изданий  
Тел. Факс (499) 120-4514  
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru  
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21  
Москва В-418, ГСП-7, 117997  
42(02)

